

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

ИСТОРИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 3 (13) июль – сентябрь 2018 года

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

№ 3 (13)

июль – сентябрь

2018 года

Историко-информационный
краеведческий журнал

Издание группы казаков
Урала, Зауралья,
Западной и Восточной
Сибири и Дальнего Востока

Редакторы:

Александр Толкачёв
Владимир Крюков –
Почётный атаман Амурского
Казачьего войска
Михаил Палагин –
Атаман ТОКО СВКО

Редколлегия:

Сергей Зинченко
Сергей Косяченко
Владимир Скидан
Владимир Иванов-Ардашев
и казаки России

Музыкальный редактор:

Валерий Федорец

Вёрстка:

Артём Калинин

Корректор:

Ирина Киселёва

Электронный адрес редакции:

KazzaK1949@mail.ru

Почтовый адрес:

634063, г. Томск, а/я 1980

Мнения авторов

не всегда совпадают
с мнением редакции

На первой обложке:

На фронте Первой Мировой
войны, вручение наград

На последней обложке:

Финал I Регионального фести-
валя-конкурса казачьего твор-
чества «Казачья звонница»,
г. Томск (фото: А. Рауш)

В номере:

<i>Стихи</i>	
Соклаков А. Ю. «К Богу».....	4
<i>Слово редактора</i>	
Что-то здесь не так.....	4
Благодарим!.....	6
<i>События</i>	
I Региональный фестиваль-конкурс казачьего творчества «Казачья звонница».....	7
Урок памяти потомков.....	9
Ирменское сражение.....	10
Усть-Стрелка. Забытый острог.....	12
12-я Открытая краевая казачья спартакиада.....	16
Военно-полевые сборы кадетов казачьих военно-патриотических клубов «Спасатель» и «Пернач».....	17
Чемпионат Владивостока по джигитовке определил лучших в мастерстве верховой езды.....	18
Вручено Знамя казачьих кадетских групп.....	19
Военно-полевые сборы Ейского казачьего отдела – 2018 г.....	21
Военно-полевые сборы Лабинского казачьего отдела ККВ – 2018 г.....	21
Военно-полевые сборы Кавказского казачьего отдела – 2018 г.....	24
Всероссийский фестиваль «Казачок Тамани».....	24
Бунт на корабле. Казаки отказываются служить Государю?.....	25
Заявление казаков Рязанского казачьего товарищества.....	25
Новгородские власти выделяют земли религиозным организациям и казачьим обществам без проведения торгов.....	26
Древнейшую профессию – службу в казачестве – внесут в реестр Минтруда.....	26
<i>Голос Зарубежья</i>	
Ложь и действительность. После падения большевизма только царь спасёт Россию от нового партийного рабства.....	27
<i>История Гражданской войны</i>	
Офицеры белых армий о роли Антанты в Гражданской войне.....	33
90 лет назад тунгусы и якуты обратились в Лигу наций с просьбой спасти их от коммунизма.....	39
Воспоминания соратников и противников Чапаева о легендарном комдиве.....	42
Главные «иуды» Гражданской войны в России.....	44
Почему царский генерал Брусилов не примкнул к белым.....	46
<i>История</i>	
Иркутский кадетский корпус.....	48
Генерал Бабиев Н. Г.....	50
<i>Литература</i>	
У казаков. Из летней поездки на Урал.....	51
<i>История</i>	
Взаимоотношения казачества и властных структур Российской Империи в XIX в.....	82
<i>Из истории промышленной добычи золота в Сибири</i>	
Предисловие редакции.....	84
Разгадка «муравьиного» золота, или золотые муравейники.....	85
История фамилий.....	87
<i>История</i>	
Какими казаками стали солдаты Наполеона.....	90
<i>Народы</i>	
Четыре славянских народа, которые исповедуют ислам.....	92
Сколько казаков было мусульманами.....	94
<i>Сильные личности в истории России</i>	
Европа может подождать!.....	96
<i>История быта</i>	
Казачья борода.....	97
<i>Архив</i>	
Грамота Царя Феодора Иоанновича.....	98
<i>История</i>	
Судьбищенская битва – кровавый бой с крымской ордой на Диком поле.....	99
<i>Донское краеведение</i>	
Станица Баклановская – родина семи генералов.....	101
<i>История</i>	
Подвиг урядника Дубенцова.....	102
<i>Народы</i>	
Турки: кто они на самом деле.....	102
<i>История Гражданской войны</i>	
Майкопская атаманша.....	104
Атаман Андриан Карпович Денисов 6-й.....	107
Как русский еврей Борис Штейфон стал немецким генералом вермахта.....	110
<i>Казачья слава</i>	
Подвиг кубанского казака Лавриненко.....	112
<i>История</i>	
Как получилось, что знамя над рейхстагом водружали одни, а наградили других.....	113
<i>Непридуманные истории</i>	
Анализы трупа и растерянные лица родственников: после вердикта врачей жить захотелось ещё больше.....	116
<i>Совсем немного политики</i>	
Генри Киссинджер – архитектор нового мирового порядка.....	118
Доктор Киссинджер приговаривает Россию.....	119
<i>Оккупация</i>	
Оккупация по-американски. Сто лет назад армия США вторглась в Россию.....	121
<i>Музыкальная страничка</i>	
Песня «За рекой Ляохэ».....	123
<i>Наши утраты</i>	
Николай Владимирович Курочкин-Креве.....	124
<i>Детская страничка</i>	
А. Ишимова. «История России в рассказах для детей».....	125

К БОГУ

Соклаков А. Ю.

1

Когда я раненый упал,
то громко «мама!» закричал;
я губы бледные кусал
и нежно рану бинтовал.

•

А подо мной ковыль-трава,
а надо мною синева,
и пули жадные летят,
казачью грудь найти хотят.

2

Когда я раненый лежал,
то долго, тихо всё стонал,
врага неистово ругал,
рукою рану прижимал.

•

А подо мной тверда земля,
а надо мною облака,
и так же пули всё свистят,
и в казаков попасть хотят.

3

Когда я в забытьё впадал,
родных и близких целовал,
жену и дочку миловал,
чужого сына забавлял.

•

А подо мной земля как лёд,
а надо мною мгла встаёт,
и пули светят и летят,
казачью жизнь забрать хотят.

4

Когда в ночи я замерзал,
ногой в курок не попадал,
и вдруг склонилась сестра,
винтовку молча отвела.

•

А подо мной брезент лежит,
а надо мной звезда горит,
и только пули всё свистят,
и казаков убить хотят.

5

Когда с войны домой попал,
то к Богу истово взывал,
с сынишкой свечи зажигал
и санитарку поминал.

•

А подо мной родна земля,
а надо мною небеса,
и пули больше не летят,
казачьих душ уж не хотят?

(июль 2006–20.05.2018 гг.)

Слово редактора

ЧТО-ТО ЗДЕСЬ НЕ ТАК

Помню ажиотаж в стране в связи с выходом фильма «Покаяние» режиссёра Тенгиза Абуладзе. Творилось что-то непонятное в умах советской интеллигенции и в сознании трудового народа: с одной стороны, все давно ожидали чего-то такого-этакого, навряде того, что было в 1956 году, после памятного всем 20-го съезда партии; с другой стороны... Ну не до такой же степени!..

И тех, и других можно было понять.

Во-первых. Когда-нибудь надо было сказать народу всю правду о своей истории. Назвать палачей – палачами, невинно пострадавших – невинно пострадавшими, и с чистого листа начать новую, прекрасную жизнь... Не получилось.

Ни новой прекрасной жизни, ни чистого листа, ни развенчания истинных палачей прошлого. Зачастую они сами, палачи в прямом и в переносном смысле этого слова, ещё жившие в 80-х годах ответственные партхозработники, идеологи и их наследники как стояли у руля советской власти, так и стоят до сих пор. Я имею в виду, конечно, их родственников по духу и потомков по крови. Только сейчас их партбилеты КПСС тихонько лежат в строго охраняемых сейфах, а на видных местах в кабинетах, где рядом с настоящими, подчас запредельно дорогими иконами, висят грамоты о дворянстве, дарованном непонятно кем и за что.

Во-вторых. Наша советская интеллигенция – это... Нет, не буду повторять хорошо всем известное грубое название, данное этой «прослойке» общества В. И. Лениным, замену его более пристойным определением, высказанным, кажется, самим Анатолием Васильевичем Луначарским.

«Интеллигент – это тот, у кого в домашнем рабочем кабинете на стене висят три университетских диплома: его собственный, его отца и его деда».

Подумайте, много ли в нашей стране в те годы было людей, у которых нашлись бы подобные документы? Да и сейчас таких господ поискать нужно, даже несмотря на возможность за «бабки» затариться любой гербовой бумажкой.

Так вот, наша, в массе своей забитая, закомплексованная малограмотная интеллигенция, вышедшая из народа, просто не смогла сразу переварить весь информационно-диверсионный материал, поданный в фильме. Пряталась по удобным и привычным кухням и шушукалась, шушукалась... А материал давался впрямую, в лоб: советская власть – власть тиранов и подлых убийц, и с тонким намёком, что все мы в этом виноваты. Поэтому, товарищи, кайтесь.

Вот чего я не мог понять тогда, не могу понять и сейчас: почему должен каяться я, родившийся в послевоенной стране, внук оставшегося навечно в советском концлагере деда, а не те, кто занимал какие-то ответственные посты ещё до войны и, возможно, поневоле был соучастником кровавых событий тридцатых годов? Почему молчал весь «кремлёвский дом престарелых», ведь у некоторых стариков из ЦК руки были по локоть в крови собственного народа? Не буду называть имена, чтобы не вызывать ненужной полемики. Почему не слышно было молодую поросль из МГИМО, профессуру из ведущих вузов страны, аспирантов и прочих ныне бодро разносящих в пух и прах советскую власть? Почему большие всех сегодня поносят СССР дети видных партийных чиновников и чекистов, а не дети и внуки расстрелянных и умерших в советских концлагерях? Скорее всего, по духовным качествам: у кого-то была и есть совесть и любовь к Родине, а у кого-то их никогда не было и не будет.

Мы жили в одной стране, но всё равно по разным сторонам баррикады. Одни любили эту страну и отдавали за неё жизни на фронтах всех больших и малых войн, а другие делали на псевдопатриотизме и коммунизме карьеру и больше ничего. Именно поэтому, как только повалилась страна, за рубежом оказались миллионы наших сограждан. В одних США проживает около пяти миллионов человек – эмигран-

тов из советского рая. Уверю вас, простых работяг в их числе не так много.

Прошли годы, и нас вновь призывают каяться. Даже появилась целая группа известных в стране людей, по любому поводу вопящих: «Простите нас!».

Я опять не могу понять, почему я должен в чём-то каяться и у кого-то просить прощения?

С советской властью я особенно не дружил, даже наоборот, считался её противником, членом партии не был, никаких постов не занимал... Да и в новой России мне «тёплого» места не нашлось. За что мне, пенсионеру, каяться? Понимаю: кто-то может сказать, что не ходил голосовать, казаковал, был руководителем регионального отделения оппозиционной партии...

Ну и пусть говорят, если это правда.

Но вот и за границами России вдруг стали раздаваться голоса – мол, русский народ должен покаяться за события 1917 года, и прежде всего казаки, предавшие царя... При этом сами же и называют прямых виновников нашей общей трагедии – ближайшее окружение царя Николая Второго: Гучков, Милоков, Алексеев, Корнилов и т.д. Казаки присоединились к этой компании в последнюю очередь, и совсем по иным причинам.

Мои оба деда воевали на фронтах 1-й Мировой войны, и они точно не давали генералам согласия на заговор против царя и на развязывание братоубийственной гражданской войны в России. И миллионы фронтовиков той войны не давали права знати на дворцовый заговор и переворот. Нам, их потомкам, не в чем каяться.

Да и на развал СССР советский народ не давал полномочия Ельцину и «младореформаторам». Нас в очередной раз обманули «верхи», и только в том наша вина, что вовремя не усмотрели врага в своём доме.

Почему наши пенсионеры должны выживать на восемь тысяч рублей в месяц и при этом просить прощения у тех, кто развалил и ограбил Великую страну на триллионы?..

Это Запад должен просить у русского народа и казачества прощения за то, что помогал и помогает прятать в своих банках наворованные у нас деньги. И за всё прочее.

Впрочем, это не тема нашего журнала. Это дело совести представителей власти и правоохранительных органов.

Какая всё же каша в головах теперь уже у «стопроцентно интеллигентных» русскоговорящих людей в России и на Западе! И это не только от незнания истории родной страны.

Александр ТОЛКАЧЁВ

БЛАГОДАРИМ!

Дорогие суворовцы, нахимовцы и кадеты, командиры и преподаватели, воины и патриоты нашего Отечества!

От всей души благодарим вас за помощь, поддержку и участие в подготовке и проведении 75-летия образования суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ!

В апреле 1943 года генерал-лейтенант А. А. Игнатьев направил И. В. Сталину письмо с предложением создать в Советском Союзе один кадетский корпус для подготовки будущих офицеров, принимая во внимание, что Советская Армия понесла огромные потери среди офицеров в годы войны. А в декабре

1943 года в Советском Союзе 4 500 мальчишек в девяти суворовских училищах сели за парты.

Созданные в 1943 и 1944 годах Советским правительством под руководством Иосифа Виссарионовича Сталина суворовские военные и нахимовские военно-морские училища по типу старых кадетских корпусов незримо унаследовали от Императорских кадетских корпусов основное качество – беззаветно служить Отечеству.

В текущем году суворовские и нахимовские училища отмечают 75-летие своего рождения. За время их существования училища окончили более 200 000 выпускников.

Суворовцы и нахимовцы стали общественными и государственными деятелями, Героями Советского Союза и России, Героями Социалистического Труда, исследователями космического пространства, учёными с мировым именем, конструкторами и изобретателями, докторами и кандидатами наук, чемпионами Олимпийских игр, чемпионами мира и Европы по различным видам спорта, и просто защитниками своего Отечества, рядовыми тружениками там, где им приходится трудиться.

Ко всем нам подходят слова выпускника Новгородского (позднее Нижегородского) графа Аракчеева кадетского корпуса, которые он направил в корпус по случаю его 50-летия в далёком 1884 году:

«Могу ли не благодарить Бога за то, что почти дитятей попал в добрые руки воспитателей Новгородского корпуса, укоренивших в нас нравственные начала. Мир вам – незабвенные. Буду помнить вас до конца моей жизни. Вас нет на свете, но деяния и труды ваши Бог видел въяве, и я свидетельствую о них. Пусть время рушит нашу старину, но оно не разру-

шит сделанного нашими наставниками и учителями».

Прошу простить меня, что добавляю немного от себя:

«А ты, колыбель моего воспитания, притом родной, где судьба лелеяла меня, – да будет во мне свята память о тебе. Воспоминание о тебе вызывает во мне гордость именоваться Горьковским Суворовцем. Где вы, мои милые друзья? Обнимаю вас как братьев, милых сердцу моему.

Бывших суворовцев не бывает. Суворовец – это навсегда!»

Владлен Анатольевич ГУРКОВСКИЙ,
суворовец первого набора Горьковского СВУ,
полковник,
ветеран СВР и Президентского полка,
член Союза писателей России

Посмотреть видеосюжет о праздновании 75-летия СВУ и НВМУ 22.08.2018 г. и скачать фотографии мероприятия можно по ссылке: <http://www.mccvu.ru/news/5692/>

С уважением,
МОСКОВСКИЕ СУВОРОВЦЫ РОО
mccvu@mccvu.ru

События

I РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ-КОНКУРС КАЗАЧЬЕГО ТВОРЧЕСТВА «КАЗАЧЬЯ ЗВОННИЦА»

С 10 по 12 августа в Томске впервые прошёл I Региональный фестиваль-конкурс казачьего творчества «Казачья звонница», который стал третьим в России и первым за Уралом.

Организаторами стали педагоги школы-студии народного танца «Русские забавы». А это значит, что проект народный, не придуманный в кабинете ради исполнения плана – он наполнен душой! Фестиваль берёт свои корни в творческом проекте «Казачьи России», который успешно реализуется художественным руководителем коллектива «Русские забавы» Ольгой Алексеевой

на протяжении уже восьми лет. С целью возрождения и популяризации уникальной казачьей культуры было принято решение собрать на томской земле самые интересные казачьи коллективы Сибирского региона. В рамках фестиваля прошли конкурсные смотры, экскурсия на казачий острог в посёлке Семилужки, мастер-классы, литературно-музыкальная гостиная «Во

славу казачества», а также большой гала-концерт, который состоялся 12 августа на площади Новособорной и собрал около тысячи зрителей. Оценивали творчество конкурсантов профессионалы высокого класса: Сергей Алексеевич Савоськин (г. Красноярск) – председатель жюри, заслуженный работник культуры РФ, директор Краевого государственного бюджетного учреждения культуры «Центр культурных инициатив», художественный руководитель народного ансамбля «Метелица»; Макаренко Вячеслав Валерьевич (г. Екатеринбург) – ведущий специалист по традиционному казачьему костюму, основатель и руководитель компании «Казачья Уральская Мануфактура»; Андрей Иванович Кульманов (г. Красноярск) – ведущий солист Красноярского государственного академического ансамбля танца Сибири им. М. С. Годенко, балетмейстер и хореограф; Асанов Вячеслав Владимирович – создатель ансамбля Сибирской народной песни при Новосибирском научно-методическом центре народного творчества и культпросветработы, организовал в Новосибирске Центр русского фольклора и этнографии. Член Союза композиторов России, вице-президент Российского фольклорного Союза Петриева Валентина Ивановна – заслуженный работник культуры Российской Федерации, профессор ТГПУ.

В конкурсной программе принял участие 21 коллектив (более 260 человек) из четырёх регионов Сибирского федерального округа (Томская область, Алтайский край, Новосибирская область, Кемеровская область). Единогласным решением жюри победителями I Регионального фестиваля-конкурса казачьей культуры «Казачья звонница» признаны томские коллективы.

Это школа-студия народного танца «Русские забавы» (в номинации «Хореография») и ансамбль народной песни «Росы» (в номинации «Народное пение»).

Казачьи коллективы собрались для общения, обмена опытом и, конечно, знакомства с нашим замечательным городом. Томск был основан «Ермаковыми казаками» одним из первых городов Сибири, а значит, должен служить источником казачьей культуры на Сибирской земле и стать носителем замечательной традиции – фестиваля «Казачья звонница».

«Казачья звонница» прошла при финансовой и организационной поддержке Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь), Администрации Томской области, департамента образования Томска, Томского отдельского казачьего общества Сибирского войскового казачьего общества и Томской региональной патриотической общественной организации «Казачий корпус».

«Русские забавы»

Смотрите: <https://www.youtube.com/watch?v=rL2rhoJuH5c>

УРОК ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

В 2012 году указом Президента Российской Федерации Владимира Путина были внесены изменения в статью Федерального Закона «О днях воинской славы и памятных датах России», согласно которым 1 августа – официальный День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 годов.

В связи с этим 1 августа 2017 года казаки Парабельского хуторского казачьего общества приняли решение временно установить памятный деревянный крест в честь героев-казаков, погибших в Первой Мировой войне. В дальнейшем представители штаба Томского отделения Сибирского войскового казачьего общества должны были доставить в с. Парабель памятный камень. Было решено установить его рядом с памятником воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, на территории Кирзаводского СДК.

Казаки сдержали данное ими слово и довели дело до конца. Ровно через год, 1 августа, в торжественной обстановке состоялось открытие памятного камня «Казакам-сибирякам, погибшим в Первой мировой войне 1914–1918 гг. за Веру, Царя и Отечество».

Важность его открытия отметили все присутствующие. Он означает, что подвиг предков не забыт, что потомки хранят эту память.

Заместитель главы Парабельского района Александр Костарев поздравил участников мероприятия с этим событием и особенно подчеркнул, что боевое товарищество казаков в годы Первой Мировой войны являет собой ярчайший пример единства.

Открытие памятного камня для каждого из жителей нашего района – большой шаг на пути укрепления традиций, добра и взаимопонимания. То, что мы получаем из уроков истории, весь опыт прошлого мы должны не только уважать, но и тщательно беречь, передавая его молодым поколениям без искажений и фальсификаций. Казаки, несомненно, делают это нужное дело!

В заключение торжественного открытия памятного камня Александр Ковбаса, представитель Парабельского хуторского казачьего общества, поблагодарил гостей за присутствие и поддержку.

Елена БЫВШИХ

ИРМЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

В 2012 году указом Президента Российской Федерации Владимира Путина были внесены изменения в статью Федерального Закона «О днях воинской славы и памятных датах России», согласно которым 1 августа – официальный День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 годов.

Художник Николай Николаевич Каразин «Последний кучумовский разгром 1598 года»

25–26 августа на территории Ордынского района НСО и г. Новосибирска состоялись праздничные мероприятия, посвящённые 420-летию сражения отряда тарского воеводы Андрея Воейкова, состоящего из стрельцов, казаков и служилых татар, с воинством властителя Сибири хана Кучума.

25 августа казаки Союза казаков Новосибирской области, Новосибирского отдельского казачьего общества СВКО, представители РПЦ прошли крестным ходом от Дома культуры села Пичугово до поклонного креста, установленного на берегу Обского водохранилища в честь этого исторического события, сыгравшего важную роль в закреплении за Русским государством благодатного края – Сибири. У монумента процессия была встречена главой и представителями сельсовета села Пичугово. В выступлениях красной нитью прозвучали слова атамана Союза казаков НСО Ракова Валерия Александровича о том, что любая битва, любая война – это прежде всего боль и страдания народов, участвующих в ней. Именно

поэтому нужно отдать дань уважения всем воинам с обеих сторон, павшим в Ирменском сражении. «Любо», – ответили казаки. А это дорогого стоит.

Продолжилось празднование на следующий день в парке «У моря Обского» г. Новосибирска историко-культурной инсталляцией «Кучумово царство», организаторами которой выступили: Союз казаков Новосибирской области, Новосибирское казачье общество СВКО, НКО «Фестиваль самобытных культур «Сибирская Индеана». 26-го августа на место проведения мероприятия съехались и казаки приглашённых организаций: Ново-Туркестанской казачьей линии СКР, Первого Новосибирского казачьего округа (Краснообск), Бердского станичного казачьего общества (Бердск), казаки г. Искитима и др. Министерство региональной политики НСО представлял Богдашкин Виталий Олегович. Присутствовала руководитель Государственного бюджетного учреждения культуры НСО «Новосибирский областной татарский культурный центр» Тихомирова Равза Шамильевна.

На протяжении всего действия на сцене выступали творческие коллективы: этнографический певческий коллектив «Майдан» (руководитель – Горбунов С. Г.), Народный коллектив, ансамбль казачьей песни «Вольница» (руководитель – Седов А. А.), Народный ансамбль казачьей песни «Тальянка» (руководитель – Ивлев С. В.), фольклорный ансамбль «Красота» (руководитель – Выхрестюк О. И.) Организованы и проведены мастер-классы по фланкировке, рубке лозы, ковке. Работала ярмарка, где можно было приобрести сувениры, элементы казачьей справы, подкрепиться пирогами и ароматным чаем. Развёрнут стенд с макетами стрелкового оружия разных эпох. Для самых маленьких участников праздника работал кукольный театр. Не обошлось без традиционной каши, приготовленной настоящей армейской полевой кухней. Национальная татарская кухня была представлена горячим пловом, приготовленным мастерами своего дела в чугунном казане на живом огне.

Особый колорит всему мероприятию придала реконструкция встречи воеводы Андрея

Воейкова и хана Кучума, с ролью которого превосходно справился артист татарского театра. Финальный аккорд – костюмированная реконструкция схватки отряда Воейкова с воинами хана Кучума. Сцена, полная драматизма и суровых реалий той эпохи...

Сегодня на территории Сибири проживает масса народностей больших и малых. Это их дом, их Родина. Они составляют единую общность под названием «российский народ». А народ, который хочет уверенно смотреть в будущее, должен знать прошлое. Знать и чтить свою историю. Мы глубоко убеждены, что проведение подобных площадок должно способствовать сплочению всех народностей, населяющих территорию России, как граждан Российской Федерации. Граждан, имеющих равные права, строящих отношения на основе взаимного доверия и уважения друг к другу. Благодарим всех организаторов и участников мероприятия.

Андрей КОЛОТОВ,
Штаб Союза казаков Новосибирской области

События

УСТЬ-СТРЕЛКА ЗАБЫТЫЙ ОСТРОГ

В историю освоения Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока вписано немало имён великих землепроходцев, которые шли «встреч солнцу», открывая для России новые земли, а для государственной казны – новые богатства. В те времена земля за Уралом представляла из себя неиссякаемый источник ресурсов – в первую очередь пушнины. Кроме того, по рассказам побывавших в тех местах людей, в тех краях находились запасы серебра. Это и определяло движение вольных людей на восток, в первую очередь казаков. Никогда ещё в истории народов не было примеров колонизации такого огромного пространства столь малыми силами. При этом продвижение на восток не влекло за собой целей тотального уничтожения местного населения, но имело одной из задач приведение под «руку царя» полноценных подданных, граждан страны, уравненных в правах с русскими и народами других национальностей, исторически проживающих в центральной части.

И пусть имена рядовых первопроходцев нам неизвестны, зато мы помним их атаманов, которые увековечены в памяти и географических названиях. Вот только некоторые из них: Ермак, Семён Болховской, Иван Мансуров, Василий Сукин, Атаман Буза, Пётр Головин, Максим Перфильев, Пётр Бекетов, Яков Хрипунов, Курбат Иванов, Иван Похабов, Василий Поярков, Афанасий Пашков, полковник Бейтон и многие другие. Именно им Россия обязана новой землёй за Уралом.

Чтобы закрепиться на новых, необжитых территориях, отряды служилых казаков, вольных, гулящих и промышленных людей ставили укрепленные поселения, остроги. Тактика, выбранная казаками, была до предела проста и эффективна: бросок по рекам вперёд, закрепление на месте в виде поставленного острога с обязательным возведением крепкой бревенчатой стены с крепкими воротами, угловыми башнями. Внутри находилась изба воеводы, казармы для служилых людей, амбары для припасов, арсенальная изба, в которой хранились оружие и порох, и приказная изба – административная. Такие неказистые на вид крепости позволяли пережить зиму, основаться более прочно на новом месте, накопить силы для следующего рывка вперёд. А на новом месте снова ставили острог, накапливали силы, и снова через пару-тройку лет совершался бросок вперёд.

Сибирский казак 16–17 веков.
Худ. Корнеев

Оставшиеся позади остроги постепенно превращались в обжитые города, вокруг которых селились крестьяне и ремесленники. И были крепким тылом для идущих вперёд казаков.

Некоторые из острогов вошли в историю как места боевой славы русского оружия, например, Албазинский, Комарский и прочие, другие выросли в города, как Нерчинский, Иркутский, Удинский. А иные были незаслуженно забыты и скрыты за тьмой столетий. Об одном из них я и хотел бы рассказать в этой статье.

Усть-Стрелка – это место слияния крупнейших забайкальских рек Шилки и Аргуни, место, где начинается река Амур. И одно из самых первых поселений русских в восточном Забайкалье. Большинство источников называют дату постройки Усть-Стрелочного острога 1650–1651 гг. С самим же местоположением этого острога имеются разногласия. Разные источники указывают, что он был поставлен то на устье Шилки, то на берегу Аргуни, то на месте их слияния. А другие и вовсе указывают на правый берег Амура.

Не меньше разногласий и с именем основателя острога. И этому есть объяснение: некоторые исследователи утверждают, что Усть-Стрелочный острог был сожжён тунгусами, и, значит, мог строиться не один раз и не одними и теми же людьми. По одной версии, вышедший из Якутска в 1654 году сын боярский Фёдор Пущин с пятьюдесятью казаками, дойдя к зиме

1655 года до устья Аргуни, поставили там зимовье, которое и стало впоследствии острогом. По другим версиям, основание Усть-Стрелки приписывают то Бекетову, то Галкину, но всё же большинство источников основателем Усть-Стрелки называют Ерофея Хабарова. Вот один из документов, датированный 1651 годом, – донесение царю Алексею Михайловичу от якутского воеводы Францбекова о действиях Ерофея Хабарова на Амуре в 1651 году, в котором есть следующие слова:

«И он де Ярофейко на усть Шилки реки на великой реке Амур для Государь поселения нашенного и для приходу русских людей новый поставил острог в угожем крепком месте под волоком, где Государь переходить будет русским людям пешею ногою сухим путем только в два дни. И в том де Государь остроге для пашины оставил он Ярофей на своих проторях и с своими подьемы двадцать человек. А для Государь службы и для приводу под твою Государь высокую Царскую руку князя Гантимураулаха и Таргачина для ясачного сборы, служилых людей тридцать человек».

Но и этот документ нельзя считать абсолютной истиной, так как зачастую возникала путаница в названиях рек. Например, Шилка и Амур зачастую считались одной и той же рекой и могли в переписке указываться как под одним, так и под другим названием. А река Шингал (Сунгари) созвучна Шилкар Силькар (Шилка). Но при этом нельзя не отметить тот факт, что в документе упоминается имя князя Гантимураулаха. Скорее всего, речь идёт о князе Гантимуре, ведь подвластные ему тунгусы как раз кочевали по районам Шилки и Аргуни. А это позволяет предположить, что речь в документе идёт именно о Усть-Стрелочном остроге.

Поселение в месте слияния Шилки и Аргуни упоминается и в более поздних документах: в 1678 году упоминается Усть-Стрелочная или Усть-Аргунская слобода. А в 1685 году указано, что отступающих жителей из взятого маньчжурами Албазинского острога богдойские войска преследовали до Усть-Аргунской заимки.

Но вернёмся к хронологии дальнейших событий. 29 августа 1689 года между Россией и Китаем был заключён Нерчинский договор, по которому левый берег Амура и Шилки вплоть до реки Горбица отходил Китаю. Согласно ему все русские поселения должны были быть убраны, а Албазин срыт до основания. В результате Усть-Стрелка оказалась на острове территории, образованной междуречьем Шилки и Аргуни глубоко вдающемся в китайские владения.

К 1700 году процесс освоения новых земель практически прекратился, а правительство России задумалось о закреплении на достигнутых рубежах, их охране и обороне. На тот момент

граница охранялась линией острогов, которые в свою очередь высылали разъезды и заставы. В дальнейшем проводились непрерывные реформы по укреплению границы с Китаем и Монголией, увеличивалось число пограничных казаков, строились новые поселения. Это сопровождалось заключением рядом договоров с Китаем по установлению границы. До 1851 года охрана границы на этом участке происходила так: усть-стрелочный караул входил в состав Горбиченской сотни, и каждый день караул высылал конный разъезд от 10 до 20 человек, которые, разделившись поровну, разъезжались в разные стороны по границе для её осмотра. Всё изменилось в 1851 году, когда трудами генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьёва было создано Забайкальское казачье войско. Усть-Стрелка стала центром 5-й сотни 4-го конного полка 1-й конной бригады ЗКВ. 5-я усть-стрелочная сотня начиналась от посёлка Урюпино (Типкураучинского) на Аргуни, в Усть-Стрелке было 25 домов, в Тымогерском 20, в Жигдачинском 10, в Мучиканском 20. Население Усть-Стрелки было около 150 человек. Пашен было мало, основным занятием казаков был звериный промысел и рыболовство. Добытые шкуры лося и изюбра меняли в ближних деревнях на хлеб, а пушнину и струю кабарги продавали купцам в Шилкинский завод. Панты сбывали китайским купцам. Почти все перевозки осуществлялись по воде или по льду, так как дорог не было, и только по берегу Аргуни была вьючная тропа до посёлка Типкураучи.

Проведённые реформы губернатора Восточной Сибири и образование Забайкальского казачьего войска кардинально изменили жизнь Забайкальской глубинки, всё ожило и пришло в движение. Было создано три конных бригады, в каждую из которых входило по два полка, а в каждом полку было по шесть сотен. Из бывших горнозаводских крестьян (многие из них были потомками казаков-первопроходцев) было создано три пеших бригады, бригада состояла из четырёх батальонов. Батальон состоял из четырёх рот. С образованием ЗКВ в Забайкалье образовалось шесть бригад местного казачьего войска, которых с избытком хватило на все службы – по границе, рудникам, заводам и золотым приискам. Повсеместно строились бригадные, полковые, батальонные и сотенные правления, склады, цейхгаузы и другие сооружения, оборудовались полевые лагеря. Часть казаков направлялась в Иркутск для фронтального обучения. Обучались шорники, писари, портные, слесари, токари, трубачи. В Усть-Стрелке также строили сотенное правление, цейхгауз и хлебные магазины. А в 1853 году прошли первые бригадные сборы, в которых принимали участие казаки

усть-стрелочной сотни. С рыданиями провожали казачки своих мужей и сыновей в путь, казалось, уже не надеясь увидеть их вновь. Но полевые лагеря были не так уж далеко, а ученья не такие и страшные.

Тем временем жизнь и служба казаков шла своим чередом: в августе 1853 года вышло распоряжение генерал-губернатора Муравьёва Н. Н. по ЗКВ о назначении офицеров, урядников и казаков для формирования сводной Амурской сотни и сводного пешего полубатальона для следования в навигацию 1854 года к устью Амура. По Шилке и Аргуни началась заготовка леса для лодок, паромов и плотов. Живущие по Аргуни от Усть-Стрелки до Олочей, по Шилке, Онону и Ингоде казаки назначались к переселению. В основном отбирались из многосемейных и состоятельных, при этом назначенные в поход в работах не участвовали. С открытием навигации 1854 года в Усть-Стрелку по Шилке и по Аргуни начали прибывать различные сплавные суда, сопровождаемые войсками. А 14 мая 1854 года, после молебна у иконы Албазинской Божьей матери и салютации из древней албазинской пушки, из Шилкинского завода начал сплав сам генерал-губернатор, на первом Амурском пароходе «Аргунь», построенном в Шилкинском заводе. В ту пору были написаны строки:

**«Жданный всеми генерал, громкий по державе,
Ободряя всех, сказал о походной славе.
Не жалеть своих трудов! Подвигом гордиться.
С нами бог и рой штыков, нечего страшиться.
Все готовы, генерал хоть в огонь, хоть в воду.
Вдруг раздался песен хор. Пушки загремели
И по Шилке среди гор лодки полетели.»**

17 мая экспедиция подошла к Усть-Стрелке. При общем построении частей генерал-губернатор поздравил войска с походом и произнёс речь:

«Амур должен принадлежать русским, по этой реке впоследствии будет путь пароходный, который необходим как в торговом, так и в военном отношении, не только в сношениях с Китаем, но и в сношениях с Европой, Америкой. Государь Император желает приобрести эту реку без кровопролития. Если Богу угодно, исполним его Высочайшую волю и постараемся избежать неприязненных отношений с Китаем. Проплывём по Амуру до его устья, которое будем охранять, и не допустим врагов России занять оное Англо-Французской эскадрой. Царь нас наградит»...

Крикам «Ура» и «Рады стараться» не было конца. По окончании молебна двинулись в путь. Казаки 5-й усть-стрелочной и 6-й горбиченской сотен, как самые практичные и опытные к походу на воде, были распределены по одному на каждое судно в качестве лоцманов.

С ранней весны 1855 года вниз по Амуру отправилась ещё одна сводная сотня, сводный пеший полубатальон, часть артиллерии и линейные солдаты. В середине этого эшелона следовал и генерал-губернатор. В августе 1855 года с низовий Амура на пароходе «Надежда» пришёл контр-адмирал Путятин, с ним прибыл Посьет, впоследствии министр путей сообщения. Пароход из-за мелководья пришлось оставить выше посёлка Толбузинского. Адмирал со свитой пришёл на Усть-Стрелку на лодках, которые бечевой тянули усть-стрелочные казаки. А Путятин стал первым из русских, кто поднялся на пароходе от устья Амура. Адмирал провёл на Усть-Стрелке десять дней, после чего отправился на лодках вверх по Шилке, их тянули бечевой усть-стрелочные казаки 200 вёрст до Горбицы. В 1856 году суда продолжали сплавляться ещё в большем количестве.

Отправка войск к устью Амура не была напрасной, опасения Муравьёва подтвердились: объединённая англо-французская эскадра после попытки захватить Петропавловск-Камчатский предприняла высадку десанта в заливе Де-Кастри. Но отправленные по Амуру войска в бою разгромили врага, не допустив захвата Дальнего Востока западными державами. К слову сказать, диспозицию для боя и размещение вверенных ему войск Муравьёв выбирал лично. В этом бою с самой хорошей стороны показали себя забайкальские казаки, сказывалась сноровка бывалых зверовщиков. Ведь редок в Забайкалье был дом, где бы не было ружья, но нередки были дома, где ружей было несколько, преимущественно винтовки.

А тем временем в войсках свирепствовали цинга, тиф, дизентерия, не хватало продуктов. В мае месяце пришёл приказ о возвращении войск в Забайкалье. Радости казаков не было предела, даже больные почувствовали силы и бодрость, стремясь скорее покинуть это гнилое место. Но впереди солдат и казаков ждали тяжёлые испытания. Просчёты в размещении баз продовольствия по пути следования войск привели к тому, что с самого начала начался голод. Некоторые офицеры бросили свои подразделения и ушли вперёд. Люди варили и ели кожу ремней и подошвы, съели собак и лошадей. Ели найденную падаль, но и этого не хватало. Начали есть умерших от голода. Мертвечина до того всем надоела, что решили тянуть жребий, чтобы зарезать несчастного и съесть его. Китайцы отказывались продавать продукты, а охотиться не получалось ввиду того, что зверь держался в стороне от Амура, где на него постоянно охотились тунгусы. И к тому же был распуган бесконечной цепочкой людей, идущих вверх по Амуру. Первые люди пришли в Усть-Стрелку уже по холодам, последующих

Граф Муравьев-Амурский

застигли морозы. На берегах Амура лежали трупы умерших, у некоторых были обрезаны задние части. И в таких тяжелейших условиях проявлялись чудеса выносливости. Так, казак усть-стрелочной сотни Николай Яковлевич Суриков, перенося все тяготы и лишения в пути со своими товарищами, добравшись до поста Котомандского и поев мягкого яричного хлеба, сказал: «Теперь ребята хлеба наелись вдоволь, я могу в два дня дойти в Стрелку». Услышав эти слова, сотенный командир начал возражать, говоря, что такое невозможно. Много не говоря, Суриков оделся, взяв кусок хлеба, спросив разрешения командира, отправился в путь. В одну из ночей он пришёл в Усть-Стрелку и явился к командиру усть-стрелочной сотни с просьбой отметить время его прибытия. По приезде командира сводной сотни Беломестнова оказалось, что 180 вёрст Суриков одолел за 42 часа. Летом, по приезде в Усть-Стрелку генерал-губернатора, Суриков был произведён в урядники. При этом Муравьев расцеловал казака. В навигацию следующего года, когда генерал-губернатор Муравьев-Амурский вновь шёл вниз по Амуру, взяв с собой усть-стрелочного казака Богданова в качестве ординарца, на маленькой лодке они подплыли к берегу. Там Николай Николаевич Муравьев собственноручно собрал лежащие по берегу кости и попросил Богданова выкопать могилу, над которой потом долго стоял в одиночестве, молясь о погибших.

А жизнь на Усть-Стрелке тем временем шла своим чередом. 14 июня 1867 года через Усть-Стрелку проследовал знаменитый исследователь Азии Пржевальский. Немного позже, при возвращении из Японии, наследник Цесаревич, будущий Император Николай Второй, Высочайше соизволил остановиться в селе Покровка, которое стоит чуть ниже Усть-Стрелки. Он беседовал с местными жителями, интересовался их жизнью, казачьей службой. Вероятно, что на этой встрече присутствовала делегация от Усть-Стрелки.

К сожалению, к началу 20 века посёлок Усть-Стрелка приходит в упадок. Так, к 1913 году в нём было всего 11 дворов. Зададимся вопросом: когда же посёлок перестал существовать? Последнее упоминание о нём в открытых источниках относится к 1929 году, это запись о рождении одного из жителей. Можно предположить, что окончательно Усть-Стрелка угасла вместе с Покровкой, после катастрофического наводнения 1958 года. Село Усть-Стрелка относилось к Покровскому сельскому совету, оба поселения находятся на расстоянии видимости друг от друга. При этом высота берега на Усть-Стрелке значительно ниже, чем у Покровки. Учитывая то, что в наводнение 1958 года село Покровка ушло под воду, логично предположить, что наше село также было затоплено, а жители покинули его. Об этом говорят зарплатные ведомости, по которым каждый месяц зарплату получали всё меньше и меньше людей. Этот факт подтверждают слова последней жительницы села Покровка Екатерины Викторовны Кадомцевой, более известной в этих местах как баба Катя. Сейчас там, где было село Усть-Стрелка, бушуют травы высотой в человеческий рост, среди которых жируют дикие кабаны да прячутся пугливые косули. Ничто уже не говорит о некогда бурлившей здесь жизни, о грандиозных событиях, свидетелями которых были эти места. Только находящаяся неподалёку пограничная застава Усть-Стрелка, сохранив историческое название, выполняет те же функции, что выполнял одноимённый караул. А до него – одноимённый острог. Кстати, некоторые несущие на заставе службу пограничники зачастую являются потомками тех казаков, чьё грозное имя наводило страх на врагов во все времена.

Но Память об этих местах и людях, первыми тут поселившихся, не должна кануть безвестно. Поэтому в августе 2018 года, при поддержке представителей казачьей войсковой организации из п.г.т. Кокуй, а также помощи наших друзей, было принято решение об установке Памятного Креста в месте слияния Шилки и Аргуни. Он был установлен как дань Памяти и Уважения нашим великим предкам, освоившим эти суровые края и утвердившим здесь Русское имя.

Александр КРИВОНОГОВ

12-Я ОТКРЫТАЯ КРАЕВАЯ КАЗАЧЬЯ СПАРТАКИАДА

среди казаков, казачьей молодёжи, военно-патриотических клубов, кадетских классов и других военных организаций и объединений по военно-прикладным видам спорта и казачьим единоборствам

30 июня – 1 июля 2018 года Общественная организация Уссурийское казачье войско «Союз казаков Дальнего Востока» проводила 12-ю Открытую краевую казачью спартакиаду среди казаков, казачьей молодёжи, военно-патриотических клубов, кадетских классов и других военных организаций и объединений по военно-прикладным видам спорта и казачьим единоборствам.

Спартакиада проходила в Дальнегорском городском округе, на побережье озера Васьковское. Организовали спортивное мероприятие казаки станицы «Сихотэ-Алиньская». Из многих уголков Приморья собрались казаки, казачки и казачата, чтобы попробовать свои силы в соревновательном процессе, а также встретиться со старыми друзьями и познакомиться с новыми. Спартакиада, проживание, питание, быт, а также небольшой концерт художественной самодеятельности, – всё проходило в естественных полевых условиях. Был и очень не простой кросс по пересечённой местности – на полтора километра по крутым сопкам, по болотистой местности, по реке с оказанием помощи пострадавшему и транспортировкой его в безопасную зону, и показательные выступления по рукопашному и ножевому бою, и борьба на двухручных палицах, и показательные выступления по фланкировке шашками и нагайками, стрельба из пневматического пистолета и винтовки с оптическим прицелом, конкурс на лучшую маскировку снайпера из подручных природных материалов, ну и, конечно, не забыли и о казачьей культуре, где были и песни, и стихи, и танцы.

Казачью спартакиаду посетил иеромонах Феодосий, который выразил горячее одо-

брение по поводу такого интересного спортивного праздника, и даже наградил некоторых участников небольшими сувенирами. Естественно, не обошлось и без мудрого напутственного слова почётного старика Уссурийского казачьего войска, казачьего полковника Щетинина Василия Григорьевича. Как заведено у казаков, после общей молитвы и добрых пожеланий, с Божьей помощью, начался соревновательный процесс. Всего было восемь команд, но борьба разворачивалась нешуточная. Никто не сошёл с дистанции, все благополучно добрались до финиша. Нелегко было сразу определить победителя, но после долгих дискуссий первое место выиграла команда принимающей стороны – станицы Сихотэ-Алиньской, Дальнегорского городского округа, получившая переходящий чемпионский кубок. На втором месте казачата из команды «Спасатель» Партизанского городского округа, третье место заслужила команда «Ермак», п.г.т. Ярославский Хорольского района.

Завершился спортивный праздник казачьи забавами, спортивными играми и небольшими салютами. Как бы ни было трудно в нынешнее время, казачья жизнь продолжается, традиции сохраняются, живут казачьи ремёсла, быт и культура. Очень отрадно, что подрастающее поколение это понимает, и...

Слава Богу, что мы казаки!

*Член постоянной профильной комиссии
Совета при Президенте РФ
по делам казачества,
атаман ОО УКВ СКДВ казачий полковник
Н. И. АГЕЕВ*

ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ СБОРЫ

КАДЕТОВ КАЗАЧЬИХ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ КЛУБОВ «СПАСАТЕЛЬ» И «ПЕРНАЧ»

С 17 по 31 июля 2018 года общественная организация Уссурийское казачье войско «Союз казаков Дальнего Востока» проводила военно-полевые сборы для кадетов казачьих военно-патриотических клубов «Спасатель» и «Пернач». Сборы были разделены на два этапа. Первый семидневный этап проходил в бассейне таёжного ключа «Лозовый», Партизанского городского округа. Кадеты знакомились с нелёгким образом жизни в полевых условиях, привыкали к дисциплине и военному распорядку дня. Каждое утро, как заведено у казаков, молитва, зарядка, санитарно-гигиенические процедуры. После завтрака разрабатывался план занятий на день, назначались дежурные по лагерю. Затем непосредственно учебный процесс. Все кадеты принимали участие во многих запланированных учебных занятиях, тренировках по самообороне, метанию ножей, стрельбе из пневматических винтовок из укрытия, занятию по рубке лозы шашкой, фланкировке нагайками и шашками, рукопашному бою. Учились навыкам маскировки из подручных материалов. Проводился урок по возрождению и сохранению казачьих традиций. Учились возводить верёвочную переправу через водную преграду и преодолевали её, проводили занятие по вязке спасательных петель с надеванием на условного пострадавшего и урок по самоспасанию с высоты при помощи верёвки. Проводился учебный комплекс занятий по поиску пострадавшего в непригодной для дыхания среде в противогазах при активных дымовых шашках.

С огромным интересом и азартом кадеты постигали навыки спасательного дела, спортивных и военно-прикладных мероприятий, втягивались в эту атмосферу настолько, что забывали об усталости.

Конечно же, были и всевозможные игры и казачьи забавы, было и свободное время, и отдых, где кадеты, на время превратившись в непоседливых шалунов и баловников, купались в горном ручье, загорали, играли в футбол и волейбол, развлекались как хотели. Вскоре пришло время собирать палатки, походное и учебное снаряжение, кухню и остальное имущество, и, не теряя времени, отправляться на следующий этап военно-полевых сборов.

Настало время второго этапа, который проходил на базе станции Муравьёва-Амурского на острове Русский.

На втором этапе было запланировано немало учебных занятий: конная подготовка, подводная подготовка, занятия по маскировке снайпера и стрельбе на точность, метанию ножей. Пока разбивали лагерь, ставили палатки и готовили ужин, уже стемнело и пришлось готовиться ко сну.

Наутро, с молитвой, подняли знамя Уссурийского казачьего войска, и учебный процесс продолжился. Кадеты совершили восхождение к поклонному кресту в честь 100-летия Порт-артурской иконы Божьей Матери, следующим этапом была учебная спасательная операция на развалинах бывших старых казарм, в противогазах, по поиску и извлечению из-под обломков пострадавших в завалах по сигналу «Химическая тревога», оказанию помощи и эвакуации в безопасную зону.

Отдельное интересное занятие ночью по поиску пострадавшего в тёмное время суток, оказанию помощи, транспортировке пострадавшего на носилках с подачей сигнала бедствия с помощью фальшфейера.

Были проведены теоретические занятия по медицинской подготовке на тему: «Виды кровотечений, их характеристики и первая помощь при них». Кадеты узнали виды кровотечений, способы остановки кровотечений, учились практически останавливать кровотечения, накладывать повязки на разные участки тела, обрабатывать раны и ссадины. Совершили экскурсию в Приморский океанариум и в музей под открытым небом, знаменитую Ворошиловскую батарею. Ну, и конечно же, не забыли про казачью культуру.

Был объявлен смотр художественной самодеятельности, где кадеты пробуждали в себе та-

ланты в танцах, песнях, стихах, показательных выступлениях.

Многие ребята даже не заметили, как пролетело время пребывания на сборах. Хоть и уставшие, и соскучившиеся по дому и родителям, всё же хотели остаться ещё, настолько вся программа сборов была интересна, познавательна и плодотворна. Кадеты получили приличный запас знаний, умений, многие поняли, что такое дисциплина и ответственность.

Время невозможно остановить, пришла пора собираться домой.

Спасибо всем родителям, кто содействовал и помогал в проведении сборов, спасибо всем кадетам за участие, и храни вас всех Господь!

Организовал и провёл казачьи военно-полевые сборы кошевой атамана ООУКВ, СКДВ, руководитель КВПК «Спасатель», подъесаул Шилин Виктор Анатольевич.

Проводил занятия руководитель КВПК «Пернач», младший вахмистр Шилин Евгений Викторович.

*Член постоянной профильной комиссии
Совета при Президенте РФ
по делам казачества,
атаман ОО УКВ СКДВ казачий полковник
Н. И. АГЕЕВ*

ЧЕМПИОНАТ ВЛАДИВОСТОКА ПО ДЖИГИТОВКЕ ОПРЕДЕЛИЛ ЛУЧШИХ В МАСТЕРСТВЕ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

В субботу, 28 июля, в станице Щитовой на побережье бухты Горностай состоялось первенство Владивостока по джигитовке. Участники состязались в мастерстве верховой езды, преодолении препятствий верхом, стрельбе из пневматического пистолета, метании пика и ножа, рубке шашкой. В соревнованиях показали себя 14 казаков, в следующем году организаторы планируют провести чемпионат по вольной джигитовке, где выполнять упражнения на скаку сможет попробовать любой, кто пройдёт подготовку.

Соревнования по джигитовке прошли на территории базы «ВладКонТур» в станице Щитовой. В 11.00 под палящим солнцем объявили общий сбор. Участники соревнований выстроились в равнении на знамя Федерации конного спорта казачьего эскадрона, торжественно подняли Российский флаг, прозвучал гимн. Казаки сняли головные уборы, прошёл молебен и крестный ход.

Федерация конного спорта казачьего эскадрона появилась в Приморье три года назад,

а чемпионат по джигитовке, где оцениваются разнообразные сложные упражнения на скачущей лошади, проводится уже второй год. Осваивали этот военно-прикладной вид конного спорта поэтапно, начиная с элементов – преодоления препятствий верхом на лошади, отдельно стрельбы и рубки шашкой. Постепенно, с ростом мастерства учеников, усложняли и объединяли трюки.

Задания знакомы участникам с прошлого года, им следует проехать два круга по манежу. На первом – забросить пику в кольцо, преодолеть барьер, на скаку попасть из пистолета в воздушные шарики, поразить ножом деревянную мишень. На втором круге – преодолеть барьер и разрубить две бутылки с водой, установленные на шестах, после выполнения трюков осадить лошадь и поднять шашку вверх. Судьи фиксируют время.

К состязаниям подготовились 14 наездников, которые съехались из разных станиц, расположенных около Владивостока. Самому младшему – 13 лет. Участников не стали делить на возрастные категории: ученики боролись за победу наряду со своими наставниками. Не все выступали на своей собственной лошади. Здесь можно было арендовать коня и тренироваться вместе с ним.

После чемпионата по джигитовке прошли внеконкурсные состязания для команд по рубке конуса на количество срезов, стрельба из пневматического пистолета и метание ножа.

«В соревнованиях мы бы хотели сделать упор на подготовку чемпионов, которые могли бы вести занятия, стали инструкторами. В следующем году планируем сделать вольную джигитовку, чтобы выступить смогли не только казаки, но и гражданское население. Выступать можно с 12 лет. Каждую субботу у нас проходят бесплатные занятия для всех желающих», – рассказал атаман казачьего эскадрона станицы Щитовой Валерий Осокин.

Победителями чемпионата по джигитовке стали:

1 место – Андрей Кондратов, Артём, станица Медвежья.

2 место – Андрей Алтухов, Владивосток, станица Щитовая.

3 место – Евгений Москаленко, станица Вольная.

*Член постоянной профильной комиссии
Совета при Президенте РФ
по делам казачества,
атаман ОО УКВ СКДВ казачий полковник
Н. И. АГЕЕВ*

ВРУЧЕНО ЗНАМЯ КАЗАЧЬИХ КАДЕТСКИХ ГРУПП

19 сентября 2018 года в Майминском казачьем храме Святого Духа состоялся чин прибавки Знамени кадетских казачьих групп Автономного профессионального образовательного учреждения Республики Алтай «Майминский сельскохозяйственный техникум».

В церемонии прибавки Знамени участвовали казаки и атаманы Алтайского республиканского отдельного казачьего общества Сибирского казачьего войска во главе с атаманом АРОКО СВКО войсковым старшиной В. В. Кукасовым.

В церемонии приняли участие окормляющий священник АРОКО СВКО протоиерей Георгий Балакин, председатель Совета Стариков и Суда Чести отдела есаул В. А. Солодюк, первый заместитель атамана Алтайского ОКО СВКО сотник О. Кабаков, атаман Горно-Алтайского СКО АРОКО СВКО подхорунжий А. Каймыштаев, атаман Майминского СКО вахмистр М. Зырянов, заместитель республиканского

военного комиссара по военно-патриотической работе капитан Р. Комаров, офицер-педагог АПОУ РА «МСХТ» С. Акпашев, кадет вице-младший урядник С. Матрашев.

Распорядителем церемонии был назначен заместитель атамана АРОКО СВКО по молодежной политике подьесаул М. Тудрешев.

После церемонии прибивки гвоздей к древку Знамени прошёл чин торжественного освящения Знамени кадетских казачьих групп, который проводил окормляющий отдела протоиерей Георгий Балакин. По старинной казачьей традиции освящение проходило букетом цветов.

После освящения перед строем кадетов и казаков в храме с поздравительной речью выступили Атаман АРОКО СВКО войсковой старшина В. В. Кукасов, окормляющий отдела протоиерей Георгий Балакин, первый заместитель атамана АОКО сотник О. Кабаков, заместитель ресвоенкома Р. Комаров, офицер-воспитатель С. Акпашев.

Присутствующие кадеты прошли церемонию присяги новому Знамени, поцеловав край Знамени, встав на одно колено. После этой церемонии торжественное освящение Знамени было завершено.

20 сентября 2018 года в торжественной обстановке в с. Майма Республики Алтай прошло вручение Знамени кадетских казачьих групп АПОУ РА «МСХТ».

В церемонии приняли участие приглашённые представители органов исполнительной власти Республики Алтай, МО «Майминский район», пограничники, сотрудники ресвоенкомата, МВД РА, казачьи кадеты, казаки АРОКО

СВКО, учащиеся казачьего 1 класса МОУ СОШ №1 села Маймы с родителями. На площадке расположился военный духовой оркестр воинской части города Бийска, который сопровождал все действия торжественного вручения Знамени казачьих кадетских групп.

Перед началом торжественного вручения Знамени прозвучал гимн Российской Федерации, гимн Республики Алтай, гимн Сибирского войскового казачьего общества.

На торжественном построении кадетов с приветственным словом выступили заместитель министра образования и науки Республики Алтай, начальник отдела по молодёжной политике Е. А. Дадочкина, которая вручила благодарственные грамоты офицерам, педагогам майору С. П. Акпашеву, подъясаулу М. А. Тудрешеву.

От имени атамана Сибирского войскового казачьего общества выступил первый заместитель атамана АОКО СВКО сотник О. М. Кабаков, который зачитал приветственный адрес казачьего генерала Г. Н. Привалова. На торжественной церемонии выступили окормляющий АРОКО СВКО протоиерей Георгий Балакин, глава Администрации Муниципального образования «Майминский район» Р. В. Птицын.

После тёплых слов в адрес казачьих кадетов прошла процедура передачи Знамени директору АПОУ РА «МСХТ» А. Д. Чеконову, который рассказал о значении вручаемого Знамени кадетским казачьим группам и всем присутствующим. Директор АПОУ РА «МСХТ» очень эмоционально и патриотично рассказал о роли казачьих кадетов, поздравил с приобретением символа казачьих кадетов АПОУ РА «МСХТ», пожелав им успехов в учёбе. Знаменательно, что с этого момента был дан старт казачьему кадетскому движению Республики Алтай.

По завершении церемонии казачьи кадеты АПОУ РА «МСХТ» торжественным шагом, под барабанную дробь прошли перед собравшимися гостями. Глядя на подтянутых, красивых казачьих

кадетов, стало ясно, что казачье кадетское движение в Республике Алтай как основа казачьего молодёжного движения имеет большое будущее.

Знамя кадетских казачьих групп АПОУ РА «МСХТ» (далее – кадетское Знамя) состоит из двустороннего полотнища, древка, навешивающихся скобы, подтока и знаменных гвоздей. В комплект с кадетским Знаменем могут также входить знаменные ленты, панталер и знаменный чехол. Полотнище кадетского Знамени зелёного цвета, с красной каймой, окантовкой, окаймлением, украшениями и буквами серебристого цвета, со сторонами 150 см в длину и 100 см в высоту, с запасом для крепления к древку. Запас изготавливается из ткани цвета каймы на полотнище кадетского Знамени.

На лицевой стороне полотнища, в центре, в окаймлении, на зелёном фоне расположено изображение Герба Российской Федерации и исходящего от него лучами в четыре стороны стилизованного флага Российской Федерации, сверху окаймления надпись на кириллице «ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА», снизу окаймления «КА-ЗАЧЬИ КАДЕТЫ». На оборотной стороне полотнища, в центре, в окаймлении находится Герб Республики Алтай и исходящий от него лучами в четыре стороны стилизованный флаг Российской Федерации. По сторонам окаймления помещено наименование вверху «РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ», по краям и снизу «МАЙМИНСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТЕХНИКУМ».

Источник: <http://казаксибуру.рф/?sid=4582&newsid=14423>

ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ СБОРЫ ЕЙСКОГО КАЗАЧЬЕГО ОТДЕЛА – 2018 Г.

С 14 по 16 сентября 2018 года на полигоне воинской части ПВО в Ейском районе прошёл военно-полевой сбор казаков Ейского казачьего отдела Кубанского казачьего войска.

Казачьи полевые учения – мероприятие сложное и ответственное. За четыре дня до сборов атаман Ейского отдела Павел Алексеевич Лях узнал от командования воинской части, что прошлогоднее место для размещения полевого лагеря занято, т. к. идут учения минобороны.

Казакам отвели новое совершенно неподготовленное место. Это были тяжёлые дни. Пролетан огромный объём работы, чтобы подготовить площадку и поставить лагерь со всей инфраструктурой. Казаки Ейского отдела справились с этой задачей. За день до начала военно-полевого сбора лагерь был готов!

Продолжение статьи: https://vk.com/doc-44020980_476308305
Фотоальбом: https://vk.com/album-44020980_256860946

ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ СБОРЫ ЛАБИНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ОТДЕЛА ККВ – 2018 Г.

В старые времена после службы в армии все казаки 1-й очереди проходили ежегодные воинские сборы в казачьих лагерях по 1–2 месяца, где они обучались индивидуальному мастерству в казачьих боевых искусствах с владением холодным и огнестрельным оружием, изучали топографию, соревновались в верховой езде; а также действиям в составе подразделений (тактические занятия по ведению боевых действий в составе сотен и полков).

Особое внимание уделялось аванпостной, сторожевой и разведочной службе, умению организовывать засады и т. д. Воинские казачьи соединения – сотни, полусотни, батареи, полки формировались по территориальному принципу. Все хутора и станицы выставляли положен-

ное число воинов. Все служивые казаки были заранее расписаны по сотням, а не ждали распределения. Служба в одной сотне или полку сплачивала казаков-станичников, обеспечивала взаимовыручку в бою и крепкую дружбу. Молодёжь после воинских сборов расписывалась по своим станичным сотням. Ни о какой дедовщине речи не было, старые служивые казаки опекали и быстро обучали молодых, берегли их в боях, пока они «пороху понюхают». Подобный образ жизни воспитывал железную дисциплину и уважение к старшим, верность воинской присяге. Казак и вся его семья были на виду у всей станицы и берегли честь семьи, отца, деда. Казаков с детства готовили к самостоятельным действиям в отрыве от основ-

ных сил, нередко в одиночку. Поговорка «один в поле не воин» – это не про них, в казачьем варианте «и один в поле воин, если по-казачьи скроен». «Каждый казак сам себе атаман». Успех знаменитой кричащей и свистящей казачьей лавы был, как правило, следствием высочайшей индивидуальной выучки – в том числе в боевых единоборствах, которые культивировались в станицах в разных формах. Казак согласовывает свои действия с соседями по строю и с теми, кто подаёт команды, а не слепо действует в повиновении кому-то. Иван Иванович Краснов называл управление казаками в бою «военным самоуправлением».

15–17 августа 2018 года на полигоне войск национальной гвардии России под Маламино Успенского района Краснодарского края состоялись военно-полевые сборы Лабинского казачьего отдела Кубанского казачьего войска под руководством командира Лабинского полка Красовского Александра Михайловича. Руководством отдела и лично А. М. Красовским была проведена большая подготовительная работа. В течение года шли согласования по проведению сборов на территории Росгвардии, подготовка места для размещения полевого лагеря. Отведённая территория была совершенно не пригодна для размещения полевого лагеря, основательно изъезжена боевой техникой. Ни постройка, ни пройти, ни палатки поставить.

Работали на перспективу: грейдером выровняли площадку под размещение палаточного лагеря и будущего плаца. Планировали, что за год трава поднимется и получится ровный и не пыльный плац и отличное место для размещения палаток.

Первый день – заезд, размещение, стрельба и соревнования по казачьим боевым искусствам.

Во второй по плану прошли занятия по вневойсковой подготовке, военно-спортивные состязания и культурно-патриотические мероприятия вечером.

По отзывам самих казаков, побывавших на многих полевых выходах, сборы прошли на высоком организационном уровне. Питание было и централизованное, и котловое (свой ПХД у каждого РКО), расстройств желудка не замечено, тепловых и солнечных ударов не зафиксировано, с травмами в медпункт никто не обращался.

Боевые стрельбы прошли без происшествий. Занятия по вневойсковой подготовке, несмотря на форс-мажор от инструкторов Росгвардии, прошли организованно по всем учебным точкам. Моторная плотность занятий была высокая (через практические занятия прошли все казаки, на занятиях включённость в процесс была высокой). Особой популярностью у казаков пользовалась специализированная полоса

препятствий и занятия с кинологом и его бельгийской овчаркой.

Казак несёт службу по охране общественного порядка, сотрудничают с наркоконтролем и пограничной службой, и поэтому занятия по поисково-розыскной службе оказались востребованы.

Отлично были организованы военно-спортивные мероприятия: прикладные дисциплины и чемпионаты отдела по казачьим боевым искусствам.

Вечером собственными силами было организовано культурно-патриотическое мероприятие – казачьи вечерки, на которое собрался весь полк, и многие казаки продемонстрировали свои таланты. Нельзя не отметить, что на таких мероприятиях очень сильно открываются дети. Им также хочется не отставать от взрослых казаков и тоже проявить себя в казачьем боевом плясе или песне.

Также хорошо была организована комендантская служба. Что важно отметить: через неделю на этом же месте прошли военно-полевые сборы Кавказского казачьего отдела, и по окончании их начальник полигона офицер Росгвардии поблагодарил казаков за отлично подготовленную территорию для будущих полевых выходов подразделений Росгвардии.

Вот такое доброе дело оставили после себя казаки Лабинского отдела.

Всего в учениях приняли участие 387 казаков, из них 45 казачат от шести районных казачьих обществ. Инструкторы Кубанского казачьего центра «Баско» приняли участие в учениях и провели практические занятия по вневойсковой подготовке:

- казачий ножевой бой. Казаки с удовольствием отрабатывали приёмы ножевого боя и затем сходились в учебных схватках;

- тактика и приёмы с АК. Трудная, энергозатратная дисциплина, тем более в жаркую погоду, казаки и в особенности атаманы, отрабатывали все задания инструктора, заливаясь потом, учились перемещаться с автоматом, работать в различных уровнях, осуществлять приёмы рукопашного боя с АК.

- историческая дисциплина: владение казачьей шашкой. Пожалуй, одна из самых любимых дисциплин у казаков. Казаки не только осваивали новые элементы защиты и нападения, но и делились опытом друг с другом.

После обеда (кстати, великолепный кубанский борщ отведали в Армавирском РКО, повар – просто волшебник!) совместно с руководством сборов провели состязания по казачьим боевым искусствам: чемпионаты Лабинского отдела ККВ по рубке и фланкировке казачьей шашкой, по ножевому и кулачному бою.

ЧЕМПИОНАТ ЛАБИНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ОТДЕЛА ККВ ПО РУБКЕ КАЗАЧЬЕЙ ШАШКОЙ

Рубили шашкой кавказского образца, которую предоставил наш инструктор Стас.

ЛИЧНОЕ ПЕРВЕНСТВО:

Рубка одного конуса

Первое место: Якупов К. Р., Армавирское РКО; Сердюков Р. Е., Успенское РКО.

Второе место: Бабичев В. В., Новокубанское РКО; Резников А. С., Отрадненское РКО.

Третье место: Матикубов Н. С., Курганинское РКО.

Рубка двух конусов

Первое место: Миллер С. Д., Успенское РКО.

Второе место: Горошко И. В., Лабинское РКО.

Третье место: Цух И. П., Армавирское РКО.

Рубка трёх конусов

Первое место: Назаренко А. А., Новокубанское РКО.

Второе место: Гончаров С. М., Отрадненское РКО.

Третье место: Воробьёв А. В., Успенское РКО.

КОМАНДНОЕ ПЕРВЕНСТВО

Первое место – команда Новокубанского РКО.

Второе место – команда Отрадненского РКО.

Третье место – команда Успенского РКО.

ЧЕМПИОНАТ ЛАБИНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ОТДЕЛА ККВ ПО ФЛАНКИРОВКЕ КАЗАЧЬЕЙ ШАШКОЙ

КОМАНДНОЕ ПЕРВЕНСТВО:

Первое место – команда Лабинского РКО.

Второе место – команда Курганинского РКО.

Третье место – команда Армавирского РКО.

ЛИЧНОЕ ПЕРВЕНСТВО

Фланкировка одной шашкой:

Первое место – Вихорев А. А., Лабинское РКО.

Второе место – Малышев И. С., Курганинское РКО.

Третье место – Еленский Д. О., Армавирское РКО.

Фланкировка двумя шашками:

Первое место – Танцура В. В., Лабинское РКО, Цух И.П., Армавирское РКО.

Второе место – Кулаков Н. А., Курганинское РКО.

Третье место – Немченко Р. С., Отрадненское РКО.

ЧЕМПИОНАТ ЛАБИНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ОТДЕЛА ККВ ПО НОЖЕВОМУ БОЮ

Первое место – команда Отрадненского РКО (Волобуев С. Т.).

Второе место – команда Новокубанского РКО (Повельев Р. В.).

Третье место – команда Армавирского РКО (Тон С. В.).

ЧЕМПИОНАТ ЛАБИНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ОТДЕЛА ККВ ПО КУЛАЧНОМУ БОЮ НА БРЕВНЕ. КОМАНДНОЕ ПЕРВЕНСТВО

Первое место – команда Курганинского РКО (Коптев Ю. Н.).

Второе место – команда Новокубанского РКО (Ильющенко Ф. П.).

Третье место – команда Успенского РКО (Маслов В. А.).

Вечером помогли в организации и сами участвовали в культурно-патриотическом мероприятии – казачьих вечерках. Вёл вечер командир Лабинского казачьего полка А. М. Красовский. Каждое РКО выставило своих самых талантливых казаков, казачек

и казачат. Казаки пели патриотические песни под гитару, читали стихи казачьих поэтов, демонстрировали казачий пляс с длинноклиновым и другим оружием, водили хороводы, пели казачьи песни. Желающих выступить было много.

Наши инструкторы также приняли участие и выступили с несколькими номерами. Благодарим братьев-казаков Лабинского отдела за радушие и гостеприимство, старание и терпение на занятиях под палящим солнцем, за волю к победе на казачьих состязаниях и любовь к родной культуре на казачьих вечерках. А также

отдельная благодарность Александру Красовскому и атаману Петропавловского ХКО Алексею Кучерову за решение транспортного вопроса по доставке и отправке нашей команды.

*Отдел общественных связей
АНКО Кубанский казачий центр «Баско».*

Фотоальбом: https://vk.com/album-44020980_256210199

ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ СБОРЫ КАВКАЗСКОГО КАЗАЧЬЕГО ОТДЕЛА – 2018 Г.

22–24 августа 2018 года на полигоне войск национальной гвардии России под Маламино Успенского района Краснодарского края состоялись военно-полевые сборы Кавказского казачьего отдела Кубанского казачьего войска под руководством атамана отдела, казачьего полковника Бикеева Сергея Петровича.

В учениях приняли участие 329 казаков от десяти районных казачьих обществ. Сборы прошли на высоком организационном уровне.

Боевые стрельбы прошли из автомата Калашникова, на которых офицеры Росгвардии предоставили возможность казакам стрелять с различных положений. Параллельно была организована стрельба из пистолета Макарова – упражнение учебных стрельб из пистолета.

Продолжение в статье: https://vk.com/doc-44020980_474680999

Фотоальбом: https://vk.com/album-44020980_256482403

ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ «КАЗАЧОК ТАМАНИ»

Инструкторы и воспитанники Кубанского казачьего центра «Баско» из г. Геленджика (атаман Тархов Сергей Анатольевич) приняли участие в юбилейном XXV Всероссийском фестивале-конкурсе «Казачок Тамани», который проходил в ГАУК КК «Выставочный комплекс «Атамань» и Сельском доме культуры п. Веселовка с 17 по 26 августа 2018 года.

Наши казаки, казачки и казачата принимали участие в конкурсе: «Казачьему роду нет переводу» в номинации «Казачья культура и казачьи боевые искусства» в смешанной возрастной категории, и при подведении итогов АНКО Кубанский казачий центр «Баско» стал лауреатом I степени.

Тематика выступления была посвящена казачьим воинским и боевым искусствам, казачьей поэзии, казачьему боевому плясу и казачьей хореографии.

После выступления познакомились с руководителем Казачьего Информационно-Аналитического Центра (КИАЦ) Зборовским Алексеем Альбертовичем и провели мастер-класс по владению казачьей шашкой для участников фестиваля.

Статья «XXV Всероссийский детский фестиваль-конкурс «Казачок Тамани» от Союза казаков-воинов России и Зарубежья:

http://сквпз.рф/news/xxv_vserossijskij_detskij_festival_konkurs_kazachok_tamani/2018-08-28-1284

Фотоальбом: https://vk.com/album-44020980_256434971

Видео: <https://www.youtube.com/watch?v=XrJluQlibDo>

БУНТ НА КОРАБЛЕ.

КАЗАКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ СЛУЖИТЬ ГОСУДАРЮ?

Сразу 200 казаков во главе с казачьим генералом А. Даценко заявили о своём выходе из государственной структуры ВКО Центральное Казачье Войско, возглавляемое генерал-лейтенантом ФСБ в запасе. Более того, они призывают всех казаков последовать их примеру.

Вот что пишет антисоветский (?! – ред.) информационный ресурс, возглавляемый грантообладателем запрещённой в России секты Саентологии* <https://7x7-journal.ru/post/106069/2018/04/13> господином Зборовским: «В связи с узурпацией верховной власти в ВКО «Центральное казачье общество» лицами неказачьего происхождения, взглядов и убеждений, в связи с превращением войска в многоуровневую структуру по освоению бюджетных средств, цель существования которой состоит в формировании внешне красивой картинки, не имеющей никакого внутреннего казачьего содержания, МЫ заявляем о своём принципиальном несогласии с проводимой в ВКО ЦКВ политикой. МЫ в полном составе (201 казачьей семьи) по своей воле временно (до возрождения войска в духе казачьих обычаев и традиций) покидаем ряды ВКО «Центральное казачье войско» и свободны в выборе своего дальнейшего пути вне зависимости от ВКО ЦКВ».

* **Саентология** (часто «сайентология», англ. scientology, от лат. scio и др.-греч. λόγος – «знание знания») – международное движение, часто характеризуемое как новое религиозное движение гностического типа. Основано в начале 1950-х годов в США, строится на работах Л. Рона Хаббарда (1911–1986); система верований и практик исходит из представления о том, что человек является духовным существом, живущим не одну жизнь. Количество последователей, по разным оценкам, колеблется от сотен тысяч до 10 миллионов; среди них были и есть известные деятели культуры.

https://7x7-journal.ru/post/109741?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

ЗАЯВЛЕНИЕ КАЗАКОВ РЯЗАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ТОВАРИЩЕСТВА

Событие неординарное, равнозначное тому, как если бы воинская часть отказалась подчиняться своему командованию, последнее такое событие было, помнится, на броненосце «Потёмкин».

Атаман хутора Мещерский Пётр Скойбеда: «Под трибунал их всех отдать! Ведь они принимали присягу, более того, каждый из них подписывал обязательства по несению государственной службы, необходимо выявить всех зачинщиков бунта, может, они окопались в Штабе ЦКВ и подбили к смуте рязанских казаков».

Хотят сделать из генерала Даценко нового Стеньку Разина! Сурово покарать виновных! Куда смотрит казачья контрразведка? Как допустили?

Что это – близорукость чиновников или их заговор? Даценко мы знаем давно, он на предательство не пойдёт, но кто-то его толкает к этому, хотят сделать из него козла отпущения. Я думаю, это серьёзные подковёрные игры, чтоб захватить ресурсы Войска».

Обстановка действительно тревожная, и мы будем следить за развитием событий.

Валерий РОЗАНОВ
РИА СЕТИ РУ
Рязанская область

Редакция журнала не причастна к созданию данной статьи и может не разделять мнение её автора. Мы открыты для авторов любых взглядов. Всё, что мы можем, это исправить ошибки в русском языке авторов.

НОВГОРОДСКИЕ ВЛАСТИ ВЫДЕЛЯТ ЗЕМЛИ РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И КАЗАЧЬИМ ОБЩЕСТВАМ БЕЗ ПРОВЕДЕНИЯ ТОРГОВ

На рассмотрение Новгородской областной думы вынесен законопроект об определении территорий, где религиозным организациям и казачьим обществам смогут предоставлять в аренду земельные участки без проведения торгов.

Согласно проекту постановления, предполагается выделять участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности. Их будут предоставлять в аренду без проведения торгов религиозным организациям и казачьим обществам, внесённым в государственный реестр в РФ, «для осуществления сельскохозяйственного производства, сохранения и развития традиционного образа жизни и хозяйствования казачьих обществ».

Как указал в пояснительной записке к документу министр инвестиционной политики Новгородской области Владимир Куимов, принятие законопроекта «позволит не только обеспечить реализацию прав религиозных организаций, казачьих обществ на получение земельных участков, но и будет способствовать вовлечению в оборот неиспользуемых земель».

В перечне указаны 30 поселений, где есть свободные земельные участки. Они находятся на территории Батецкого, Боровичского, Валдайского, Любытинского, Маловишерского,

Марёвского, Мошенского, Новгородского, Окуловского, Парфинского, Пестовского, Старорусского, Хвойнинского, Холмского, Чудовского и Шимского районов.

Фото с сайта <http://duma.novreg.ru/>

Источник: <https://news.novgorod.ru/news/novgorodskie-vlasti-vydelyat-zemli-religioznym-organizacijam-i-kazachim-obshchestvam-bez-p>

ДРЕВНЕЙШУЮ ПРОФЕССИЮ - СЛУЖБУ В КАЗАЧЕСТВЕ - ВНЕСУТ В РЕЕСТР МИНТРУДА

Казачья издревле служила своему отечеству, и это не только воинская и пограничная служба, казаки открывали и осваивали новые земли, благодаря казачьей России обрела Сибирь, Урал, Аляску.

В XVI–XIX веках в славных победах русской армии большая часть заслуг принадлежала казачьим подразделениям. Казачьи подразделения славятся превосходными боевыми качествами, храбростью, дисциплиной...

Впервые зародившись на Рязанской земле, за 10 веков казачество выросло в 10 Казачьих Войск, многомиллионный Воинский Орден со своей историей и традициями.

В современной России государство уделяет огромное внимание казачеству. В Москве открыт Первый Государственный казачий университет имени Разумовского, по всей стране тысячи кадет-

ских классов. В Министерстве обороны, в каждом военном округе существуют казачьи подразделения, в которых казаки проходят воинскую службу, сотни тысяч казаков проходят государственную гражданскую службу, получают государственные казачьи чины и звания, в каждом регионе бесплатно передаются земли на нужды казаков, в соответствии со 154-м Федеральным Законом казаки принимаются на государственную службу.

Рязанские казаки выступили инициаторами обращения в Минтруда для внесения службы в казачестве в перечень видов трудовой деятельности (занятий).

Валерий Розанов, координатор ЦФО по информационной работе с казачеством:

«Несмотря на то, что уже давно принят ряд законов о Казачестве и их службе, тем не менее, фактически статус казака не установлен, а это очень важно для социальной защищённости казака.

Кроме этого, появление такой профессии, как служба в казачестве, даёт возможность создавать собственные казачьи профессиональные и образовательные учреждения. В настоящий момент это возможно только на базе государственных образовательных учреждений и по их программам».

Геннадий Ковалёв, генерал ФСК, заместитель Совета Атаманов Казаков России:

«Собственно, препятствий для реализации этого предложения никаких нет, мы поддержим инициативу казачьих объединений и через своих представителей в Государственной Думе представим законопроект. Если уж гадалки и астрологи внесены в перечень профессий, то казакам сам Господь Бог велел.

Уверен, государство готово пойти на столь незначительный шаг для казаков, это ясно покажет, какую роль и место отводит оно казачеству.

Казачество располагает своими учебными заведениями, и, как правило, это государственные учреждения, соответственно, казаки должны иметь льготы и трудовой стаж, а без внесения в реестр профессий это невозможно.

Специалистов, которые обладают знаниями в области своей профессии и хорошо разбира-

На фото выпускники Первого казачьего университета МГУТУ им. К. Г. Разумовского

ются в казачьих традициях, сейчас выпускают три московских вуза: Российский православный университет, Московский государственный университет технологии и управления им. К. Г. Разумовского и Евразийский открытый институт. Правда, в дипломах эти дополнительные знания не указываются из-за отсутствия профессии в Минтруде.

Мы также свяжемся с ректором МГУТУ Валентиной Ивановой, чтоб скоординировать перечень казачьих специальностей. В московском филиале вуза учатся 28 тысяч студентов-казаков, из которых 2 тысячи – казаки, приехавшие из других регионов.

Если студентам уже на стадии обучения будут присваиваться казачьи чины и звания, идти стаж, это будет огромным плюсом и стимулом хорошо учиться и служить Отечеству».

http://казачествомосквы.рф/news/drevnejshuju_professiju_sluzhbu_v_казачестве_vnesut_v_reestr_mintruda/2018-09-07-1905

Голос Зарубежья

ЛОЖЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЁТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

К СТОЛЕТИЮ УБИЙСТВА СВЯТОГО ЦАРЯ-МУЧЕНИКА

В Евангелии от Марка (гл. 4, ст. 22) и от Луки (гл. 8, ст. 17) сказано: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы».

Прошёл 2017-й год – 100-летняя годовщина конца существования Великой Царской России. Кто не согласится с тем, что революция ввергла Россию на дно и вычеркнула её на много лет из числа культурных стран?

За истекший год много говорилось и писалось о так называемой «русской» революции, об этом печальнейшем событии, но ещё раз была соблюдена традиция почти полного замалчивания февральского предательства, его «героев» и всей

ЛЖИ, применяемой к успешному завершению злодеяния. Предательство, всё объясняющее и несущее первостепенную ответственность за все последующие ужасы, за миллионы жертв, за реки пролитой невинной крови и, естественно, за ужасное само по себе, но и по своему мистическому значению – отмечаемое ныне столетие зверского убийства Помазанника Божия, святого Царя-Мученика Николая и всей Царской Семьи, чем была поставлена точка константиновской эре истории человечества.

В этом отношении хотелось бы развеять ряд навязываемых грубых неправд, повторяемых уже в течение трёх поколений и обретших статус многих устраивающей будто бы «исторической правды». Подмена русской правды революционной кривдой. Мнимая негодность русской Монархии принимается как нечто само собой разумеющееся, не требующее доказательств. «Оклеветанной и оболганной сошла с исторической сцены русская Монархия. Яд этой клеветы действует и поныне», – писал генерал Н. М. Тихменев. Судя по этим слухам и распространяемой клевете, «Россия была беременна революцией», по образному выражению П. Н. Милюкова. Революция была чуть ли не неизбежной, так как царский строй будто прогнил, полностью изжил себя, держался на волоске, не имея никакой поддержки среди русского народа. Крутая ЛОЖЬ. Всем известен небывалый экономический рост России в царствование Государя Николая Александровича. По всем параметрам, как сельскохозяйственным, так и промышленным, Россия была на уровне самых передовых стран, а часто по отдельным отраслям была лидером на мировом уровне. Крупный

французский экономист с мировым именем Эдмонд Тэри писал: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 год идти так же, как они шли с 1900 по 1912 год, то Россия в середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении». Параллельно с этим социальное законодательство было для этой эпохи не только на должном уровне. Прислушаемся к суждению, выраженному в 1912 году не кем иным, как самим президентом Соединённых Штатов Америки Вильямом Говардом Тафтом: «Ваш Император сделал рабочее законодательство более совершенным, чем те, которым могут похвалиться демократические страны».

В области народного просвещения был принят в 1908 году закон, благодаря которому образование становилось в России обязательным для детей, и полного уничтожения безграмотности предусматривалось достичь уже в 1928 году.

«Дайте Государству двадцать пять лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Вот что боялись увидеть и чего не могли допустить враги России. Вот почему автор этого золотого пророчества П. А. Столыпин был подло убит.

На самом деле все русские силы были устремлены только на одно: на победу над врагом. Любой не предвзятый наблюдатель, не поддающийся гнетущей пропаганде, должен вполне сознательно знать, что революция была сделана не русским народом, а над русским народом. Да, конечно были подстрекаемые всякими леваками рабочие брожения в Петербурге, да, был искус-

ственно созданный бабий хлебный бунт в столице, тогда как на самом деле мука была в полном недостатке на складах. Да, подавали голос, устраивали истерику в Думе всякие крикуны, скоро показавшие свою полную несостоятельность, – пытались накалить обстановку и общественное неудовольствие среди распропагандированных тёмных масс. Но это только столица бурлила, в стране царило полное спокойствие, и достаточно было бы одного решительного отряда для наведения порядка в Санкт Петербурге.

И, как мы знаем, Государь в качестве Главнокомандующего дал именно такое распоряжение, но, как ни стыдно это напоминать, оно было за Его спиной отменено генералами Алексеевым и Рузским... По глупости или умышленно, но предательство тут уже налицо: надо было дать полную возможность событиям разрастись до точки невозврата, когда уже всего лишь одно останется: «сдаться на милость победителя», по образному предложению, сделанному генералом Николаем Рузским своему Государю, надеющемуся, наоборот, найти солидную опору у командующего Северным фронтом...

Другая ЛОЖЬ: никто будто не встал на защиту свергнутого Царя, что должно расцениваться как явный признак того, что вся Россия отвернулась от Монархии и от Царствующей Семьи.

Ложь, как известно, может быть прямой, открытой, косвенной, по умолчанию и ещё под другими видами, но тем не менее всегда остаётся ложью. Ложь любит прикрываться видимостью правды. Так оно и в этом вопросе. Да, можно на первый взгляд не заметить лукавство такого утверждения и согласиться с тем, что революция именно прошла «безболезненно», по словам генерала Алексева, и что никто на защиту Царя не встал. Но надо знать, что лукавство и ложь этого утверждения зиждутся в видимой легальности государственного переворота: ведь сам Государь, движимый несокрушимой мыслью доведения войны «во что бы то ни стало до победного конца» не только призвал, но и вменил в обязанность Армии повиноваться новой, хоть и безымянной, власти, что выбивало из рук монархистов всякую возможность сопротивляться содеянному. «Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу». В эти жуткие для Него дни Государь думал не о Себе, о Своей утерянной власти, страдал Он за Армию, за всю Россию, за каждого её жителя. Он, вероятно, был одним из редких видевших, на краю какой гибели стояла Россия.

Повинуйтесь Временному Правительству. Можно себе представить, как нелегко было это писать! Какую силу духа, каким патриотизмом надо было гореть, чтобы дать такое указание! А это тем более, что вопреки тому, что вбивается нам в головы, стоило бы одного решительного призыва – и вся армия, как один человек, хотя бы по долгу присяги, стала бы на защиту своего Монарха. Но такой голос не прозвучал... Почему? – Неожиданность, растерянность, запутанность вопроса и, главное, никому в голову не могло прийти, что начальник Штаба, правая рука Государя, генерал Алексеев, которому Царь доверял, как Самому Себе, мог быть не только замешан в этом заговоре против законной власти, но играл в ней первостепенную роль, так как без его участия ничего не могло бы случиться. Что касается самой армии, она узнала о революции уже постфактум, когда всё уже было решено и в силу вступили новые законы, правила и новая власть. Сам генерал Деникин, которого уж никак нельзя упрекать в криптомонархизме, свидетельствует, что войска были ошеломлены, узнав о Манифесте об отречении, и что даже трудно было бы одним словом описать впечатление, которое произвело известие о втором Манифесте с призывом подчиняться Временному Правительству. Авторитетнейший специалист по военным вопросам и крупный историк генерал Головин писал: «...весьма вероятно, что было ещё много верных Царской Власти войсковых частей и военачальников». Таких авторитетных свидетельств можно привести немало. А генерал Деникин в своих воспоминаниях добавляет очень важную, решающую причину, объясняющую пассивность армии в вопросе защиты, вернее, не защиты своего Государя: «Армия тогда была послушна своим вождям, а они, генерал Алексеев и все главнокомандующие, признали новую власть».

Так вот где собака зарыта!

Если армия на самом деле не тронулась, как остоленевшая, то никак не оттого, что была безразлична к участи своего Царя или его свержению, а просто от невозможности действовать, от недоумения, от послушания к начальству, словом – Армия стала жертвой жуткой и липкой лжи, что Государь будто по доброй воле отрёкся от Престола. А если так – можно ли было идти против Его воли? Никому в голову не могло прийти, что горстка генерал-адъютантов, в сговоре с начальником Штаба, покоровшимся революционной Думе, лукаво обманули и предали своего Царя.

Всё было достигнуто очень ловким приёмом, а именно той взволнованной телеграммой, посланной генералом Алексеевым – по собственной инициативе – всем командующим фронтами, телеграммой с очень настойчивыми выражениями, подсказывающими желательные ответы. Только отречение, мол, могло спасти Россию! Вступивший на путь измены, Алексеев

понимал, что прямо ставит свою жизнь в опасность – «пахнет виселицей, говорилось в кругу заговорщиков», – поэтому ему необходимо было привлечь как можно быстрее и больше соучастников в заговоре, что объясняет почти истерический тон явно лживого представления положения и событий в посланном письме: «...Ныне наступила одна из страшных революций, сдерживать народные массы трудно...

Династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола... Необходимо спасти действующую Армию от развала, продолжать до конца борьбу со внешним врагом, спасти независимость России и судьбу Династии...». Лицемерные слова. Блестящий образец того, как можно исказить истину, наводя речь добрыми и возвышенными словами. Так вот каким лукавством было окутано предательство, и времени для размышления не давалось: «Потеря каждой минуты может стать роковой для существования России».

И пошли один за другим «немедленные ответы» с коленопреклоненным советом отречься «для блага России и Армии» – всё по начертанному плану Алексеева и думских проходимцев. Надо знать, что только горстка высшего генералитета и офицерства стояла за сознательное предательство, но успех революции был предопределён тем, что эта горстка занимала ключевые должности верховного командования. Тем временем большинство русских генералов и офицеров оставались до конца верными присяге и долгу. И так было от рядовых до высших чинов. Посылаемые из разных армейских корпусов недоуменные и возмущённые обращения с готовностью положить свою жизнь за Царя были перехвачены и не доводились до сведения Государя. Подумать: прощальное трогательное слово к армии, дышащее высшим чувством патриотизма, составленное уже после отречения, не было допущено до сведения войск, было перехвачено новым военным министром, проходимцем Гучковым, запретившим дальнейшее распространение. Обращения в войска, – до того это прощальное слово было противоположно той липкой лжи об антипатриотизме и чуть ли не измене Государя, которую изменники внедряли в умы народа. Это многое говорит о той лжи, согласно которой Царь был слабым человеком и правителем. Уместно вспомнить слова трусливого Гучкова: «Опасность ещё не миновала, и враг может ещё бороться», сказанные для оправдания своего подлого поступка. Такой был слабый и нелюбимый народом Царь, что мощный либерал-революционер боялся даже тени отрёкшегося Государя!

После долгих мучительных раздумий Государь Император наконец уступил, никак

не прибывшим в Псков «народным представителям» Гучкову и Шульгину, но подписал Манифест только когда увидел, что Им поставленные генералы Ему изменили. Когда для Русского Царя создавалась невозможность исполнения Им по совести Его царского служения. Он отрёкся от Престола, когда убедился, что генерал-адъютанты отреклись от Него, те самые генералы, в верность которых Он слепо верил, которых он производил в высокий чин, Сам по скромности оставаясь полковником... Очередная устойчивая ЛОЖЬ относится ещё и к мнимой бездарности Государя и о его неуместности в роли Главнокомандующего Армией, что согласно их логике и привело заговорщиков к роковому действию, будто ради блага России и конечной победы. Ложь отвратительная, которая не может не бросаться в глаза каждому честному наблюдателю. Мы уже писали, что среди лета 1915 года, когда Государь счёл своим монаршим долгом встать во главу Армии, почти против всеобщего мнения, Армия на самом деле была на краю полного распада и гибели.

Не будем в деталях повторять то, что мы неоднократно писали о том прямо чудесном повороте в ходе военных операций, произошедшем со вступлением Царя во главу Армии. Напомним только кратко, что весной 1917 года ожидалось победоносное наступление, которое должно было положить конец изнурительной войне и позволить России закончить этот мировой катаклизм в лагере победителей, что ей не было дано. Русская кровь не была бы зря пролита.

Это все понимали, как настоящие патриоты, так и предатели февралисты. Так и думали крупные нерусские авторитеты, и тут нельзя не упомянуть ещё раз суждение тогдашнего военного министра Англии В. Черчилля: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Её корабль пошёл ко дну, когда гавань была в виду. Все жертвы уже были принесены, вся работа завершена /.../ В марте Царь был на Престоле, Российская Империя и Русская Армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна».

Но и не иначе думали думские «великие мыслители с омерзительным Милюковым во главе, не стыдящимся говорить, что для производства переворота было принято твёрдое решение «воспользоваться войною»(!) и что «ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша Армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намёки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования».

После таких признаний в двуличности самими заговорщиками можно ли продолжать смотреть на русскую историю в кривом зеркале, как это ещё поважно делается сто лет спустя после трагических событий?

Можно ли продолжать лепетать о бездарности Государя в ведении дел мощной и христианской Империи, о Его слабости, о бездарности Царя в ведении войны? И – о ужас! – можно ли без содрогания читать о коварных налётах, выдвинутых непосредственно против Царской Семьи, Её окружения и правительства, обвиняющих их в германофильстве? Имеем тут особенно в виду милюковский грубый приговор: «Глупость или измена»!..

Камарилья милюковцев с гордостью постановила, что это дерзкое и глупейшее обвинение, брошенное 1/14 ноября 1916 года с высоты думской трибуны, стало началом революции. Да, по мнению историка, публициста и будущего министра иностранных дел Павла Милюкова, Царь и Его правительство будто тайно предавали интересы России и эти чистые добродетельные ангелы должны были действовать для спасения страны. Но, к сожалению, для них остался памятен милюковский лозунг: «Лучше проиграть войну, только не Романовы», что о многом говорит и не нуждается в комментариях.

Вот где были предатели и изменники! И эти бравые патриоты показали, на что они способны и как успешно удалось им вести военные операции, моментально развалив Армию, первыми показав пример измены присяге и не подчинения начальству. Как же – мы демократы, республиканцы, долой отжившие принципы средневекового самодержавия. Надо же было казаться демократичными. Армия из Императорской в один миг стала «народной», и наши brave февральцы, по трусости перед Советом Рабочих и Солдатских Депу-

татов, допустили распространение на всю Армию преступного Приказа № 1, нарушающего основополагающий принцип единоначалия: от офицеров выбивалась из рук командная власть над солдатами. Власть переходила в руки выборных солдатских комитетов, в частности, всё оружие передавалось в распоряжение и под контроль этих комитетов, которые в Приказе видели не ошибку, а необходимость: «В день, когда мы «сделали революцию», мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались», по признанию одного видного революционера. Добиться отречения Государя и составляло основную цель всего заговора против России, и тем самым не в землю генералы-изменники воткнули штыки, а в само сердце России.

То, что через Февраль вся Российская Государственность провалилась в большевицкий безбожный Октябрь, можно было предвидеть, стоило прислушаться к прозорливому оптинскому старцу Анатолию, сказавшему в 1916 году: «Как человек с отрезанной головой уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим». Но нашлись люди, возомнившие себя выше Царя и выше Церкви и не хотевшие понять, что идея Монархии – это идея самой России, а не идея одной партии. Монархия – это Богом данная власть, и первый удар бесы всегда наносят по ней. Республика, о которой некоторые мечтали, есть, по слову И. А. Ильина, «промежуточная форма, или «станция» на пути от Монархии к анархии». Так оно и подтвердилось у нас в России. В своём труде «Великая фальшивка февраля» И. Л. Солоневич верно писал: «В этом предательстве первая скрипка, конечно, принадлежит военным. Этой измене и этому предательству нет никакого оправдания. И даже нет никаких смягчающих вину обстоятельств: предательство в самом обнажённом его виде».

По мнению И. П. Якобия, царская власть в России пала не вследствие своей слабости или устарелости Монархии как принципа, но вследствие предательства Царя и Его Семьи всеми кругами русского общества. Об этом многостороннем предательстве – в Армии, в Думе, в высшем обществе мы уже немало писали. Клевета скрытно и стихийно распространялась, в данном случае она отравляла настроение общества, ум Армии, проникала в головы людей, и то, что немецкие пули не могли сделать, было сделано тыловой общественностью, такими людьми, как Милюков и Гучков. Этот последний – один из самых главных вдохновителей февральского предательства, ездивший даже в Константинополь для изучения на месте тактики «младотурок» и создавший при военно-промышленной секции Государственной Думы нечто вроде «военной ложи», в которую он привлекал высших

офицеров под видом военных экспертов по вопросам снабжения, но где главным образом обсуждали и осуждали высшую власть.

Подумать – эти два видных проходимца после Гражданской войны выехали с Белой Армией и, как ни в чём не бывало, красовались и хорохорились по Парижам и Берлинам, читали лекции, издавали газеты и продолжали влиять на Эмиграцию и представлять её интересы и чаяния перед западной общественностью.

С христианской точки зрения следует осуждать, а с патриотической легко можно понять, что этим двум вредным личностям пришлось поплатиться за свои прежние действия. Гучков на станции метро в Берлине был жестоко избит, а Милюков чудом спасся от покушения на него в берлинской филармонии на собрании, посвящённом пятой годовщине революции, но погиб стоявший рядом с ним известный деятель кадетской партии, отец писателя Владимира Набокова.

Стрелявшие, видные монархисты П. Н. Щабельский-Борк и С. В. Таборицкий, бывшие офицеры Императорской Армии, не скрывали смысла своего поступка: «Я мщу за Царскую Семью и за Россию».

Сергей Бехтеев посвятил им стихотворение, озаглавив его «Дорогим узникам»:

Нет! Не убийцы вы!

Пусть суд ваш строг и гневен...

Везде грозно по совести творя,

Вы мстили палачам за кровь святых Царевен,

За смерть Царевича, Царицы и Царя!

Зверское же убийство Царской Семьи, совершённое ровно сто лет назад, явилось естественным завершением измены 2/15 марта 1917 года. Арест Царя и Его Семьи не простые исторические эпизоды, это есть сама суть революции, предательства и лжи, на которых она была построена. «В решающий час русской истории Государь остался почти в полном одиночестве», писал И. А. Ильин. В убийстве Царя виновны не только исполнители, те, кто давал распоряжение, но и те, кто в позорные февральские дни забыли о присяге и изменили Ему. Государя убила горстка «выродков земли родной», служившая евреям, латышам, венграм, но грех Цареубийства лёг на всех русских и будет лежать.

Февралисты хотели узаконить своё же незаконное, пытаясь придать законный облик своей революции, но Октябрь явился вполне заслуженным Божиим наказанием за Февраль. Кто в нём не покался, несёт на своей совести все последующие ужасы. Нельзя тут умолчать, в день столетия убийства нашего Святого Царя, жуткие слова, написанные в книге «Очерки русской смуты» одним из главнокомандующих Белой Армии Деникиным: «Император с семьёй был перевезён в Екатеринбург, и там, подвергаясь невероятному глумлению черни, муче-

ниями и смертью своею и своей семьи – заплатил за все вольные и невольные прегрешения против русского народа». . . Вот какую нравственную оценку генерал-республиканец даёт этому жуткому злодеянию. И это написано уже в Эмиграции. . . не под угаром революционного духа, а когда жизнь должна была кое-чему научить человека. Вот какой урок он извлекает из этого вопиющего ужаса, перед которым содрогаются все нормальные, честные люди независимо от национальности и веры. Дерзнём спросить – извольте, генерал, уточнить, какие это вольные и невольные грехи против русского народа, которые, по Вашему мнению, за всё своё царствование и за всю свою жизнь совершил изменой преданный на пленение и смерть чистейший и благороднейший Государь, и за которые пришлось Ему такую цену заплатить? Да, вот какой нравственный подход на жизнь у республиканцев-демократов, кто у них жертва и кто виновник. . .

Нет, с этим христианская совесть согласиться никак уж не может. Уверены, что мало кто среди Белых воинов согласился бы расписаться под такими позорными словами. Не видеть и не понимать духовную и нравственную высоту и красоту Царя-Мученика есть несомненно явный симптом моральной трагедии и морального уровня современного человека. Современного, то есть одновременно как сегодняшнего, так и жившего сто лет назад. До некоторой степени такое поведение может ещё объясняться для тех, кто так думал тогда. Но теперь? После всего пережитого за истекший век? Кто не оплакивает и не кается в зверском убийстве святого Царя-Мученика, тот точно уподобляется иудеям-богоборцам, участвовавшим в убиении своего Богоносного Царя. Да, кровь Его лежит на всём русском народе, и не только русском, если учесть роль союзных стран.

А вот слова великого современного подвижника и чудотворца, святого Иоанна Шанхайского, которые должны служить духовным наставлением всему русскому народу во дни этого жуткого юбилея: «В грехах цареубийства повинны не одни лишь физические исполнители, а весь народ, ликовавший по случаю свержения Царя и допустивший его унижение, арест и ссылку, оставивший его беззащитным в руках преступников, что уже само собой предопределяло конец. /.../ Не высказывая прямого осуждения февральской революции, восстания против Помазанника, русские люди продолжают участвовать в грехе, особенно когда отстаивают плоды революции».

*С в я т ы й Ц а р ю – М у ч е н и ч е
Николае, Святии Царственные
Мученицы, молитте Бога о нас!*

Протодиакон Герман Иванов - Тринадцатый

<http://nashastrana.net/wp-content/uploads/NS-3083.pdf>

Стр. 2 НАША СТРАНА № 3083 «Nuestro pais» Год издания 70-й. Буэнос-Айрес, 21 июля 2018 Buenos Aires, 21 de julio de 2018 № 3083

ОФИЦЕРЫ БЕЛЫХ АРМИЙ О РОЛИ АНТАНТЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Антанта (фр. entente – согласие) – военно-политический блок России, Англии и Франции, создан в качестве противовеса «Тройственному союзу» (А-Entente – Германии, Австро-Венгрии и Италии); сложился в основном в 1904 – и завершил размежевание великих держав накануне Первой мировой войны. Оформился в 1904–1907; объединил в ходе 1-й Мировой войны против германской коалиции более 20 государств (среди них США, Япония, Италия).

Прошло сто лет с начала потрясений, послуживших началом кровавых событий и изменивших ход истории нашей страны. Сто лет продолжаются споры о том, как и почему это произошло, какие силы способствовали этому. Весьма интересна роль французского и английского посольств и непосредственно послов Мориса Палеолога и Джорджа Бьюкенена накануне февральских событий 1917 года в Петрограде. Несмотря на ряд военных неудач, относительную военную отсталость России, к 1917 году Российской Императорской армией был одержан ряд громких побед на Юго-Западном и Кавказском фронтах. Бесперебойно работала на армию промышленность России, шли регулярные поставки вооружения, снаряжения и боеприпасов от союзников. Готовился российский десант для взятия Босфорского пролива, вследствие чего Турция выходила из войны, а затем была очередь Австро-Венгрии. Но десант был отложен на начало 1917 года из-за неожиданного вступления в войну на стороне Антанты слабой и малобоеспособной армии Румынии, рвавшейся при разделе наследства Австро-Венгрии получить свой кусок пирога. Румынская армия была разгромлена, но России пришлось открывать новый, румынский фронт. До вступления Турции в войну 2 ноября 1914 года интересы союзников совпадали, претензии России на территориальные приобретения были минимальны и сводились к присоединению к империи старинных русских территорий (современная Западная Украина). Но с началом нового противоборства Российской и Османской империй тут же встал вопрос о контролируемых Турцией проливах из Чёрного моря в Средиземное, о православном доминировании в Палестине и непосредственно в Иерусалиме (конкретно под патронажем Русской Православной Церкви), были планы о превращении Стамбула в международный город. Также реально предполагалось создать на территории турецкой Армении с присоединением к ней российской

Армении Армянского государства, которое, естественно сразу бы стало младшим и надёжным партнёром Российской империи. Кроме того, это открывало России через Средиземноморье торговые пути и многократно увеличивало её влияние на Балканах [6].

Могло ли это всё понравиться основным союзникам России по Антанте, включая и США? Конечно же, нет. Могли ли члены Антанты действительно помочь армиям Колчака, Деникина и Юденича, которых они официально заверяли в своей дружбе, а не ограничиться небольшими гарнизонами в Архангельске, Владивостоке и Одессе, которые фактически не принимали участия в боевых действиях, и не вели ли они при этом двойную игру? Ведь в случае победы белых армий пришлось бы пересматривать итоги I Мировой войны и последствия раздела Российской империи, ведь ни для кого не секрет, что белые вожди были не считавшимися с новыми политико-географическими реалиями консерваторами, лозунг которых был «единая и неделимая Россия», отвернувший от них всех потенциальных союзников. Но, тем не менее, после возможной победы белогвардейцев в любом случае были бы переговоры, договорённости, конференции, и, наконец, так декларируемое Учредительное собрание. И не было бы рек крови, массовых репрессий, уничтожения крестьянства, хронического отставания экономики и промышленности и нищенского уровня жизни народа. Тема эта большая и серьёзная, требующая капитальных и последовательных исследований. Мы же узнаем пока, что писали в своих воспоминаниях по этому поводу непосредственные участники событий, преданные «союзниками».

Вот цитаты из воспоминаний известного белого эмигранта и полковника Кубанского казачьего войска Елисеева Фёдора Ивановича. Описываемые действия происходят в марте и апреле 1920 года, когда войска Деникина отступали к Чёрному морю в надежде эвакуироваться в Крым и продолжить борьбу:

«...Генерал Науменко сказал нам очень коротко и просто, буквально так: Господа!.. Мы идём в Грузию. Там Кубанская армия будет реорганизована для новой борьбы... Мы все не сомневались, что в портах на Черноморском побережье, в Туапсе и Сочи, заготовлены большие запасы фуража и продовольствия для всей Кубанской армии; с грузинским правительством заключён договор, и мы туда идём, как в дружественную и православную страну» [1, с. 140–141].

А вот совещание на границе с Грузией руководства Кубанской армии, фактически назначенного Деникиным войскового атамана не казака генерала Букретова и командования следовавшего с кубанцами 4 Донского казачьего корпуса: «...Встал атаман Букретов и сказал следующее: – Кубанская армия находится в тяжёлом положении. Случайно, через генерала Морозова (на данный момент командир 4-го Донского корпуса — С. З.), мы вошли в связь с красным командованием, предложившим нам мир... Дрейлинг (на этот момент – начальник штаба данной группировки, полковник – С. З.) ... по бумаге стал нам читать «условия красного командования, на которых может быть заключён мир». Я их не буду приводить, укажу только, что перечисленные условия, подписанные начальником 34-й красной пехотной дивизии, действовавшей против нас, Егоровым и военным комиссаром дивизии Сутиным, заканчивались ультимативно: «Срок мирных пере-

говоров кончается 2-го мая сего года в 4 часа 15 минут. К означенному сроку Вам надлежит дать определённый ответ». Дата по новому стилю. Мы жили по старому. Значит, ультиматум кончается 19 апреля старого стиля, а военный совет был накануне, 18-го... Прочитав, Дрейлинг дополнил, что «при личных переговорах... дано время для ответа ровно 24 часа, и добавил: «О сдаче не может быть и речи. Наша цель – затянуть переговоры дня на три, когда к нам придут транспорты из Крыма для погрузки, для переброски казаков туда».

Букретов... обратился к члену правительства Балашёву, только что вернувшемуся из Гагры, где он вёл переговоры с грузинским правительством, доложить совету, как обстоит дело с переходом армии в Грузию. (Балашёв)... доложил: «Грузинское правительство отказалось пропустить казаков на свою территорию, боясь угрозы красных, которые предупредили, что Красная армия «на плечах казаков» войдёт вслед в Грузию и неизвестно где остановится» [1, с. 238–239].

Далее Елисеев анализирует обстановку, опираясь на воспоминания Деникина, Врангеля и председателя Кубанского правительства Иваниса: «О первых ласточках мира с красными Деникин пишет так: «В один из ближайших дней перед эвакуацией (из Новороссийска) ко мне явился генерал Бридж со следующим предложением Английского Правительства: «Так как,

по мнению последнего, положение катастрофично и эвакуация в Крым неосуществима, то англичане предлагают мне своё посредничество для перемирия с большевиками». Я ответил – «Никогда» [3, с. 256].

Дальше генерал Врангель пишет, что верховный комиссар Великобритании в Константинополе, адмирал де Робек, передал ему, Врангелю, секретную телеграмму для генерала Деникина, которая заканчивалась словами: «Однако если бы генерал Деникин почёл бы себя обязанным его отклонить (т. е. перемирие с большевиками – С. З.), дабы продолжить явно безнадёжную борьбу, то в этом случае Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь какого бы то ни было характера генералу Деникину» [1, с. 256].

«...Из этих коротких выдержек генералов Деникина и Врангеля ясно видно, что «мир с большевиками» зародился не в умах военных и политических руководителей Кубани. Но когда Кубанская армия была прижата к морю от Хосты и до грузинской границы, по шоссе и в окрестностях, на пятячке территории в 15 вёрст по птичьему полёту, где скопилось до 60 тысяч войск и беженцев, без фуража и продуктов питания для людей, положение стало катастрофическим» [1, с. 257]. Здесь же Елисеев приводит цитату из сборника «Трагедия казачества», 4 том: «Представитель Английского командования, присутствовавший на переговорах Кубанского Атамана генерала Букретова, начальника штаба армии полковника Дрейлинга и председателя Кубанского Правительства Иваниса в Гаграх 15 апреля высказался решительно против насильственного перехода Кубанцами границы Грузии и пригрозил, что в случае осуществления казаками подобного плана Великобритания не только откажет Кубанцам в своей помощи, но решительно воспрепятствует осуществлению этого намерения» [1, с. 257].

«Мы, фронт, тогда ещё ничего не знали о жуткой трагедии Донской армии при эвакуации Новороссийска. Две трети от её численности остались на берегу... По многим источникам, на Черноморском побережье отступило около 60 тысяч войск с беженцами. Генерал Голубинцев в своей книге пишет: «Насколько помню, Донских казаков в строю было около 12-ти тысяч, а всего на довольствии около 18-ти тысяч (имеется в виду 4 Донской корпус – С. З.)». Черкесская конная дивизия насчитывала в своих рядах около 3 тысяч всадников. Следовательно, Кубанская армия насчитывала в своих рядах около 40 тысяч (к счастью, это была не вся Кубанская армия: части кубанских соединений удалось прорваться в Крым, группа генерала

Фостикова ушла в горы и соединилась с войсками Врангеля во время августовского десанта под началом генерала Улагая на Кубань – С. З.).

Из Крыма молчание и нет транспортов. Грузия закрыла границу. Английская эскадра в Чёрном море поддержала решение Грузии, а британское правительство, как указано выше, предложило ещё генералу Деникину прекратить войну с красными, считая её «проигранной и безнадёжной» [1, с. 258].

«При таком катастрофическом положении Кубанский Атаман и правительство решили заключить перемирие с красными, надеясь, что перевозочные транспорты из Крыма ещё дойдут.

«16-го апреля была послана по радио телеграмму генералу Врангелю в Крым, с просьбой прислать пароходы для эвакуации казаков».

«17-го апреля была послана новая просьба о присылке пароходов» (здесь также цитаты Елисеева из сборника «Трагедия казачества», том 4). Пароходы не прибыли» [1, с. 259].

Таким образом, благодаря бездарному руководству Деникина и его окружения, его недалёкой политике и провальному военному планированию его и его начальника штаба Романовского не только была провалена военная кампания, но и подло сданы казачьи армии, отступившие к Чёрному морю, и с ними почти поголовно сражавшиеся на стороне белых калмыки вместе с семьями, а также храбро сражавшаяся в составе кубанских частей черкесская дивизия. Много вопросов вызывает поведение так называемых английских «союзников», которые вместо того, чтобы хотя бы прикрыть орудиями своей эскадры эвакуацию казачьих армий, этими же орудиями грозили им в том случае, если они самовольно пройдут в Грузию, которая принуждена была отказать в этом кубанским и донским частям. И уж весьма неприглядная роль в этом самого Деникина, известного казакофоба, недаром его дочь Марина Антоновна во время своего визита в Россию в 2005 году, незадолго перед смертью, извинялась за отца перед казаками.

Ну а как обстояло дело в армии Колчака, которого «союзники» убедили встать во главе антибольшевистского движения?

Вот воспоминания Филатьева Дмитрия Владимировича, генерал-лейтенанта и профессора академии Генштаба. С начала Гражданской войны активно участвовал в Белом движении на территории современной Украины, с ноября 1919 года заведовал снабжением в армии Колчака [2, с. 702].

Филатьев пишет, что Колчаку было предложено советом министров отречься, речь идёт о времени отступления белой армии зимой 1919 года, когда Колчак в штабном вагоне сле-

довал к Иркутску: «Колчак фактически не руководил армией, но колебался: «Не подлежит сомнению, что на колебания адмирала оказывала влияние боязнь за судьбу золота, которое невозможно было перегрузить на сани, но и ехать с ним дальше по железной дороге, при враждебности чехов и населения, было небезопасно...

Кстати, о золоте. Генерал Жанен ещё в Омске предлагал адмиралу взять золото под свою охрану и гарантию и вывезти его на восток. Адмирал на это предложение отвечал: «Я лучше передам его большевикам, чем вам. Союзникам я не верю» [5, с. 447].

Затем Филатьев пишет о событиях в начале января 1920 года в Иркутске, где в то время находилось эвакуированное из Омска правительство: «События в Иркутске развивались в следующем порядке. 24 декабря (ст. стиля – С. 3.) произошло восстание в казармах 53-го полка в Глазковском предместье у вокзала, отделённом от города рекой Ангарой, через которую мост, случайно или умышленно, оказался разорванным. По этой причине парализовать восстание оказалось невозможным, поэтому начальник казарм 26 декабря (ст. стиля — С. 3.) уведомил о своём намерении генерала Жанена (представитель Высшего межсоюзного командования и главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке – С. 3.). В ответ на это извещение генерал Жанен сообщил, что не допустит обстрела и в свою очередь открывает огонь по Иркутску. Иными словами, генерал Жанен становился на сторону повстанцев против правительства Колчака, а подчинённые Жанену чехи захватили в свои руки все перевозочные средства через Ангару и таким образом лишили Сычёва возможности подавить восстание 53-го полка. 27 декабря (ст. стиля – С. 3.) Сычёв получил телеграмму из села Листвичного от командира семёновского дивизиона броневых поездов Арчегова, что он идёт в Иркутск, но союзники препятствуют движению. Эти бронепоезда так и не дошли до Иркутска» [5, с. 455].

Далее Филатьев описывает бои проправительственных сил и некий Политический Центр, объединивший все пробольшевистские силы. Далее подводятся итоги событиям: «Вновь вмешался генерал Жанен и предложил свои посреднические услуги между враждующими сторонами. 2–4 января (ст. стиля – С. 3.) тянулись безрезультатные переговоры в вагоне Жанена. Гордиев узел был разрублен самым неожиданным образом. 5 января (ст. стиля – С. 3.) на улицах Иркутска были расклеены объявления о «падении ненавистой власти Колчака» и о принятии власти Политическим Центром. Совет министров, то есть правительство адмирала Колчака, никем не свергнутый и не отрешившийся от власти, вдруг прекратил существова-

ние... Так автоматически прекратилась власть диктатора адмирала Колчака [5, с. 456].

И затем Филатьев, человек информированный, подводит итог тому, кем действительно для белых армий являлись союзники: «Что касается до «союзников», которых у нас нередко обвиняют в вероломстве и эгоизме, то тут как будто кроется недоразумение. Забывают, что в действительности никаких «союзников» у нас не было со дня подписания Брест-Литовского мира. Союз возобновился на короткое время в Сибири, когда чехи были двинуты из Владивостока на Урал, и он вновь кончился 11 ноября 1918 года, в день подписания перемирия (Антанты с кайзеровской Германией – С. 3.). Начиная с этого дня у Колчака не было союзников, но ещё находились «сочувствующие», главным образом полковник Нокс (представитель Великобритании – С. 3.). Название же «представители союзников» употреблялось по старой памяти и отнюдь не соответствовало действительности. Чехи, коих было большинство, думали только о том, чтобы поскорее выбраться из Сибири домой. Для этого надо было быть уверенным в непрерывности движения по железнодорожной магистрали. Они её захватили в свои руки, и повели себя как в завоёванной стране, пользуясь нашей слабостью и невозможностью силой противостоять их разнузданности. Горе побеждённым [5, с. 457]! Сам же Колчак с сопровождающими его демонстративно был выдан Политическому Центру сразу по прибытии их в Иркутск: «По прибытии в Иркутск бегом направился к Сыровому (Сыровый Ян осуществлял общее руководство чехословацким корпусом – С. 3.) и, вернувшись, спустя короткое время, с волнением сообщил, что адмирала решено выдать Иркутскому революционному правительству. Колчак вступил на свою Голгофу. Это было 15 января. На вокзале спешно составлялся акт передачи Верховного Правителя Политическому Центру, причём техника передачи была заранее установлена особым соглашением между чешским доктором Благошем и представителем Политического Центра Косьминским. В своём усердии перед Политическим Центром чехи выдали всех, ехавших в вагоне адмирала, даже женщин» [5, с. 460].

В выдаче непосредственно Колчака немаловажную роль сыграл и «золотой эшелон» российской казны, прикараменный «союзниками» после выдачи Колчака. Часть его успели растратить и подарить кайзеру до захвата Каппелем Казани, куда на тот момент была эвакуирована значительная часть золотого запаса империи, часть белое правительство потратило. Но осталось 657 миллионов рублей золотом, громадная по тем временам сумма [5, с. 464]! Часть из этого кинули большевикам, формаль-

но чтобы партизаны не мешали продвижению чехословацких эшелонов. Небольшая часть попала атаману Семёнову, была положена им в японский банк, и выдана обратно голодавшим эмигрантам не была. Напрасно ездил Семёнов за правдой в Америку, хотя в открытую об этом он не говорит [1, с. 303–311]. Ну а остальное «пропало» в закромах «союзников». Об этом цитата из воспоминаний атамана: «...Сопоставляя данные о количестве золота, отправленного из Омска, с количеством принятого большевиками от чехов в Иркутске, мы можем восстановить более или менее точную сумму, в которую был оценён адмирал Колчак. Оставшийся у красных генерал Болдырев в своих записках указывает, что чехами в Иркутске было сдано всего двести пятьдесят миллионов золотых рублей, тогда как, по сведениям лиц, сопровождавших этот литерный поезд, количество отправленного из Омска золотого запаса превышало эту сумму более чем в два раза» [1, с. 235]. Свою долю получили и непосредственные исполнители «белочехи», «братушки» чехи и словаки. Вот что пишет о времени своего пребывания в Шанхае в своих воспоминаниях Григорий Михайлович Семёнов: «Враждебное отношение ко мне шанхайского консульского корпуса я объясняю тем, что в своё время я резко выступил против генерала Жанена, вызвав его на дуэль в дни предательства им адмирала Колчака. Кроме того, я ещё в Забайкалье требовал учреждения междусоюзной комиссии для фиксации всех ценностей и разного рода частного имущества, награбленного чехами в Сибири и вывезенного ими в Чехию. Тогда мне было отмечено союзным командованием, что в его задачу совершенно не входит охрана русского имущества, и оно стремится лишь к скорейшей эвакуации чехов из пределов Сибири» [1, с. 301].

Подлое, предательское и иезуитское поведение «белочехов» – это, пожалуй, одна из самых чёрных страниц не только Гражданской войны, но и всей отечественной истории. До сих пор не утихает вселенский плач по уничтожению «Пражской весны», по вводу советских войск в Чехословакию в 1968 году. Но они же, чехи и словаки, сами сделали всё, что смогли, для победы советской власти, которая и объединила после победы над гитлеризмом чехов и словаков в единую страну, устроила там социалистический режим, а когда те возмутились – недовольство было жёстко подавлено. Также следует заметить, что вся Чехия старательно работала во II Мировую войну на Гитлера, снабжала его войска бронетехникой и боевыми самолётами, построенными на заводах, созданных на награбленное в Сибири, на Волге и на Урале, на иудину долю от «золотого эшелона». Словакия же выступила как сателлит гитлеров-

ской Германии. Старшее поколение сибиряков ещё помнит переделанную старинную песню, где вместо слов «на нас напало злое племя» звучало «на нас напали злые чехи».

После того, как весной 1918 года с подачи Антанты созданные из военнопленных Австро-Венгерской армии «братьев-славян» чехословацкие легионы подняли мятеж и помогли действительно свергнуть, они свернули своё участие в боевых действиях, ими, как уже отмечалось, фактически была захвачена вся Транссибирская магистраль от Екатеринбурга до Владивостока. Готовили чешские легионы для войны против Германии; в связи с Брестским миром собрались их якобы отправить на Западный фронт через Америку, но в ноябре 1918 года кайзеровская Германия капитулировала, а чехословацкие легионы продолжали оккупировать Транссиб и на родину почему-то не торопились. И подчинялись они напрямую только руководству бывшей Антанты через французского генерала Жанена. После поражения белой армии Колчака чехословацкие легионеры, фактически ставшие полноправными хозяевами Транссиба, категорически отказались пропускать поезда с беженцами, больными, отступающими колчаковцами до тех пор, пока не пройдёт последний чехословацкий вагон. О том, как «белочехи» спокойно вывозили награбленное имущество, а вагоны с русскими беженцами и ранеными стояли, люди замерзали и гибли от тифа и от пуль красных партизан на узловых станциях, хотя в это время трасса была свободна, есть масса свидетельств.

Вот одно свидетельство из множества, вот воспоминания Котомкина Александра Ефимовича, колчаковского полковника, занимавшегося также редакторской и литературной деятельностью [2, с. 701]: «Эвакуационные поезда длинной лентой вытянулись между Омском и Ново-Николаевском. На 150 вёрст к западу от Ново-Николаевска растянулись эшелоны эвакуации Омска и стали. Дальше двинуться оказалось невозможным – впереди железная дорога была безвыходно закупорена. Стояли лютые морозы. Сзади накатывала валом регулярная Красная армия. По сторонам лежала бесконечная холодная сибирская тайга, в которой не разыскать ни крова, ни пищи. Замерзавшие беженцы, кто поздоровее, выходили из вагонов и беспорядочными толпами шли на восток, шли, пока были сильны, а раненые, больные, матери с детьми беспомощно оставались замерзать» [4, с. 424].

Далее Котомкин приводит материалы из газеты «Дело России, №14 за 1920 год: «...Главными, если не единственными виновниками всего этого не передаваемого словами ужаса были чехи. Вместо того, чтобы спокойно оста-

ваться на своём посту и пропустить эшелоны с беженцами и санитарные поезда, чехи силою стали отбирать у них паровозы, согнали все целые паровозы на свои участки и задерживали все, следовавшие на запад. Благодаря такому самоуправству чехов весь западный участок железной дороги сразу же был поставлен в безвыходное положение. Более пятидесяти процентов имеющегося в руках чехов подвижного состава было занято под запасы и товары, правдами и неправдами приобретённые ими на Урале, Волге и в Сибири. Тысячи русских граждан, женщин и детей были обречены на гибель ради этого проклятого имущества чехов» [4, с. 424].

Всё это действительно происходило так, но вряд ли чехи были главными виновниками ужаса происходившей сибирской катастрофы. Есть много свидетельств желания японцев оказать необходимую поддержку войскам и администрации Колчака и Семёнова. Правда, не стоит верить в альтруизм японского командования, как иногда преподносится, свой интерес Японская империя, несомненно, блюла, но, тем не менее, заявленные обязательства японскими войсками выполнялись.

Вот ещё из воспоминаний Филатьева о выдаче Колчака чехословаками Политцентру: «...Присутствовавшие на вокзале японцы молчаливо наблюдали сцену передачи адмирала, но, по словам японского полковника Фукуды, когда передача уже состоялась, он, Фукуда, разыскал Сырового и предложил ему в тот же день, 15 января, взять на себя перевозку адмирала, если чехи извлекут его из тюрьмы. Сыровой отказался...» [5, с. 460–461].

Вряд ли серьёзно стоит принимать такие заявления, что якобы японские войска бежали из Забайкалья, а потом и Приамурья и Приморья под неудержимым натиском Красной армии. Регулярная Японская Императорская армия намного превосходила молодую Красную армию образца 1920–22 годов по всем параметрам, и красные просто боялись вступать с ней в прямые боестолкновения, борьба велась только силами партизанских отрядов.

Вот что пишет о судьбе прорвавшейся в Забайкалье кашпелевской группировки тот же Филатьев: «В Забайкалье собралось около 12 тысяч человек, не считая жён и детей. Это всё, что осталось от когда-то хоть и не грозной, но многочисленной 800-тысячной армии (численность белогвардейских формирований, подчинённых Колчаку, завышена автором в два раза – С. З.), без славы, без почестей и без ратных подвигов. Попытки возродить армию кончились ничем. Мы продержались в Забайкалье ровно до тех пор, пока там оставались японцы, которых красные не осмеливались атаковать. Как только ушли японцы, так и наши войска

отступили в Маньчжурию, были там разоружены китайцами и невооружёнными перевезены в Приморскую область» [4, с. 466].

Пассивность японской армии объясняется просто. Ещё в декабре 1917 года Антанта провела совещание по разграничению сфер влияния в России и о контакте с антисоветскими правительствами [7]. Активность сия объясняется просто – Советская Россия демонстративно прекратила военные действия и распустила старую армию. Вследствие этого: «18 февраля 1918 года Верховный совет Антанты принял решение об оккупации японскими войсками Владивостока и Харбина, а также зоны КВЖД. Однако США, опасавшиеся чрезмерного усиления Японии в северо-западной части Тихого океана, потребовали от неё обязательства не предпринимать широких операций без ведома и согласия Антанты, а также вывести свои войска после достижения целей интервенции. 16 марта японское правительство дало такие заверения» [там же]. К 1919 году ситуация, в связи с поражением Германии и её союзников, резко изменилась. Весьма заманчиво стало обескровить Россию гражданской войной, постараться, чтобы победа в ней досталась некомпетентной партии большевиков, в расчёте превращения остатков Российской империи в третьеразрядную державу. То, что в результате получилось не так, как рассчитывали союзники по Антанте, – это уже другая, не менее интересная тема для исследований.

С. Н. ЗИНЧЕНКО, г. Томск
Член редколлегии журнала
«Казачи за Камнем»

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Атаман Семёнов. О себе. М.:2002.– 378с; с. 303–311.
2. Великий Сибирский Ледяной поход. М.: ЗАО Центрополиграф, 2004. – 718 с.
3. Елисеев Ф. И. Побег из красной России. М.: ЗАО Центрополиграф, 2006. – 543 с.
4. Котомкин А. О чехословацких легионерах в Сибири // Великий Сибирский Ледяной поход. М.: ЗАО Центрополиграф, 2004. – 718 с.
5. Филатьев Д. Катастрофа белого движения в Сибири // Великий Сибирский Ледяной поход. М.: ЗАО Центрополиграф, 2004. – 718 с.
6. <http://voprosik.net/sekretnyedogovorennosti-nikolaya-ii-i-soyuznikov/> дата обращения: (12.03.2017)
7. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Японское участие в Сибирской интервенции](https://ru.wikipedia.org/wiki/Японское_участие_в_Сибирской_интервенции) (дата обращения: 06.01.2017)

90 ЛЕТ НАЗАД ТУНГУСЫ И ЯКУТЫ ОБРАТИЛИСЬ В ЛИГУ НАЦИЙ С ПРОСЬБОЙ СПАСТИ ИХ ОТ КОММУНИЗМА

П. Г. Карамзин, командир тунгусских отрядов (второй слева в верхнем ряду)

Почти 100 лет назад, 13 февраля 1925 года, состоялось забытое историческое событие – крупное сражение тунгусских повстанцев с советской властью. Вооружённое выступление коренных народов Севера под руководством якута Михаила Артемьева и тунгуса Павла Карамзина вошло в историю как «Тунгусское восстание» и охватило на протяжении 1924–1927 гг. всё Охотское побережье и восточные районы Якутии.

Основной причиной считается отделение Охотского края от Якутии в апреле 1922 г. с передачей в состав Приморской и Камчатской областей. На Охотском побережье местное ОГПУ терроризировало местное население, заставляя платить непомерные налоги, беззастенчиво обирая буквально за всё: за дичь, оружие, дрова, собак, ободранную кору деревьев и т. д. Дело дошло до того, что с них стали брать старые долги, установленные белогвардейцами в 1919–1923 гг.

Представители советской власти не знали языка тунгусов, быта, нравов. Отсутствовали национальные школы, не было ни одного аборигена в составе государственных учреждений.

В мае 1924 г. восставшие под руководством М. К. Артемьева заняли населённый пункт Нелькан. 6 июня мятежники численностью 60 человек после восемнадцатичасового боя захватили порт Аян. Во время боя были убиты начальник ОГПУ Суворов и три красноармейца, а сдавшийся гарнизон был освобождён тунгусами и отправлен в Якутию.

В Нелькане был созван съезд аяно-нельканских, охотско-аянских и маймаканских тунгусов и якутов. На нём избрали Временное Центральное Тунгусское Национальное Управление, которое решило отделиться от Советской России и образовать самостоятельное государство. М. К. Артемьева выбрали начальником штаба

вооружённых отрядов, а начальником всех отрядов тунгуса П. Карамзина.

14 июля 1924 г. в Аяне состоялся Всетунгусский съезд Охотского побережья с прилегающими к нему районами, объявивший о независимости тунгусского народа и о неприкосновенности его территории с морскими, лесными, горными богатствами и ресурсами. Лидеры движения разных национальностей М. Артемьев, П. Карамзин, С. Канин, И. Кошелев, Г. Фёдоров и другие, всего 10 человек, составили Обращение к мировому сообществу. В нём речь шла о том, что остальные «во всех отношениях от мирового прогресса науки и техники» тунгусы обращаются к иностранным государствам и к Лиге наций, «как к могучим защитникам мелких национальностей в мировом масштабе» по вопросу спасения их от «общего врага мирового национализма – русского коммунизма».

Мятежники создали атрибутику своего национально-территориального образования.

Флаг Тунгусской республики

Приняли трёхцветный флаг «Тунгусской республики»: белый цвет символизировал сибирский снег, зелёный – лес, тайгу, чёрный – землю. Был принят также свой гимн. «Таким образом, это движение не являлось уголовным, поскольку её лидеры представляли собой политических оппозиционеров, сплотившихся вокруг конкретных общественно-политических идей. Руководство мятежников было хорошо знакомо с законодательными и философскими источниками.

Об этом свидетельствуют их требования о национальном самоопределении, правах личности, правах малочисленных этносов, создании самостоятельного национально-территориального образования и т. д. Причиной недовольства восставших являлось неравенство прав больших и малых народов при создании национально-территориальной федерации.

Тунгусы, оказавшись под властью уполномоченного В. А. Абрамова, на себе испытали политику террора эпохи «военного коммунизма». Кроме политических, повстанцами были выдвинуты требования экономическо-

го и культурного характера. Например, они предложили восстановить старинные тракты: Якутск – Охотск, Нелькан – Аян и Нелькан – Усть-Мая. То есть они стремились к установлению прежних экономических связей с Якутией. Кроме того, был разработан комплекс мер по хозяйственному и культурному развитию зоны Охотского побережья.

Временное Центральное Тунгусское Национальное Управление предупредило ЦИК СССР о том, что: «В случае высадки военных частей советских войск на наших берегах Охотского моря и вторжения через границы соседних нам республик Даль Востока и Якутской автономии, мы, тунгусская нация, как поголовно восставшая из-за нетерпимой политики большевиков, должны будем оказать вооружённое сопротивление как доказательство нашего глубокого возмущения, и будем уверенными, что за могучие быть жертвы вся ответственность за пролитую безвинную кровь перед историей и общественным мнением падёт на вас как на высший орган Советской власти, допустившей насилие». Следовательно, участники движения вовсе не желали кровопролития и хотели решить назревший конфликт с помощью мирных переговоров. Об этом также свидетельствуют факты освобождения пленённых красноармейцев и советских служащих».

Непосредственным поводом к восстанию послужил расстрел в сентябре 1924 г. отрядом Охотского ОГПУ в районе селения Улья трёх русских рыбаков, двух тунгусов и одного якута. В ответ повсюду начали организовываться вооружённые отряды самообороны. Как пишут исследователи, «...Группировка М. К. Артемьева без боя овладела расположенным в 315 км от Якутска селом Петропавловск Усть-Майского района. Активизировались очаги повстанчества на Севере Якутской АССР: Оймяконском, Верхоянском, Абыйском (Эльгетском) и других улусах. 31 декабря 1924 г. восставшие захватили населённый пункт Арка, а затем – Новое Устье, находящееся в 7 км от Охотска. К Нелькану устремилась группировка повстанцев под командованием Г. Рахматуллина-Боссоойки. Отряд Михайлова числом 40 человек отправился в Восточно-Кангаласский улус, читая на сельских сходах обращения к народу на якутском и русском языках.

Мятежники конфисковали товары Нельканского отделения фирмы «Гудзон бей» и назначили заведующим военно-гражданским складом Ю. Галибарова. На Новом Устье им досталось до 10 тыс. пудов продовольствия стоимостью в 100 000 руб., в Оймяконе – разных товаров на сумму около 25 тыс. руб., в Абые – пушнина на 25 тыс. руб. В захваченных местностях в руках повстанцев оказались магазины и склады Якутпушнины, кооператива «Холбос», других хозяйственных и торговых организаций». По всей Якутии начались бои.

10 августа в г. Охотске открылся съезд тунгусов Охотского побережья, на котором присутствовали представители 21 тунгусского рода и трёх якутских районов. Они приняли постановление о торговле, охотничьем и рыбном промыслах, здравоохранении, народном образовании. Было обращено особое внимание на организацию родовых Советов. Тунгусский съезд через мирную делегацию представил в ЦИК Якутии требования об: 1) отделении Охотского побережья от Дальнего Востока и присоединении к Якутии; 2) предоставлении права тунгусам самим разрешать политические, экономические и культурные вопросы; 3) устранении от власти коммунистов, проводивших политику террора.

В целях борьбы с повстанцами была созвана III Чрезвычайная сессия Якутской ЦИК. На ней секретарём обкома Байкаловым К. К. повстанцы были названы бандитами, а их руководители – «одурманенными иллюзией элементами». Сталин отправил инструкцию Байкалову, возглавлявшему операцию по «ликвидации тунгусского повстанчества», в которой говорилось: «ЦК находит целесообразным мирную ликвидацию восстания, применяя военные силы лишь в том случае, если это будет диктоваться необходимостью...».

В мае 1925 г. в ходе мирных переговоров стороны сумели найти общий язык. М. К. Артемьев убедился в том, что во главе Якутской АССР стоят не те коммунисты, которые проводили политику террора; в республике осуществляется национальное возрождение, и вопрос о присоединении Тунгусии к Якутской АССР находится на стадии обсуждения. В результате успешных переговоров 9 мая было заключено мирное соглашение и отряд М. К. Артемьева «единогласно решил сложить оружие». 18 июля отряд П. Карамзина в местности Медвежья голова, находящейся в 50 км от Охотска, присоединился к мирной сдаче. Всего сложили оружие 484 повстанца из отряда М. К. Артемьева и 35 мятежников группы П. Карамзина. Считая, что основная цель «военной демонстрации» – пропаганда политической программы партии достигнута, и одновременно осознавая пассивность основной массы населения, П. Ксенофонтов сдался властям и был арестован в квартире К. Байкалова, поверив в данное коммунистами слово об амнистии.

25 августа 1925 г. Главное Тунгусское Национальное Управление посредством акта выразило пожелание о том, чтобы национальное самоопределение тунгусского народа было закреплено решениями, вынесенными ВЦИКом СССР, Советом Национальностей Верховного Совета СССР и ЦИКом РСФСР. Принятие такого постановления позволило бы прекратить дробление единого тунгусского этноса между различными административными образованиями, такими, как Якутская АССР, Приморская и Камчатская области.

Своё раздробленное состояние они рассматривали как «продукт монархической политики». Основной целью участников движения являлось объединение тунгусского народа и вхождение его в качестве самостоятельной национальной единицы в состав автономной Якутии.

Однако центр, и особенно органы ОГПУ-НКВД, не разделяли подобных взглядов и постоянно подозревали якутов и тунгусов в «японофильстве». В 1925 г. М. К. Аммосов с тревогой сообщал в Якутск своим друзьям, что «в недрах ЦК (Сталин и другие) относятся крайне недоверчиво к нам, относя нас к категории коммунистов, перерождающихся в буржуазных революционеров».

Дальнейшая судьба повстанцев трагична – спустя некоторое время, начиная с 1927 г. и вплоть до начала II Мировой войны они подвергались репрессиям, были расстреляны 128 человек, 130 получили различные тюремные сроки, из них часть не была связана с восстанием. Среди репрессированных были видные представители интеллигенции, ничего не знавшие о восстании или даже осуждавшие его. Бюро Якутского обкома ВКП(б) постановило ликвидировать культурно-просветительное общество «Саха омук», несмотря на то, что его члены активно боролись против повстанческих отрядов П. Ксенофонтова и М. Артемьева. Постановлением ЦК ВКП(б) «О положении в Якутской организации ВКП(б)», опубликованном в 1928 г. в газете «Правда» за подписью В. Молотова, сняты с постов видные партийные и советские работники Якутии.

Центральный Комитет обязал Якутский обком «в ближайшие 1-2 года завершить подготовку к проведению земельной реформы в интересах бедноты и национальных меньшинств, использовать кредиты и бюджетные ассигнования для помощи бедноте и батрачеству, а главное, на кооперирование крестьянства в соответствии с директивами XV съезда партии, провести очистку советских, кооперативных, торгово-хозяйственных органов от классово чуждых элементов, в частности всех, так или иначе связанных с событиями 1927 года, усилить политическую работу партии и Советов в улусах, особенно по вовлечению бедноты в состав советских, кооперативных органов, добиваться полного устранения из этих органов кулачества, готовить и выдвигать в низовые и областные органы новые кадры из бедноты и батрачества».

Биография Павла Гавриловича Карамзина до момента участия в повстанческом движении и после неизвестна. Из немногих исторических документов известно о том, что Павел Карамзин происходил из эвенкийского княжеского рода, предположительно из Аяно-Майского района Хабаровского края.

Автор: АРД

<http://babr24.com/irk/?IDE=156063>

ВОСПОМИНАНИЯ СОРАТНИКОВ И ПРОТИВНИКОВ ЧАПАЕВА О ЛЕГЕНДАРНОМ КОМДИВЕ

Роман Дмитрия Фурманова и фильм братьев Васильевых посмертно сделали Василия Чапаева главным народным героем Гражданской войны. Смекалистый командир, вышедший из низов, беспрекословный авторитет для подчинённых, трагически погибший военачальник – эти черты способствовали грандиозному успеху чапаевского мифа (Сталин посмотрел фильм как минимум 16 раз).

Василий Иванович Чапаев

Образ этот не был и не мог быть полным. В воспоминаниях свидетелей боевого пути Чапаева его фигура представляется сложнее и противоречивее.

«Первое впечатление о своём герое: «Передо мною предстал типичный фельдфебель, с длинными усами, жидкими, прилипшими ко лбу волосами; глаза иссиня-голубые, понимающие, взгляд решительный. Росту он среднего, одет по-комиссарски, френч и синие брюки, на ногах прекрасные оленьи сапоги. Перетолковав обо всём и напившись чаю, отправились в штаб. Там он дал Ан드로сову много ценных указаний и детально доработал план завтрашнего выступления. То ли у него быстрая мысль, то ли навык имеется хороший, но он ориентируется весьма быстро и соображает моментально. Всё время водит циркулем по карте, вымеривает, взвешивает, на слово не верит. Го-

ворит уверенно, перебивая, останавливая, всегда договаривая свою мысль до конца. Противоречия не терпит. Обращение простое, а с красноармейцами даже грубоватое... Я подметил в нём охоту побахвалиться. Себя он ценит высоко, знает, что слава о нём гремит тут по всему краю, и эту славу он приемлет как должное. С товарищами я лажу, они меня знают и любят...»

**Дмитрий Фурманов,
автор романа «Чапаев»**

«Он, разумеется, сознаёт и свою невоспитанность и необразованность, свою малую развитость и невежественность. Всё хорошо видит, скорбит душой и стремится страстно перевоспитаться и скорее, как можно скорее научиться всяким наукам. Ему хочется ознакомиться с русским языком, ознакомиться с математикой и т. д. Мы договорились, что в свободное время я буду с ним заниматься, буду направлять по возможности его самообразовательную работу...»

Михаил Фрунзе

«Помню первую встречу Чапаева с М. В. [Фрунзе]. О Чапаеве у нас были самые разноречивые сведения... Наряду с сообщением, что одно имя Чапаева наводило панику на врага, наряду с рассказами о его безоговорочном авторитете в подчинённых красноармейских частях, о чудесах беспримерной храбрости, – были сообщения и о самодурстве. Но, в общем, было несомненно, что, во всяком случае, дело иметь придётся с человеком незаурядным. Как же он выглядит?»

Помню человека с наружностью фельдфебеля старой армии, валеные сапоги, баишлык... В кабинет вошёл, как-то виновато улыбаясь...

М. В. после первых же вопросов о прежней работе, о Москве, сразу, «без обиняков» начал спрашивать: «А правда ли говорят, что вы..?». И Чапаев просто, с не оставлявшей сомнения откровенностью отвечал: «Было дело». «Тут подурил малость». «Ну, а это зря болтают»...

А через час М. В. до слёз смеялся над рассказом Чапаева, как он держал вступительный экзамен в Военную академию.

– Реку Рейн знаете? Где она протекает?

– Знаю, говорю, где-то там у немцев, а пёс её знает, где она там течёт. Думаю, дай-ка и я тебя подшибу... Говорю: а ты знаешь, где река N течёт? Нет, говорит. Как же, говорю, про чужую реку спрашиваешь, а своих рек не знаешь?! А ведь на ней моя деревня стоит!».

**С. А. Сиротинский,
адъютант Фрунзе**

«Штаб Чапаева располагался не без удобств и приятно препровождения времени: в числе пленных – или трофеев – оказалось большое число машинисток и стенографисток. Очевидно, в красных штабах много пишут...».

**Михаил Изергин,
военачальник Белого движения,
в результате рейда которого погиб Чапаев.**

«...Военную историю преподавал нам старый царский генерал А. А. Свечин. Предмет свой он знал, конечно, безукоризненно, учил нас хорошо. Это был один из тех военных специалистов, кто трезво оценил обстановку в России. Но у него имелся, как говорят, один «пунктик». Каждый раз, когда речь заходила о каком-нибудь историческом событии, связанном с революционным выступлением масс, он неизменно именвал действия народа «разбойными акциями». А Парижскую коммуны именовал «скопищем бандитов». Мы, все сто двадцать «красных» академистов, каждый раз устраивали Свечину обструкцию. Особенно зол был на него Чапаев.

И вот однажды на занятиях Свечин предлагает Василию Ивановичу рассказать, как он усвоил лекцию о знаменитом сражении под Каннами, где войска Ганнибала наголову разгромили чуть ли не вдвое превосходящие их по численности римские войска, показали классический образец окружения противника и уничтожения его по частям. Между прочим, Свечин, читая лекцию об этом эпизоде из Второй Пунической войны, восхищался действиями предводителя карфагенской конницы Гасдрубала, которая во многом определила исход сражения. Чапаев начал излагать свою точку зрения с того, что назвал римлян слепыми котятками. Тем самым он развенчал кумира Свечина, и тот не мог удержаться от ядовитого замечания:

– Вероятно, товарищ Чапаев, если бы римской конницей командовали вы, то предмет сегодняшней лекции назывался бы «Разгром Ганнибала римлянами».

Василий Иванович вспыхнул:

– Мы уже показали таким, как вы, генералам, как надо воевать!

Чапаев в центре с командирами своей дивизии

Он имел в виду знаменитый рейд своих отрядов летом восемнадцатого года. Попав под Уральском в мешок между белочешскими и белоказацкими частями, Чапаев предпринял дерзкий бросок назад, на занятый противником Николаевск, взял город и тем самым не дал соединиться двум крупным вражеским группировкам. Эта операция была для нас образцом руководства боевыми действиями. Но для маститого стратега Свечина рейд Чапаева был неслыханным попранием классического военного искусства. Одним словом, скандал разыгрался по всем правилам. Чапаев хлопнул дверью».

Иван Тюленев

«Он по-детски верил слухам, всяким верил – и серьёзным, и пустым, и чистейшему вздору. Верил тому, что в Самаре на паёк выдают по десять фунтов махорки, а вот на фронте и осьмишники нет. Верил, что в штабе фронта или армии идёт день и ночь сплошное и поголовнейшее пьянство, что там одни спецы-белогвардейцы и что они ежесекундно нас предадут врагу. Верил, что тиф разносят птицы, верил, что сахар растёт чуть ли не целыми головами... Он был доверчив, как малое дитя. Оттого и сам много страдал, но перемениться не мог. Только одному он не верил никогда: не верил тому, что у врага много сил, что врага нельзя сломить и обернуть в бегство».

Дмитрий Фурманов

«Война – она никому не в радость. А чтобы мы беляков разбили и чтобы война поскорее закончилась, вы тоже не сидите сложа руки. Помогайте Красной армии, у себя на месте укрепляйте Советскую власть».

Василий Чапаев

Источники: П. А. Чапаев и В. О. Чапаев

<http://back-in-ussr.com/2018/09/vospominaniya-soratnikov-i-p...> http://myhistori.ru/blog/43731762475/Vospominaniya-soratnikov-i-protivnikov-CHapayeva-o-legendarnom-k?utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1

ГЛАВНЫЕ «ИУДЫ» ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Белогвардейское офицерство рассматривало службу бывших офицеров Российской императорской армии большевикам как измену, которая может быть искуплена лишь переходом на сторону белых. Однако семьи таких перебежчиков большевики объявили заложниками, которым грозила угроза расстрела при очередной кампании красного террора. Всё-таки некоторые генералы и высшие офицеры, вначале служившие красным, перебежали в ходе Гражданской войны к противнику. У тех же, кто с самого начала выбрал службу у белых, предателей высокого ранга в ходе самой войны не нашлось.

ВАЖНЕЙШИЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КРАСНЫХ

Из 18 руководителей высокого ранга, назначенных на командные и штабные должности в РККА в 1918 году, шестеро сбежали к противнику, при этом лишь трое – напрямую к белым. Это Анатолий Носович, Николай Ливенцев, Владимир Нотбек. Генерал-майор Ливенцев в 1919 году каким-то образом оказался в расположении белоказачьей Донской армии, состоял в резерве чинов Вооружённых сил на юге России, в 1920 году его следы теряются. Генерал-лейтенант Владимир Нотбек был весной 1918 года назначен руководителем Приволжского военного округа РСФСР в Самаре. При захвате города белочехами 8 июня 1918 года остался в Самаре и вступил в антибольшевистскую Народную армию простым пехотинцем. В дальнейшем получил высокие назначения в тылу у Колчака, погиб при невыясненных обстоятельствах уже после прихода большевиков в Сибирь в 1920 или 1921 году.

Самым громким оказалось предательство полковника Носовича, находившегося в распоряжении командующего Южным большевистским фронтом бывшего генерал-майора Павла Сытина. 11 октября 1918 года в районе станции Лиски в Воронежской губернии Носович сбежал к белогвардейцам прямо в автомобиле, в котором совершал инспекционную поездку. При этом он прихватил с собой секретные документы, которые немало помогли белому командованию. Правда, у Краснова, Деникина и Врангеля Носович потом отсиживался в резерве или занимался «контрразведывательной» деятельностью.

С конца 1918 года случаи измен со стороны

военспецов участились. Через месяц после бегства Носовича, 10 ноября, на том же Южном фронте перебежал к донским казакам подполковник Василий Вдовьев-Кабардинцев, начальник штаба 8-й армии. 21 марта 1919 года к Деникину сбежал ещё один начальник штаба той же армии, генерал-майор Владимир Желтышев. Пост начальника штаба 8-й армии оказался вообще каким-то несчастлив для большевиков, так как в августе 1919 года занимавший эту должность бывший полковник Александр Нечволодов тоже ушёл через линию фронта к противнику.

Южный фронт постоянно подвергался сильным ударам со стороны белых. 15 июня 1919 года, когда фронт буквально трещал по швам, к деникинцам перебежал командующий 9-й советской армией, бывший полковник Николай Всеволодов. Интересно, что командармом он был назначен всего за девять дней до этого. Генерал-лейтенант Вячеслав Борисов, известный военный теоретик, назначенный в Академию Главного штаба РККА, летом 1919 года

уехал в кратковременный отпуск из Москвы в Киев, контролировавшийся тогда большевиками. Назад он уже не вернулся, а после захвата Киева белыми в конце августа 1919 года оказался уже в резерве чинов деникинской армии.

Полковник Владимир Люндеквист занимал должность начальника штаба 7-й армии, оборонявшей Петроград. Ещё летом 1919 года он вступил в сговор с подпольным «Национальным центром», готовившим восстание в Петрограде в момент подхода к нему войск Юденича. Однако Люндеквист медлил с выступлением, ожидая, когда белогвардейцы подойдут ещё ближе к городу, и упустил момент их наивысших успехов. Разоблачён он был спустя лишь месяц, арестован и расстрелян.

ВАЖНЕЙШИЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БЕЛЫХ

В ноябре 1918 года генерал Деникин, главнокомандующий белыми армиями на юге России, издал приказ, согласно которому служба офицеров у большевиков расценивалась как предательство: «Всех, кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждёт проклятие народное и полевой суд Русской армии – суровый и беспощадный».

13 октября 1919 года в бою под Орлом к деникинцам перешёл начальник штаба 55-й стрелковой дивизии подполковник Антон Лауниц. Следствием измены стал захват в плен всего командования дивизии. Раненым попал в плен и начальник дивизии, генерал-майор Антон Станкевич. Белые предложили ему вступить в ряды своей армии, но он отказался. В полном соответствии с буквой приказа Деникина белогвардейцы устроили суд, приговоривший Станкевича к повешению. Смотреть на его казнь согнали местных жителей.

Таковыми же предателями для белых были, очевидно, и более известные генералы русской армии: Алексей Брусилов, профессор Академии Генштаба Николай Данилов, командующий Южным фронтом против Деникина Владимир Егорьев, бывший главком Юго-Западного фронта Первой мировой Алексей Гутор, бывший царский военный министр Алексей Поливанов и многие другие.

Уже после окончания Гражданской войны своим предательством товарищей, оставшихся в эмиграции, «прославился» генерал-лейтенант Яков Слащёв. Зимой 1919/20 г. он со сравнительно небольшой группой войск сумел отразить попытку красных прорваться в Крым через Перекопский перешеек. Действия Слащёва позволили белым закрепиться в Крыму ещё почти на год. Слащёв стал популярным героем

и, с позволения Врангеля, прибавил к своей фамилии почётное наименование Крымский.

Врангель охарактеризовал Слащёва в своих воспоминаниях как психически неуравновешенного, неадекватного человека, вдобавок кокаиниста. Следует иметь в виду, что Врангель писал это уже после возвращения Слащёва в советскую Россию, а обезболивающие средства генерал принимал из-за последствий сильного ранения в живот.

В конце 1921 года Слащёв поддался советской пропаганде и по амнистии возвратился в Россию. Измена Слащёва наделала много шума в белоэмигрантских кругах. Поначалу его деятельность складывалась удачно, его назначили преподавать тактику в школу командного состава РККА. Однако прежняя жизнь роковым образом его настигла.

Среди слушателей оказался Лазарь Коленберг, родной брат человека, расстрелянного в 1919 году по приказу Слащёва по подозрению в сочувствии большевикам. В январе 1929 года Коленберг застрелил Слащёва на его квартире по соображениям личной мести (как он сам заявил следствию). Надо заметить, что Слащёв был действительно очень скор на расправу, жесток, и выведенный Михаилом Булгаковым в пьесе «Бег» генерал Хлудов был списан как раз со Слащёва. При Деникине и Врангеле он успел «прославиться» своими жестокостями, и можно лишь удивляться, что никто из большевиков не попытался свести с ним счёты раньше.

В целом же немногочисленные измены лиц руководящего состава РККА не оказали влияния на ход Гражданской войны. А среди белых изменников вообще не нашлось, если не считать таковой поступок Слащёва уже после войны. Хотя, по мнению белых, им изменили вообще все те, кто помог большевикам создать сильную Красную армию.

http://russian7.ru/post/glavnye-iudy-grazhdanskoy-voyny-v-ro/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

ПОЧЕМУ ЦАРСКИЙ ГЕНЕРАЛ БРУСИЛОВ НЕ ПРИМКНУЛ К БЕЛЫМ

Не было в России более популярного военачальника Первой мировой войны, чем генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов. Когда началась Гражданская война, то вожди Белого движения очень хотели, чтобы он примкнул к ним и придал своим именем больше популярности их делу. Однако Брусилов не предпринял попыток уехать на Дон, где формировалась белогвардейская Добровольческая армия. Более того, в 1920 году он поступил на службу в Красную армию – сначала советником, а затем и на другие должности.

За свою позицию во время Гражданской войны генерал Брусилов удостоился весьма не лестных отзывов со стороны своих старых соратников по Российской императорской армии, ставших вождями Белого движения. В «Очерках Русской Смуты» генерал А. И. Деникин писал, что в ноябре 1917 года на Дон приехал посланец от Брусилова и привёз от него письмо,

в котором тот отдавал себя в распоряжение Добровольческой армии и просил инструкции для работы в Москве. Однако вскоре Брусилов якобы круто поменял позицию и начал призывать офицеров не помогать ни в чём Белому движению. «Вероятно, нет более тяжёлого греха у старого полководца, потерявшего в тисках большевицкого застенка свою честь и достоинство, чем тот, который он взял на свою душу, давая словом и примером оправдание сбившемуся офицерству, поступавшему на службу к врагам русского народа».

Так что в конце 1917 года, после Октябрьского переворота, произошло с Брусиловым на самом деле?

БРУСИЛОВ В 1917–1918 ГГ.

В мае 1917 года Временное правительство назначило Брусилова Верховным главнокомандующим, однако спустя два месяца отправило его в отставку. Пожилой (64 года) и больной Брусилов проживал в Москве, во время октябрьских уличных боёв был случайно ранен довольно тяжело, перенёс операцию. Ирония судьбы: Брусилов ни разу не был задет ни вражеской пулей, ни осколком снаряда, когда командовал на фронте, а разрыв гранаты, направленной рукою соотечественника, едва не сразил прославленного русского полководца.

В любом случае, зимой 1917/18 года и даже много позже Брусилов никуда не мог поехать из Москвы из-за ранения и его последствий. Про то, что он присылал на Дон к организатору Добровольческой армии генералу М. В. Алексееву какого-то эмиссара, Брусилов ничего не упомянул в своих мемуарах, предназначенных к публикации только после его смерти. А в августе 1918 года его арестовали. В тюрьме его навещил Дзержинский. По словам Брусилова, он предлагал тому свободу, если тот напишет воспоминания, где будет ругать царскую семью и царский режим, но Брусилов наотрез отказался писать что-либо, находясь в заключении.

По мнению Брусилова, решающую роль в его освобождении сыграли ходатайства бывших офицеров С. С. Каменева и П. П. Лебедева, занимавших видные должности в РККА, а особенно письмо жены Брусилова к генералу В. Д. Бонч-Бруевичу, одному из советников

Красной армии, брату управляющему делами Совнаркома. Освободил Брусилова из тюрьмы лично заместитель Дзержинского, кровавый палач Я. Х. Петерс. Было это уже в сентябре 1918 года.

Брусилов был переведён под домашний арест и в таком положении, естественно, был лишён свободы передвижения и каких-либо политических действий. Он пишет, что сочувствовал Белому движению, хотя совершенно не верил в его успех. Отрицательное отношение вызывали у него, по-видимому, сами вожди Белого движения, их политическая непримиримость, их несдержанность в упоминании имён оставшихся на советской территории, в результате чего, по его словам, было погублено «много нужных России людей».

На обвинения в пассивности и конформизме Брусилов отвечал: «История по репортёрским статьям не пишется. Не зная ни причин, ни мотивов, ни обстановки, нельзя ему [Деникину] было бросать камни в меня, да и во многих тех, кто остался в России, как это делали многие эмигранты. Они все упускали из виду, что обстановка и взгляды могут быть иные, а страдание за Россию – одно». Надо заметить, что и патриарх Тихон, избранный в ноябре 1917 года, бывший, кстати, знакомым Брусилова, отказался благословлять Белое движение, несмотря на все просьбы.

БРУСИЛОВ ВО ВРЕМЯ ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ РККА И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

Брусилов не подтверждает, что в 1918–1919 гг. от него исходили какие-то призывы к бывшим офицерам переходить на службу в Красную армию. Только в мае 1920 года он подписал, причём совершенно искренне, воззвание, в котором царские офицеры призывались помочь советской России в борьбе против Польши, пытавшейся захватить Украину и Белоруссию.

В те дни большевики решили поставить авторитет старого генералитета на службу в борьбе с внешним врагом. Они созвали Особое совещание «по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции». Брусилов согласился быть председателем совещания. Его подпись, как и ряда других царских генералов, стояла под призывом к офицерам «идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию, на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской рабоче-крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть».

В сентябре 1920 года Брусилов подписал воззвание к офицерам белогвардейской армии Врангеля сдаваться в плен, с обещанием полной амнистии. Об этом случае он в своих мемуарах не упоминает. Видимо, было стыдно. Ведь, как известно, несколько десятков тысяч офицеров, поверивших в советскую амнистию, были в Крыму большевиками расстреляны.

Диктуя на лечении в Карловых Варах в 1925 году свои мемуары жене, Брусилов переосмыслил свою позицию в 1920 году. «Я хочу, чтобы знали, что теперь... я увидел свою ошибку, я понял, что происходит в России. Если бы я знал, что большевики укрепятся, будут преследовать религию, объявят атеизм своей официальной религией... то, конечно, я не стал бы мешать полякам, а напротив, помог бы этому христианскому народу, в чём только смог бы!»

НЕПРИЕМЛЕМОСТЬ АКТИВНОЙ БОРЬБЫ И ЭМИГРАЦИИ

Когда Брусилов был искренен? Думается, что в обоих случаях. Остаётся только недоумевать, как это он не разглядел сущности большевистского режима до 1920 года. Вероятно, отчасти прав Деникин, и существенная доля конформизма во всех изгибах позиции Брусилова во время Гражданской войны присутствовала. Но прав также и Брусилов, когда оправдывается тем, что нельзя ко всем людям, на которых обрушилась Гражданская война, подходить с одинаковой меркой, без учёта многих личных обстоятельств. В конце концов, нельзя было требовать слишком большой энергии и личного мужества от престарелого и больного генерала, к тому же и так уже отдавшего много сил для Родины.

И, безусловно, заслуживает понимания позиция, которую Брусилов изложил в конце первого тома своих воспоминаний и которую реализовал до конца: «Считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним, чего бы этого ни стоило... Ведь такую великую и тяжёлую революцию, какую Россия должна была пережить, не каждый народ переживает. Это тяжело, конечно, но иначе я поступить не мог, хотя бы это стоило жизни. Скитаться же за границей в роли эмигранта не считал и не считаю для себя достойным и возможным».

Ярослав БУТАКОВ

<https://cyrillitsa.ru/history/62901-pochemu-carskiy-general-brusilov-ne-pr.html>

История

ИРКУТСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Иркутский кадетский корпус – военная гимназия в г. Иркутске (1913–1920). Иркутский кадетский корпус был последним начальным военно-учебным заведением, образованным по указу Николая II. Был временно расквартирован на ул. Шелашниковской (ныне Октябрьской Революции).

ИРКУТСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС: ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Корпус был образован в 1913 на базе подготовительной школы сибирского кадетского корпуса.

В 1888 на Шелашниковской улице была открыта подготовительная школа кадетского корпуса с четырёхлетним сроком обучения и штатом в 100 воспитанников. Воспитанники по завершении первого учебного курса отправлялись для дальнейшей учёбы в Сибирский (Омский) кадетский корпус. Окончив его, кадеты возвращались в Иркутск и продолжали учиться уже в местном юнкерском училище.

Из-за явного неудобства переездов и перепоступлений военное ведомство несколько раз обращалось в городскую думу с просьбой «от-

вести землю под постройку зданий Иркутского кадетского корпуса». 27 июня 1910 года, после долгого обсуждения этого прошения, Иркутская дума постановила:

«...отвести бесплатно военному ведомству под постройку кадетского корпуса из свободных запасов городских земель на правом берегу р. Ангары, вблизи р. Ушаковки участок размером не свыше 16 десятин на условиях: все расходы по совершению дарственной записи на отводимый по сему постановлению участок городской земли относятся на счёт военного ведомства».

ГУВУЗом ассигновано на строительство Иркутского кадетского корпуса 2 163 000 золотых рублей. Строительные работы начались годом позже. Строительство и окончательное формирование корпуса планировалось на 1920 год, тогда учебное заведение и должно было получить свой военный городок и своё знамя.

4 августа 1913 Высочайшим повелением Императора Николая II Иркутская подготовительная школа Омского кадетского корпуса

преобразована в Иркутский кадетский корпус. Государь Император Николай II уделял особое внимание воспитанию военной молодёжи. В его царствование было открыто 9 кадетских корпусов, существенно улучшилось содержание и образовательный уровень кадет.

1 сентября 1913 состоялось торжественное открытие Иркутского кадетского корпуса в присутствии православного духовенства, командования Иркутского военного округа, членов городской Думы и общественности г. Иркутска. Отслужен молебен, зачитаны приветственные телеграммы от Государя Императора, начальника ГУВУЗ и директоров кадетских корпусов. Проведён праздничный концерт силами учащих мужской и женской гимназий. В первый учебный год открыто 4 класса на 106 кадет. Из них 102 православных, 3 лютеранина и 1 мусульманин. 54 человека казачьего сословия.

Знамя корпуса было стандартным, образца 1900 года, с образом Спаса Нерукотворного, белой каймой и золотыми узорами.

Во время Первой мировой войны строительство помещений для корпуса притормозилось. Многие рабочие были мобилизованы и отправлены на фронт. На их место подрядчики завезли свыше двухсот китайских рабочих и около сотни военнопленных австрийцев. Во время войны корпус продолжал обучение в обычном режиме, хотя часть офицеров-воспитателей, отправившихся на фронт, была заменена запасными казачьими урядниками и вахмистрами старших возрастов. В начале 1916 года 70 кадет старшего возраста, не окончив учебную программу, перевелись в сформированные в Иркутске в военное время 1-ю, 2-ю и 3-ю школы прапорщиков и после 4-месячного обучения отправились на фронт.

После февральской революции и прихода к власти большевиков строительство полностью остановилось. Корпус по-прежнему размещался в здании на Шелашниковской улице. Сохранилось общее содержание учебных программ, в корпусе продолжали обучать наукам, рисованию, гимнастике, фехтованию, танцам, музыке. Преподавательский состав и директор – гене-

рал-майор Скалон – по приказу командующего войсками Иркутского военного округа Рютина должны были «оставаться при исполнении своих обязанностей впредь до особого распоряжения». Корпус получил название военной гимназии.

24 ноября в 6 часов утра по дороге в корпус отрядом Красной гвардии арестован генерал-майор Скалон. Арестованного поместили на гауптвахте 12 полка. В тот же день арестованы инспектор классов Иркутского кадетского корпуса надворный советник Голубев и шесть офицеров корпуса.

К лету 1918 года были упразднены должности директора, инспекторов, управление гимназией возложено на комиссаров. Приказом Главного комиссара Дзевялтовского кадетский корпус был передан из военного ведомства в общеобразовательное. Но этот приказ не успел вступить в силу. Город заняли войска Колчака. Колчак, сам бывший кадет из Омска, как мог покровительствовал Иркутскому корпусу. Последнее, что он мог сделать для кадетов, офицеров корпуса и их семей, – это благословить корпус на эвакуацию. Эшелон с Иркутским кадетским корпусом отправился во Владивосток.

В 1920 после прихода Красной Армии в город кадетский корпус был официально распущен. Во Владивостоке корпус просуществовал до 1922. Тогда было решено эвакуировать корпус в Китай. 22 ноября преподаватели с семьями, кадеты погрузились на миноносец «Лейтенант Дыдымов». Корабль взял курс на Шанхай. На следующий день, 23 ноября, «Лейтенант Дыдымов» попал в жестокий шторм и через несколько часов затонул со всеми, кто находился на его борту. Перед гибелью на миноносце были подняты флаги: «Погибаем, но не сдаёмся». Другое судно, транспортный корабль, следовавший вместе с «Лейтенантом Дыдымовым», потерял управление и не смог помочь терпящим бедствие. Капитан транспортника запомнил на всю жизнь картину, увиденную в бинокль: волны почти потопили корабль, а на боевом посту под флагом стоит маленький кадет, сжимая в руках винтовку.

ГЕНЕРАЛ БАБИЕВ Н. Г.

На похоронах кубанского казака генерала Бабиева Николая Гавриловича среди надписей многочисленных венков выделялась надпись: «Кубань, храбрейшему сыну своему». 30 сентября 1920 года пал один из доблестных сынов России и Кубани. В его лице Кубань и Россия потеряли достойного сына и казака, которых он неизменно водил к победам, командира – отца. Из 33 лет своей жизни 11 лет Николай Гаврилович провёл в непрерывных боях, походах и конных атаках, 17 раз раненный, увенчанный за неисчислимые подвиги своей смертью храбрых.

Николай Гаврилович Бабиев родился 30 марта 1887 г. в ст. Михайловской Лабинского отдела Кубанского казачьего войска.

С малых лет проявлял любовь к коню, незаурядные способности в джигитовке, приводил казаков в восторг своим бесстрашными головокругительными номерами. Всегда награждаемый первым призом, он отказывался от него в пользу второго по баллотировке казака.

В 1909 году выпущенный из Николаевского кавалерийского училища хорунжим был направлен в 1-й Лабинский генерала Заса полк, сразу попал в боевую обстановку, т. к. лабинцы приняли участие в Каршенском походе в Персии для борьбы против Шахсеван. С этого времени и до конца дней своих (октября 1920 г.) жизнь Николая Гавриловича непрерывно связана с боями и походами.

При взятии крепости Каранда 12 апреля 1912 года сотник Бабиев был ранен в живот.

За время Каршенского похода в Персии с 1909 по 1912 год за мужество и лихие действия, беззаветную храбрость в делах сотник Бабиев получил Высочайшее благоволение и орден Св. Станислава 3 ст., Владимира 4 степени с мечами и бантами.

1-ю Мировую войну генерал Бабиев начал в чине сотника и первым во главе своей сотни 1-го Лабинского полка перешёл границу Турции через Акбулакский перевал.

В 1914 г. Бабиев принимает участие в боях под Мысуном, Диадином, Оташе, Кизилдизой и на Клыч-Гадукском перевале.

В 1915 году в боях при Дутах-Кейбир, Эсаром, под городом Лхота и Копа, Кара-Бошер и опять на перевале Клыч-Гайдукском.

В 1916 году в конной атаке при Кара-кепри, в боях у гг. Химскам, Кизил-Ахмед, Даранинкей.

Участвовал во взятии г. Муша и в ночном штурме г. Битлиса, под Челик-Селеви, Огнот,

где был ранен в живот и в руку. К моменту ранения Бабиев имел все боевые награды, которые мог получить обер-офицер. За лихую атаку под Даранинкей был произведён последовательно в есаулы и войсковые старшины. Оправившись от ранения, в октябре 1917 года принимает под своё командование 1-й Черноморский полковника Бурсака полк, ему шёл 30-й год. 13 января 1918 года 1 Черноморский полк прибыл в Екатеринодар, в бою 14 марта 1918 года у аула Божьи Воды был ранен в ногу, но остался в строю.

В бою у хутора Рожен 19 марта 1918 года был ранен в кисть правой руки с раздроблением кости и взят в плен, из плена сбежал.

13 октября 1918 года прибыл в станицу Урупскую, принял полк, и в тот же день водил его в конную атаку и был ранен, но остался в строю.

С этого момента начался его конный боевой период славы уже на посту старшего начальника – сплошные конные атаки и огромные успехи.

В январе 1919 г. Бабиев уже генерал и назначается начальником 3-й кубанской казачьей дивизии и вскоре принимает корпус от генерала Калинина.

Прощаясь со своим полком, Бабиев мечтал и тосковал о мирных днях и семейном уюте, обращаясь к казакам своего полка, он сказал: «От лица кубанца, безумно горячо любящего наше родное историческое казачество и Россию, благодарю господ офицеров и казаков за самоотверженную лихую работу во славу и честь Родины, казачества и полка, желаю новых боевых успехов, здоровья и скорейшего возвращения на родные земли кубанцев, в уют семьи и тишину мирных станиц». Но не суждено было осуществиться заветным мечтам казачьего генерала.

В бою под Сарептой он был ранен осколком гранаты в голову и был эвакуирован. После возвращения в район станицы Котлубань он снова

ведёт дивизию в конные атаки под Царицыном. Иногда – до трёх конных атак в день.

Генерал не любил долго расспрашивать о противнике, а только узнав, где он, так сейчас же на конь, в чёрной бекеше, с неизменной буркой и башлыком.

30 сентября 1920 года Бабиев ведёт свой последний бой с превосходящими силами противника у села Шелехов под Каховкой.

Весь день конный корпус Бабиева вёл бой, и к вечеру почти был окружён. Кубанская дивизия в это время стояла в резерве, генерал Бабиев выехал на холм и наблюдал бой. Осколком снаряда был смертельно ранен.

*Пресс-центр Кубанского казачьего войска.
Краснодарский край. ИВАНОВ С. В.*

<https://www.yuga.ru/articles/society/4303.html>

Литература

У КАЗАКОВ. ИЗ ЛЕТНЕЙ ПОЕЗДКИ НА УРАЛ

ГЛАВА I ДОРОГОЙ. – ВОЛЬНАЯ СТЕПЬ. – «РЫБОПОШЛИННАЯ ЗАСТАВА»

Ранним июньским утром 1900 года, с билетом прямого сообщения «Петербург – Уральск», я приехал в Саратов... Только около трёх часов дня передаточный поезд лениво потащил нас к переправе через Волгу, заходя и останавливаясь на товарных станциях, запасных путях и разъездах. Всё это тянулось так утомительно долго, что публика начинала терять терпение, боясь, что уральский поезд уйдёт без нас. Привычные кондуктора только насмешливо пожали плечами.

Наконец всё так же медлительно поезд подполз к волжскому берегу и остановился. По привычке торопясь и толкаясь, публика кинулась на пароход, который должен был доставить нас в Покровскую слободу, откуда собственно начинается Уральская железная дорога... Как будто для поощрения этой суеты пароход дал уже первый свисток, но затем стоял ещё неподвижно целый час у пристани. Извозчики, подвозившие из города новых пассажиров, все разъехались, пристань опустела. Мимо нас по зеркальной реке лениво проплывали баржи, буксирные пароходы, лодки... Какой-то ры-

бак-любитель зачалил свою лодочку как раз на нашем пути и пробовал наудачу закинуть удочки, а мы всё продолжали ждать чего-то, и мне казалось даже, что нас начинает заносить здесь песком и пылью...

Наконец пароход как бы проснулся, дал быстро два последних свистка, забурился колёсами и, плавно взрезая Волгу, двинулся к другому берегу. Здесь, над яром, за очень неудобным подъёмом ждали нас несколько вагонов... Опять суетливая поспешность публики и новое ожидание... Дует тёплый ветер, плещется на отмели речная струя от прошедшего парохода, порой пройдёт ленивый покровский «хохол», или группа дачников и дачниц иронически оглянется на неподвижный поезд, неизвестно для чего стоящий на пустом берегу. А вдали, на той стороне – затянутые туманом, дымом и пылью дома и горы Саратова... В окнах вагонов безнадежно скучающие лица пассажиров.

– Д-а-а... Степь-матушка, – говорит один из них, как бы в объяснение и этой смутной истомы, и беспричинных остановок. Он зеваёт и крестит рот, а рядом, в других окнах, видны такие же апатичные лица, у которых челюсти раздвигаются такой же сладкой зевотой.

Свисток, толчки, скрип буферов, десятиминутное движение – и опять долгая остановка у Покровской станции с тем же тёплым ветром,

дующим как будто из печки, и с тою же истомой... Наконец – звонок, и наш поезд ползёт по низкой насыпи с узкой колеёй, на этот раз с очевидным намерением пуститься в путь. Степь тихо развёртывает перед нами свои дремотные красоты. Спокойная нега, тихое раздумье, лень... Чувствуется, что вы оставили на том берегу Волги и торопливый бег поездов, и суету коротких остановок, и вообще ускоренный темп жизни. Тут на вас надвигается, охватывает, баюкает вас широкое степное раздолье, ровное, молчаливое, дремотное...

Чудесный закат в степи, потом сумерки, потом тихий звёздный вечер спускаются над этой однообразной картиной. Вечером – долгие остановки у маленьких неуютных станций со странно, иной раз по-монгольски звучащими названиями, с раскачиваемыми ветром фонарями и убогими буфетами. Здоровенные, загорелые и ленивые жители степных хуторов и посёлков выползают из синей темноты на огни поезда, чтобы получить приказания от юрких людей, по большей части не русского типа, едущих в вагонах первого и второго класса. Они одни как будто не дремлют и имеют вид властителей степи. Они говорят быстро, быстро выпивают за буфетами, быстро вскакивают на подножки уже трогающегося поезда, который и уносит их дальше, между тем как степные жители с ленивой покорностью направляются к своим телегам и, тихо поскрипывая колёсами, расползаются в темноте в разные стороны, развозя полученные приказы...

Полная луна выкатывается над тёмным горизонтом и точно старается рассмотреть в степи что-то и что-то обдумать... Но степь темна и молчалива. Поезд несётся среди однообразного, заснувшего простора...

Наутро кондуктора выкрикивают станцию «Семиглавый мар»... Невдалеке от неё местный житель пытался указать мне в волнистой степи семь курганов (по-местному «маров»), от которых урочище получило своё романтическое название. Когда проводили железную дорогу, один из этих курганов «нарушили», и в нём, говорят, оказался хорошо сохранившийся скелет неведомого воина, верхом на скелете лошади, с лицом, обращённым глазами впадинами к востоку... Но разобрать и сосчитать эти курганы среди однообразно взволнованной степи мне не удалось... По ней то и дело вставали и тонули такие же курганы и, быть может, в каждом из них сидят и ждут чего-то такие же неведомые воины с глазами впадинами, обращёнными к азиатскому востоку, между тем как с запада летит громящий поезд, и сыплет искрами в ночную темноту, и сотрясает старые степные могилы.

– Тут уж вольна степь пошла, неделённая, – сказал мне молодой казак, высунувшийся рядом со мной в соседнее окно вагона.

Действительно, где-то около этого семиглавого урочища проходит граница Самарской губернии и Уральской области... Теперь поезд нёсся уже по казачьей земле...

Начиная от Гурьева городка, там, где-то далеко у Каспийского моря, и кончая средним течением Урала и его притоками, от теряющихся в песках Узеней на западе и до киргизских степей на востоке – вся эта земля не знает ни частной собственности, ни даже русских общинных переделов. Все её обитатели – как бы одна семья, каждый член которой имеет одинаковое право на родной клочок этой земли, раскинувшейся от края и до края горизонта, неделённой, немежёванной и никем не захваченной в личное владение...

Я с любопытством вглядывался в эту однообразную ширь, стараясь уловить особенности «вольной степи». Но она была всё та же... Она как будто ленилась проснуться для знойного дня, дали были ещё завешаны клочьями тумана, из-за которого выступала та же линия скучного горизонта, кое-где взломанная очертаниями могильников...

Поезд громыхнул по мостику и затем побегал вдоль небольшой речки, на отлогом берегу которой приютился степной хуторок. Несколько строений, несколько деревьев, ветряная мельница, две-три кибитки киргиз-пастухов, кучка скромных крестов на кладбище, как бы скрепляющем степную оседлость...

– Чей это хутор? – спросил я, невольно любуясь своеобразной красотой этого степного посёлка.

Казак назвал фамилию известного степного богача, скотопромышленника, владеющего в вольной степи несколькими такими хуторами и десятками тысяч голов скота. Невдалеке за хутором несколько упряжек быков тянули тяжёлые плуги, взрезавшие землю. Чёрная полоса уже поднятой пашни легла во всю степь, начинаясь за пологим гребнем одной возвышенности и утопая за другим. И всё время, пока поезд бежал мимо, – волы белыми точками ползли по краю чёрной полосы без остановки и перерыва...

– А ведь тоже казак, – сказал одобрительно немолодой торговец, когда хутор, купы деревьев и волы исчезли за поворотом дороги.

– Да, – прибавил, усаживаясь на скамье, молодой человек в форме, – такой же вот казак, как и я...

Торговец окинул его строгим, холодным взглядом, в котором виднелось пренебрежение. Казак был одет в поношенную форму. Лицо у него было смуглое, худое; чёрные глаза глядели печально, как у больного. Он заболел на службе, где-то под Киевом, и теперь ехал на родину, может быть, поправляться, а может быть – и умирать в родной степи. Он подолгу проставивал у окна, рядом со мной, и вдыхал полной

грудью родной воздух. В его глазах светилась какая-то особенная радость.

– Такой же, да не такой, – сказал торговец поучительно.

– Нет, такой же, – ответил казак. – Только я вот служил, а он мою землю пахал, да мою траву косил... Только и есть...

Купец не возражал. Впоследствии эту фразу о службе и о «моей земле» я слышал не раз из уст бедных казаков, для которых эта «вольная степь» с её общинными порядками часто является мачехой... Явление старое! Нигде, быть может, проблема богатства и бедности не ставилась так резко и так остро, как в этих степях, где бедность и богатство не раз подымались друг на друга «вооружённой рукой». И нигде она не сохранилась в таких застывших, неизменных формах. Исстари в этой немежёванной степи лежат рядом «вольное» богатство, почти без всяких обязанностей, и «вольная» бедность, несущая все тягости... А степь дремлет в своей неподвижности, отдаваясь с стихийной бессознательностью и богатому, и бедному, не пытаясь разрешить наконец вековые противоречия, то и дело подымавшиеся над ней внезапными бурными вспышками, как эти вихри, взметающие пыль над далёким простором...

Вихри и в эту минуту вставали кое-где над степной ширью и падали бесследно... А под ними всё та же степь, недвижимая, ленивая и дремотная...

Около двух часов дня вправо от железной дороги замелькали здания Уральска, и, проехав мимо казачьего лагеря, поезд тихо подполз к уральскому вокзалу, конечному пункту этой степной дороги. Мне предстояло получить багаж, и, когда, покончив с этим делом, я вышел на крыльцо вокзала, то увидел с неприятным удивлением, что на дворе не было уже ни одного извозчика. Оживление единственного (в сутки) поезда схлынуло как-то удивительно быстро, вокзал опустел и затих. Верстах в трёх к югу, за дымкой густой золотистой пыли, виднелись церкви и дома Уральска. Впечатление получалось такое, как будто казачьему городу нет никакого дела до тех, кто подъезжает к нему по железной дороге. На противоположной, северной стороне выделялись кирпичные сараи и ворота скакового поля, в виде гигантской подковы... Дальше клочок степи, дорога с какими-то крестами и полоски садов за Наганом... Мне нужно было именно в эти сады за Наганом, где жили мои добрые знакомые и где я предполагал устроиться на лето... Но до садов было вёрст шесть, а мой багаж беспомощно лежал на каменном перроне.

Какой-то добродушный железнодорожный служащий принял участие в моём печальном положении и послал сторожа к железнодорож-

ным складам. Вскоре оттуда подъехали ломовые дроги, на которых сидел дюжий человек с совершенно бронзовой физиономией, огромной спутанной бородой и в фуражке с малиновым околышем. Мы скоро сторговались. Узнав, что придётся ехать «в сады», он запустил руку под фуражку и почесал пятернёй в голове.

– Эх, не знал, – сказал он, – что в сады уложу ехать.

– А что? – спросил служащий.

– Косу бы захватил, травы накосить.

– Так тебе и позволят!

– Чего не позволить. Я ведь казак... Ему вот нельзя, – кивнул он в сторону подъехавшего в это время товарища, такого же дюжего и лохматого, только без околыша. – Вам тоже нельзя... А я могу...

– Ладно, ладно, увязывай, – иронически перебил железнодорожник, окидывая полноправного человека насмешливым взглядом...

Вскоре воз, поскрипывая, двинулся с вокзала... Казак шёл за возом, а я следовал за казачком, с любопытством присматриваясь к новым местам.

Железная дорога уползала в степь, которую мы только что проехали и из которой тянуло тем же тёплым ветром, точно из печки. Влево за густой пылью высились колокольни городских церквей и затейливая триумфальная арка в восточном стиле. Из города к садам по пыльной дороге ползли телеги с бородастыми казаками, ковыляли верблюды, мягко шлёпая в пыль большими ступнями. На горбу одного из них сидел киргиз в полосатом стёганом халате, под зонтиком, и с высоты с любопытством смотрел на велосипедиста в кителе, мчавшегося мимо. Верблюд тоже повернул за ним свою змеиную голову и сделал презрительную гримасу. Я невольно залюбовался этой маленькой сценой: медлительная, довольно грязная и оборванная, но величаявая Азия смотрела на юркую и подвижную Европу...

Велосипедист вскоре скрылся за неровностью степи... Верблюд, киргиз и зонтик ещё долго колыхались над раскалённой равниной.

Миновав железнодорожные здания, мы тоже повернули в степь. Моё внимание было опять привлечено неожиданной картиной. Перед мостиком у небольшого вала стояла казённого вида будка, а невдалеке от неё человек с малиновым околышем, задержав проезжую телегу, шарил в её задке руками с какой-то деловито-ленивой безнадёжностью. Проезжий казак даже не оглядывался назад, равнодушно ожидая конца обыска.

Заметив, что я с любопытством наблюдаю это зрелище, обыскивавший перестал шарить и махнул рукой. Владелец телеги хлестнул вожью свою лошадь...

– Что это вы ищете? – спросил я, подходя к казаку. Он как будто несколько сконфузился. По-видимому, всякому человеку свойственно инстинктивное сознание, что шарить в имуществе ближнего есть занятие по самому своему существу как бы противоестественное и возбуждающее невольную стыдливость. Но тотчас же это мимолётное выражение исчезло и, указав на будку, он произнёс внушительно:

– Застава.

Действительно, над будкой виднелась надпись: «Уральская, № 4, рыбопошлинная застава». Будка вся была увешана и внутри, и снаружи печатными плакатами. Пользуясь любезным разрешением надсмотрщика, я вошёл внутрь и с интересом стал читать многочисленные параграфы, определявшие роль этой внутренней заставы в «вольной степи». Из печатных правил я узнал, что вывозимая за черту города рыба оплачивается пошлиной... Внезапное лёгкое беспокойство возникло в моём уме, и я спросил:

– А сколько же можно пронести бесплатно для собственного употребления?

– Ни вот столько! То есть ни одного малька, – ответил он решительно.

Тут я уже совершенно определённо почувствовал себя в роли контрабандиста. Со мной было около полуфунта икры и немого балыка, купленных ещё в Саратове и оставшихся от дорожного продовольствия.

– Вы взимаете пошлину? – спросил я, намекаясь очистить свою совесть.

– Никак нет, не имею права.

– А что же вы делаете, если найдёте, ну, скажем, полфунта рыбы?

Он посмотрел на меня очень пытливо, но затем отвёл глаза и ответил с оттенком грусти:

– Протокол и... в город, в контору...

– Сколько же там взяли бы за один фунт?

– По такции... Копейку, а может, и две.

– И из-за этого в город?

– О-бя-зательно! – отчеканил он.

Его взгляд скользнул по мне, как у просыпающейся ищейки... Но он опять стыдливо отвёл глаза и сказал со вздохом:

– Конечно, делаем уважение...

В открытое окно, как в рамке, виднелась широкая городская дорога, и по ней приближалась из города тележка. В тележке сидела дама и молодой человек с околышем. В ногах у них виднелись кульки и свёртки. Надсмотрщик насторожился, но остался на месте, только проводив тележку тем же как бы застенчивым взглядом...

– С рыбой проехали? – спросил я, улыбаясь.

– Да уж... не без этого... на дачу, в сады, с провизией...

И, как бы подкупленный тем, что я уже стал свидетелем его слабости, он сказал доверчиво:

– В нашей должности большой ум надо... Дело наше, прямо сказать, суворовское...

– Почему именно суворовское? – спросил я, улыбаясь этому сравнению.

– Да вы про Суворова-то разве не читали? Какой генерал был – знаменитый! А по такции никогда не действовал. Всё больше по глазомеру. Так ли я говорю?

– Пожалуй.

– То-то и оно. То же и в нашем деле: станешь всякого останавливать – скажут: напрасное беспокойство. Не останавливать вовсе – зачем и поставлен?..

Он вдумчиво и важно посмотрел на меня и сказал:

– Возьмём такой случай: идёт в луга косец, несёт для своего, напримерно, продовольствия десяток воблов. Ежели ему пошлину платить, в конторе сколько время околачиваться, да и цыфры такой нету: много полкопейки. Что я должен делать?

– Не знаю, – ответил я с полной искренностью.

– По правилу, я обязан сказать: садись, милый человек, на валу, скушай воблу свою на здоровье, а с рыбой я за вал тебя пустить не обязан. Хорошо! Да ведь он, может, не голоден, а в лугах ему вобла нужна...

– Ну... и по глазомеру? – сказал я сочувственно.

– По глазомеру-то по глазомеру, а ведь тоже зачем-нибудь и будка поставлена. Начальство скажет: тебя зачем определили – галок считать?..

И, в последний раз скользнув по мне как бы всё ещё сомневающимся, но вместе и снисходительным взглядом, он прибавил:

– Делаем уважение... по обстоятельствам.

И затем он спокойно уселся на ступеньках будки, а я перешагнул городскую черту в роли контрабандиста, которому оказана явная поблажка, или «уважение»...

Отойдя шагов с десятков, я оглянулся. Суворов опять шарил в телеге проезжего казака, но, по-видимому, его снисходительность истощилась, и у будки завязывался крупный разговор. Через минуту телега обогнала меня, и её хозяин, старый, седой казак, что-то сердито ворчал. В качестве казака он имеет право беспошлинно провезти около пуда рыбы. Но даже золотника не вправе вывезти, не выправив предварительного билета, что сопряжено с целой волокитой.

Своего возницу я нагнал у спуска дороги, около двух крестов. Здесь же остановился только что обысканный казак и два «иногородних» мужика с косами за плечами, – и все они с раздражением говорили о «рыбопошлинной за-

ставе». А недели через две, когда, проезжая из садов в город, я захотел навестить моего знакомого у заставы, его – увы! – уже не было. Суворовская тактика, по-видимому, в чём-то изменила, и на ступеньках будки сидел Суворов № 2-й, впрочем, как две капли воды похожий на прежнего и так же, с рассмотрением, шаривший у одних и делавший «уважение» другим...

Дорога, извиваясь, подошла к садам, пробежала по бревенчатому мосту за реку Чаган и поднялась на небольшую возвышенность. Здесь на время опять мелькнул простор степи. Целые облака пыли надвигались оттуда по старому казанскому тракту. Киргиз-косячник гнал табун лошадей к своей кибитке, одиноко стоявшей на выгоне, и лошадиные морды мелькали, слабо рисуясь в золотистом пыльном облаке...

Дорога наша прижалась к тихой степной речке Деркулу, причудливыми извилинами как бы переплетавшейся с Чаганом. Пошли сплошь сады. Город, со своей аркой и главами церквей, лишь издали мелькал в промежутках зелени.

ГЛАВА II

НА УЧУГЕ. – ГГ. НАКАЗНЫЕ АТАМАНЫ И ОБЫЧАЙ

Первая «достопримечательность» Уральска – так называемый «учуг».

Учреждение это – единственное в своём роде. Идея его очень проста: если в известном месте перегородить поперёк всю реку, то красная рыба, подымаясь с моря, остановится у перегородки и будет скопляться в больших количествах в нижнем течении реки.

Такие перегородки, сделанные из шестов и плетня, можно видеть на многих захолустных рыбных речонках. В некоторых северных губерниях их называют «заплотами», и из-за этих заплотов между соседями-рыбаками дело нередко доходит до дреколья. Яицкое казачье войско, сложившееся на степном просторе в величайшую земельную и рыбацкую общину, соорудило также и величайший в мире заплот, перегородивший огромную реку, по величине не уступающую Рейну.

Первые пришли к этой простой мысли астраханские «гости», которые, пробравшись к устьям Яика, наколотили здесь свай и шестов и черпали толпившихся у этой перегородки осетров, белуг и сазанов, точно из садка. В 1645 году купец Михайло Гурьев получил от московского правительства грамоты на своё нехитрое изобретение, с обязательством построить защитный каменный городок, который назван Гурьевым. Понятно, что «догадка» Гурьева, обезрыбившая весь Яик от учуга до верховьев, не могла нравиться яицким казакам: они долгое время вооружён-

ной рукой отбивали реку и у татар, и у киргизов, и считали её своею. Поэтому между купецким городком и казаками началась ожесточённая тяжба, и казачьи будары не раз беспокоили купецкие низовые ловли. В уральском войсковом архиве хранится целая серия дел «об учуге», которые, вероятно, могли бы дать любопытную страницу к истории Урала.

В конце концов победили казаки. Вся заяицкая сторона была тогда дикою степью, открытою дверью для «легкомысленного степного народа», который то и дело, «перелезши» через Яик, устремлялся на Волгу и даже в заволжскую Русь... Сторожевая служба казаков была очень важна для государства, а казаки жаловались, что астраханские гости «оголодили» всё войско. На этот раз булат победил, злато уступило. В 1752 году учуг передан в содержание казакам, вместе с кабацкими и таможенными сборами. Казаки решили перенести учуг кверху, на нынешнее его место, а в 1770 году правительство передало казакам и самый городок Гурьев. Всё низовье и часть среднего течения реки очутились в нераздельном владении Яицкого казачьего войска, а учуг стал как бы центром промышленной жизни огромной полувоенной, полурыбачьей общины.

В пугачёвщине учуг сыграл тоже видную роль. Дело в том, что, вырабатывая самым точным образом свои внутренние трудовые распорядки, казачья община никогда не умела устроить как следует ту «политическую» сторону своего существования, которою община соприкасалась с государством. Старшины всегда грабили и утесняли войско; казаки порой хватались за сабли и расправлялись с одними грабителями, чтобы тотчас же посадить таких же. Получив в нераздельное владение «золотое дно» Яика вместе с таможенными и кабацкими сборами, войско обязалось уплатить правительству около пяти с половиной тысяч рублей. Деньги собирались с тех же казаков. Система фиска была очень первобытна: на Чаганском мосту поставили заставу (вроде, вероятно, описанной мною выше), задерживали рыбаков у моста, как рыбу на учуге, и взимали «по рассмотрению», сколько хотелось старшинам. Войско платило, пока старшина Логинов, из «крамольной» семьи, не разъяснил войску, что сборы давно превысили установленную сумму и старшины берут деньги в свою пользу. Войско жаловалось, посылало ходоков в Петербург, императрица приказывала учесть старшин и отстранить их от должности. Но самодержавная верховная власть оказывалась бессильна на далёкой окраине. Петербургских посланцев старшины задаривали и продолжали своё, а известный генерал Черепов приказал даже стрелять по казакам, на коленях умолявшим исполнить волю императрицы. Войско потеряло терпение,

и при новом эпизоде этого рода схватилось за сабли. В схватке был убит генерал Траубенберг и войсковой атаман Митрясов. Тогда, разумеется, казаков принялись умирять уже по-настоящему. Генерал Фрейман, двинувшись из Оренбурга, разбил их в правильной битве на реке Ембулатовке и занял Яицкий городок регулярными войсками.

Таким образом, ещё года за два до пугачёвщины в войске кипело характерное российское «возмущение». Люди, борющиеся с заведомым хищением, оказывались бунтовщиками, а заведомые воры – усмирителями... Царица то обещала унять воровство атаманов, то приказывала умирять ограбленных и награждала воров. В это-то время на границе казачьей области, в одиноком степном умете, появился таинственный купец Емельян Пугачёв, и стал зорко присматриваться к событиям... И из всего этого возникла буря, потрясшая всю Россию. Первые вспышки будущего взрыва происходили около рыбопошлинной заставы на Чаганском мосту ещё за два года до появления Емельяна Пугачёва.

В тот день, когда я вместе со знакомым казачьим офицером, потомком пугачёвца Шелудякова, подъехал к учугу, был сильный ветер. Река, вспененная крепкой волной, мчалась в крутых берегах, шумя и прыгая, как дикий степной скакун. Перед нами, с одного берега до другого, лежал неширокий дощатый помост на сваях. Вдоль этой настилки, напоминающей простой пешеходный мостик, с левой стороны виднелась частая щетина тонких железных шестов. Эти шесты, проходя через два горизонтальных бревна (называемых «белоногами»), образуют вместе с ними частую решётку,ходящую до дна. Это – «кошак», через который может проходить лишь мелкая рыба. На обоих концах помоста возвышаются деревянные решётчатые сооружения с дверьми. Над дверьми – надпись: «вход на учуг посторонним строго воспрещается».

Весь помост вздрагивал от быстрой волны. У кошака стоял шум и звон... Кругом на реке было видно ни лодочки, ни паруса, ни парома... Только две-три будары, принадлежащих учужной водолазной команде, лежали опрокинутые на песчаной отмели. Яик, дикий, красивый, несся на просторе, срывая глинистые яры, и, шипя и клопоча, кидался на неожиданную преграду. Во всей картине чувствовалась дикая прелесть, своеобразная и значительная. Здесь, на месте столкновения свободной реки с железной решёткой – центральное место Урала, настоящая душа его, один из главных ключей к его жизни...

Учуг ставят весной и снимают поздней осенью. В тихие летние утра или перед солнечным закатом уральские жители приезжают

сюда смотреть рыбу. Подымаясь с моря, вверх по течению, огромные осетры, толстые белуги и судаки доходят до учуга и здесь недоуменно останавливаются. Начиная с июля, весь август и сентябрь можно видеть, как красная рыба суется вдоль кошака, разыскивая проход, тыкаясь мордами в решётку. Посовавшись напрасно, рыба уходит вниз и потом, выметав икру, располагается на зимовку. А за всеми её движениями, от низовьев и до самого учуга, следят особо назначенные караулы. Об её появлении береговые и учужные казаки доносят войсковому управлению, как о движениях неприятеля.

В тот день, когда я стоял на помосте учуга, рыбы совсем не было видно. Вода вся замутилась, железные шесты дрожали и звенели, около решётки река образовала настоящий водопад, отшибавший рыбу обратно. Караульный казак опустил в мутную воду длинный шест, который называется «наслушкой». Суясь вдоль решётки, рыба толкает боками шест, и таким образом обнаруживает своё присутствие. Но на этот раз и наслушка дрожала только от ударов речной струи. Глубь реки была мутна, непроницаема и как будто мертва.

– Нет вашего счастья, – сказал казак, добродушно улыбаясь. – Штурма на реке большая, ничего не видно. А вот вчера утром, да и на закате было велие...

– Осётр пришёл? – спросил мой спутник, офицер.

– Пришёл! Вчера утром всё ходил вдоль кошака... Сунет нос меж шестов и идёт книзу. Потом опять кверху подымет. Весь кошак этак ощупает... Потом идёт вон туда, к яру.

– А судак?

– Судак ещё не подходил. А вон там, под дальним яром, уже видно. Малька хватает...

И казак делится новостями мутной глубины, в которой читает, как в открытой книге. Лицо у него типичное, широкое, скуластое, глаза маленькие, бегающие, то необыкновенно добродушные, то лукавые. На нём неизбежная фуражка с малиновым околышем, кумачовая косоворотка, штаны с малиновыми лампасами засунуты в голенища. Что-то необыкновенно характерное сквозит в каждом его движении. Это не мужик и не солдат, это именно казак. Рыбак, стоящий по-военному на карауле у реки, военный, справляющий войсковую службу у рыбы. Когда я направляю на учуг свой фотографический аппарат, он становится на середине помоста и вытягивается во фронт, забыв, что мы застали его даже без кафтана, в одной косоворотке. И он выходит на моём снимке в этой вытянутой служебной позе часового... А затем меня опять приятно поражает свободная непринуждённость, с какой он ведёт беседу с офицером.

Теперь это не начальник и не подчинённый, а два рыбака, обменивающиеся интересующими обоих рыбными новостями. Осётр уже ищет место для «ятовей», белуга ещё не пришла, судак уже поднялся к ближним ярам. Вчера водолазная команда поймала большого персидского осетра. Персидским он называется потому, что не зимует в уральских водах. «Выбьёт икру и катат, подлец, опять в море, к персидскому берегу. И видом отличается от нашего: белее, и жучка (пятна) крупная». Водолазы испугали этого иностранца, и он выкинулся на мель. Как войсковую собственность, его продали с аукциона в пользу войсковой казны...

– Всё в неё, матушку, валим, как в прорву, – насмешливо говорит казак... – А что толку?

В его глазах, пытливо и быстро взглядывающих на офицера, сверкает огонёк.

– Мало ли у войска надобностей, – говорит тот вяло.

– У войска? – переспрашивает казак, и огонёк в его глазах вспыхивает сильнее. – Нет, ваше благородие, – не видит себе войско от казны пользы... Вот послушай, что я тебе скажу, – поворачивается он ко мне. – Были у нас голодные годы. Отощали казаки до той степени: и есть нечего, и сеять нечем. Тут бы, кажется, вспомнить: есть, дискать, у казаков собственна казна накоплена. Купить хлеба, купить семян, раздать. Так ли я говорю? Потом из урожая – хоть опять возьми.

Я, разумеется, не находил возражений.

– Что ж ты думаешь: дала нам казна подмогу? Чёрта лысого! Неправду я говорю, ваше благородие?

– Ты свистунский? – спросил офицер вместо ответа.

– Так точно, – ответил казак, и лёгкая, чуть заметная усмешка пробежала под его жидкими светлыми усами.

Станица Круглоозёрная, в просторечии именуемая почему-то Свистуном, расположена верстах в двенадцати от Уральска. По обычаю, одежде и всему укладу своей жизни она напоминает самые отдалённые низовые станицы, нетронутые новыми влияниями. Население её сплошь старообрядцы разных толков, народ зажиточный, умный, упрямо подозрительный ко всяким нововведениям и всегда готовый к протесту...

При взгляде на простодушно-лукавое лицо свистунца с его задорными вопросами – мне невольно вспомнилась старина, с поборами старшин и оппозицией войска, напрасно требовавшего «учёта». «Войско», то есть собственно огромная хозяйственная община, не имеет и теперь решающего влияния на распоряжение своей «казной». Ведаётся она чисто бюрократическими учреждениями, над которыми сто-

ит атаман, военный генерал не из уральцев, по большей части не имеющий понятия об этом своеобразном общинном хозяйстве, в котором, однако, он самонадеянно «командует» (порой чисто по-военному) и покосами, и рыбной ловлей... А «чиновники», конечно, часто распоряжаются так же, как и во всей остальной России.

По настилке учужного помоста мы перешли на другой берег реки. Здесь он значительно выше и обрывается крутым, глинистым яром...

– Азия! – сказал мой спутник, указывая рукой на безграничную степь, уходившую далеко к горизонту... Река недалеко поворачивала и терялась за мысом, но далее, в синевших предвечернею мглюю лугах долго ещё сверкали её разорванные, светлые излучины... Правый берег её («самарская сторона») – издавна казачий; левый, а за ним вся степь до Бухары и Аральского моря – киргизская сторона... Над этой светлой полоской, сверкающей в зелени лугов, кипела вековая борьба и лилась кровь. Орда считала реку своею. Со времён уральского Ильи Муромца, «старого казака Харкушки», она «перелазила» броды и переправы и кидалась «на Русь», уводя оттуда скот и пленных. Казаки сторожили переправы, старались выбить киргиза поглубже в степь и захватить левый берег с поёмными лугами и ковыльной степью.

Всё это давно миновало. Орда «замирилась», и от Уральска до Каспийского моря можно теперь проехать без оружия... Значение боевой границы Урала исчезло, и он представляет от учуга до моря только огромный живорыбный садок. Начиная отсюда и до самого Гурьева река лежит в берегах, неприкосновенная и девственная... Ни бударки, ни паруса, ни плота, ни парома. Даже перевозки устроены только в четырёх местах.

При взгляде на многоводную реку у меня невольно явилась мысль о пароходстве. В Петербурге я слышал, что от Уральска можно проехать на пароходе до Оренбурга, и мне очень улыбалась мысль о поездке по степной реке. Я спросил, где пароходная пристань.

Мой спутник, офицер, усмехнулся.

– Слышишь? – обратился он к учужному казаку, – вот они спрашивают насчёт парохода?

Свистунец насторожился.

– Каки, ваше благородие, пароходы? Ведь у нас никаких пароходов нет, – сказал он с видимой тревогой, и потом прибавил:

– А! Это ты, видно, про ванюшинску машину... Ну-у! – Он пренебрежительно махнул рукой. – Какой это был пароход. Так, г...ная посудина... Я её на бударке обгонял...

– А ведь всё войско, подлец, было растравил! – прибавил он с новой вспышкой раздражения. – Потом отказали: не надо. Так что войско более не желат...

– Чего же вы боялись? – спросил я с невольной улыбкой. – Ходил он выше учуга, да и сами вы говорите, что посудина дрянная.

– Да ведь... дрянная-то она дрянная, а не надо нам... Почует, проклятая, прибыль, перекинется и за учуг. Пожалуй, не удержишь... Может рыбу распугать... Не пойдёт рыба с моря, – войско должно оголодиться... Так ли я говорю, ваше благородие? – прибавил он, пытливо всматриваясь в лицо офицера.

В тоне его звучала опасливая тревога. Может быть, он подумал, что я тут высматриваю неспроста и что в моём лице жадная до прибыли машина уже разыскивает себе ходы на девственную реку...

– Верно, верно! – успокаивает офицер. – Действительно, – говорит он, обращаясь ко мне, – попробовали было, да бросили...

– Войско не желат! – твёрдо прибавил казак. – Шиш съела, подлая!

Дикий Яик, девственный и вольный, пока свободно бежит между ярами, шипит у железных шестов учуга и баюкает залегающие в омутах «ятови». Казаки уверены, что это навсегда...

– Как это можно, – говорил мне с убеждением казак из одной приуральской верховой станицы. – Вон у меня под яром сазан держится. Вот какой сазан... огромный! Так ведь он у меня жилой. Тут и зимует, тут и летом живёт...

– Ну так что же?

– Как что? Пароход его должен испугать. Он, значит, подается в море. Конечно!

Казаки уверены, что жилой сазан во веки веков не пустит в реку парохода...

В другой раз я подъехал к берегу Урала у Белых горок (верстах в десяти ниже Уральска, в запретной части реки). Здесь, на увале, стояла сторожка. Из неё вышел старый казак в сером пиджаке и форменной фуражке.

Это был караульный пикетчик. На его обязанности следить за рекой. В старину такие пикеты следили за движениями орды, теперь они следят за рыбой. Пикетчик знает речную глубину так же отчётливо, как и учужный казак, и так же уверенно может рассказать, кто из водных обитателей уже изволил прибыть с моря, кто ожидается на днях, где новоприбывшие избирают места для остановок («ятовей»). Он указал мне рукой вдаль, на «степную сторону», и сказал:

– А вон там – другой пикет.

Вглядевшись, я действительно увидел вдалеке белое пятно... Ещё дальше, в млеющей степной мгле мелькала третья, уже чуть заметная белая точка.

– И так до моря? – спросил я.

– Да, до самого Гурьева...

– Ну а выкупаться тут можно? – спросил я, истомлённый жарой.

В глазах пикетчика мелькнуло выражение неподдельного испуга.

– Что вы это, Бог с вами! – произнёс он с изумлением. – Как можно в реке купаться? Да тут след ваш на песке увидят – я обязан объяснить, кто и для какой надобности подходил к берегу... А вы – купаться!.. Ах, Боже мой!..

Он с искренним недоумением смотрел на человека, который мог сказать такую несообразность... Мой спутник, природный казак, объяснил, улыбаясь, что я приезжий и местных порядков не знаю...

В периоды осенних и весенних плавен войско усеивает бударами все берега и яры. По сигналу (пушечным выстрелом) оно кидается в реку и идёт «ударом» на высмотренные раньше ятови. Здесь уже исчезает всякое иерархическое различие. Казачий офицер, будь он даже полковник, – становится в ряд с простым казаком. Будары соединяются по две, в каждой сидят ловец-казак и гребцы (гребцы могут быть и наёмные)... Если во время «удара» какой-нибудь ловец, стоящий на ногах в узкой и шаткой бударке, упадёт в воду (тогда прямо ледяную), вся флотилия пронесётся мимо, как кавалерийский отряд в атаке над упавшим с лошади. Никто не остановится, чтобы подать помощь.

Зимой в период багренья войско двигается на санях от Уральска до Гурьева, останавливаясь в заранее отведённых местах. Река кипит тогда своеобразной походной жизнью. За войском тянутся торговцы рыбой, отправляющие её целыми обозами в Россию, идёт торговля съестными припасами, сапогами, рукавицами, шапками, принадлежностями лова... Виноторговцы, по старой памяти о «царёвом вине», выставляют над бочками национальные флаги («знямки» – уменьшительное от «знамя»).

Эти походы на рыбу всем войском содействуют в высшей степени сохранению на Урале казачьего быта и типа. Войско в эти периоды чувствует своё единство. На привалах кипят религиозные споры, распространяются политические новости. В старину всякая смута зарождалась в этих походах. Пугачёв тоже собирался «объявиться» на плавне, но старшинская сторона и осторожный Симанов отменили тогда осенний лов. Вообще рыба свободно спала ту зиму по омутам, пока степь курилась пожарами, гремела выстрелами и обливалась кровью...

На время севрюжьей ловли и багренья, как вообще на всякое рыболовство, производимое войском в известном месте и в определённое время, – назначается особый атаман рыболовства, обязанный следить за соблюдением правил лова. Но ещё более властным распорядителем является обычай. Надо отдать войску справедливость: загородив свою реку, оно сумело завести на ней образцовые порядки, и общинный дух сказался на реке гораздо полнее, чем в земельной общине.

В собрании уполномоченных ежегодно деба-тируются вопросы, возникающие на почве общинного рыболовства, и после всестороннего обсуждения осторожно вводятся в практику.

Первый участок реки, с которого начинается ловля, отводится для так называемого «презента».

Это старинный обычай. Уже во времена Михаила Фёдоровича яицкие «зимовые станицы» ездили на Москву, «кланялись» государям рыбным подарком и отдаривались в свою очередь. Посланцы войска получали «ковши и сабли», войску шли разные милости. Казаки дорожат этой традицией, но уже с давних времён к ней присосалось хищничество войсковых воротил. Участки для «презента» отводятся щедрой рукой, улов получается гораздо больше, чем нужно собственно для царского двора, и этими остатками атаманы задаривали членов военной коллегии, оренбургского и казанского губернаторов, которые за это покрывали всякое воровство «старшинской стороны».

Это в известной степени сохранилось до наших дней. Войсковая бюрократия бесконтрольно распоряжается презентом и распределяет «войсковой подарок» без участия представителей войска. Это стало своего рода бытовым явлением, и по количеству балыков и икры, получаемых в Уральске чиновниками разных ведомств, жители судят о теплоте или холодности междуведомственных отношений.

Войско сильно косится на это бесцеремонное расхищение своего улова. Однажды даже была отряжена депутация к одному из атаманов, с просьбой передать распоряжение презентом в руки войсковых уполномоченных. Положение атамана было щекотливое. Он вышел из затруднения при помощи патриотической риторики.

– Кто меня сюда назначил? – спросил он у депутатов.

– Известно кто, ваше-ство. Наказных атаманов назначает государь император.

– Вот видите. Государь доверил мне всё войско. А вы не хотите доверить такого пустяка. Значит, вы идёте против царской воли...

Депутаты сробели перед этим своеобразным призывом к «верноподданству», и бесцеремонное присвоение войскового труда продолжается до настоящего времени без контроля войска¹. Кому только не «кланяется уральское войско» своими «презентами». Один атаман, служивший когда-то в кавалерийском полку, ежегодно посылает массу икры и рыбы офицерам этого полка. Офицеры пили за здоровье атамана, за боевую взаимность свою со славным уральским войском... Но, как только атамана убрали, рыбный стол полка внезапно оскудел...

В старину атаманы назначались из природных казаков. Они грабили войско, но отлично знали его нравы и обычаи. Противник Пугачёва Мартемьян Бородин был, если не ошибаюсь, последним атаманом из казаков. После него назначались атаманы из столицы, ничего общего с «войском» не имевшие. Знакомые (в лучшем случае) с обычным хозяйственным строем казарм, – они становятся распорядителями целой своеобразной области, с её бытовыми особенностями. По «причетному приказу» такого атамана войско выступает на общий покос и по его же сигналу двигается «ударом» на багренное рыболовство. В этих распоряжениях ему помогает особое учреждение: съезд уполномоченных, своего рода казачье земство. Но его постановления имеют только совещательный характер. Хорошо, если атаман – человек благоразумный. Но ведь это бывает не всегда, и иные атаманы склонны распоряжаться хозяйственным бытом казаков, как строевой шеренгой. Казак на своём гумне, на своём покосе, пашне, на рыбной ловле – представляется им вечным «нижним чином», обязанным тянуться во фронт и беспрекословно исполнять самую нелепую команду.

На этой почве разыгрываются порой анекдоты чисто щедринского жанра.

Одному бравому атаману не понравилось, что в городе Уральске много плетней. В городе должны быть не плетни, а заборы. Атаман распорядился, чтобы к такому-то сроку плетни были заменены заборами. Совершенно понятно, что приказание не было исполнено: сторона безлесная, материал дорог. В назначенный день атаман собрал так называемых «служилых казаков», выстроил их на площади и с этой армией двинулся против плетней. По его приказу служилые казаки, находившиеся в строю и не смевшие ослушаться, стали поджигать плетни. Генерал суетился, ругался, командовал, сухие плетни пылали, толпа смотрела в угрюмом молчании. Только один старый казак наконец плюнул и сказал довольно громко:

– А ещё говорят: не сумасшедший.

Мне называли этого казака. Атаман, говорят, слышал, но промолчал... А плетни как местная особенность и до сих пор украшают улицы старинного казачьего города...

Кажется, с тем же неутомимым атаманом было и другое колоритное происшествие. Он вздумал объехать «свою» область. Всюду были приготовлены парадные встречи. Встречали не только казаки, которые для этого случая оседлали рабочих лошадей, но и всё население. Старые казаки, казачки, казачата и девушки. По окончании парада генерал ходил по площади, сыпал прибаутками в народном вкусе, заигрывал со станичными красавицами.

¹ Писано в 1901 году.

Особенное внимание старого селадона привлекла девочка-подросток, дочь зажиточного станичника, ходившая по улице с подругами. Его превосходительство подошёл к ней с какой-то весёлою шуткой. Девочка отвернулась. Зная «ключ к женскому сердцу», он протянул ей двугривенный «на семечки» и после этого попытался милостиво взять её за подбородок. Девочка бесцеремонно двинула его локтем и сказала:

– Начхать (говорят, она выразилась ещё сильнее). У тятки и своих много...

И крамольная красавица пошла дальше, луща семечки и пересмеиваясь с казачатами, которых, по известной женской глупости, очевидно предпочитала заслуженным генералам.

По этому поводу поселковый атаман получил нагоняй. В приказе было отмечено, что население распущено, не дисциплинировано и не питает должного уважения к начальству... Юная красавица на некоторое время стала очень популярной.

Навстречу этим попыткам командовать вне строя, – население часто готово к отпору. Особенно если эти попытки посягают на обычаи и нравы рыболовства.

Осенью перед тем годом, когда я был в Уральске, берега Яика видели характерную картину, напомнившую старые яицкие времена. Назначен атаман был назначен недавно, обычаев не знал, был человек самонадеянный и склонный к командирским замашкам. Кроме того, говорили, что на него оказывал большое влияние адъютант, человек чрезвычайно непопулярный в войске... В первый же день войско, по обычаю, закончило ловлю на участке, назначенном для презента. Адъютанту показалось, что улов мал. Он сказал об этом атаману, и тот распорядился продолжать лов на следующем участке.

Войско находило, что улов достаточен, но предмет был щекотливый, и войско согласилось продолжить лов на следующий день. Участок, на котором производится лов, по обычаю и по постановлению съезда уполномоченных, ограждается снизу поперёк всей речки большой «аханной» сетью, чтобы рыба, потревоженная на участке, не кинулась вниз и не подняла других ятовей, залёгших на зиму.

Но атаман, раз отдав опрометчивый приказ, не хотел брать его назад и опять поставил вопрос на почву верноподданнического благоговения и дисциплины. К нему подошли некоторые офицеры в ловецких костюмах и уважаемые старые казаки и стали убеждать отступить. Завтра войско готово отдать для презента другой участок, но нельзя нарушить исконные правила лова.

Атаман вскипел. Он топнул ногой и крикнул: «Молчать! Слушать команды».

Старики угрюмо разошлись по местам. Генерал дал знак, по которому войско должно кинуться ударом. Никто не двинулся с места. Атаман посмотрел на это, как на бунт. Это его рассердило тем более, что в это время у него в гостях был саратовский губернатор, стоявший тут же.

– Офицеры, вперед!..

Никто не двинулся. Да это было и невозможно: в рыбной ловле нет офицеров и рядовых: заслуженный офицер часто плывёт в паре с простым казаком.

Атаман рассвирепел. Это уже показалось ему бунтом против верховной власти, во-первых, и против его авторитета, во-вторых. Он стал кричать, и при этом произнёс неосторожную фразу:

– Прикажу на песке осетров багрить – будете багрить, пока не скомандную отставить...

По войску пошёл шум. «Ещё солдатских шинелей на казаков не надел», – кричали казаки. Это был старый лозунг... Из-за «солдатских шинелей» Яик не раз тревожно подымался против Москвы. Шум разрастался. Старики громко ворчали. Среди молодёжи, особенно из Свистуна, замелькали багры, и скоро береговой яр, на котором стояло начальство, оказался окружённым взволнованной толпой.

– Чего тут было... И-и!.. – говорил, слегка косясь на офицера, учужный казак, рассказавший мне в общих чертах эту историю. И потом, усмехаясь в усы, прибавил:

– Гость-то... Саратовский... Кинулся поскорее к саням, пал кверху тормашками и кричит кучеру: – Гони в город. Нахлестывай!.. Ну их, дескать... Спасибо на угощении.

Впоследствии ту же историю мне во всех подробностях рассказывали в Свистуне старые казаки в бухарских стёганных халатах.

– Атаман испужался, снял папаху, давай кланяться войску. – «Простите, господа войско. Я по новости ваших обычаев ещё не узнал». Ну, мол, теперь будешь знать...

– А если бы не уступил? – спросил я.

– И-и! Что ты. Не дай Бог, – сказал один. А другой прибавил:

– Не знай, что и было бы... Наше, брат, войско – сурь-ёз-ное...

ГЛАВА III

СТАРЫЙ ГОРОД. - ГРОБНИЦА КАЗАЧЬИХ ВОЛЬНОСТЕЙ. - КУРЕНИ. - ПУГАЧЁВСКИЙ ДВОРЕЦ И ДОМ УСТИНЫИ КУЗНЕЦОВОЙ

Уральская железная дорога построена недавно. Когда возник вопрос об отчуждении земли под полотном дороги, казачья община оказалась в затруднении: приходилось в неделинную степь пустить целую полосу, которая отходила

в собственность дороги. В конце концов отчуждение всё-таки произошло... Право собственности приобретено дорогой почти за чечевичную похлёбку.

Таким образом, коснувшись железнодорожных сребреников, казачий строй допустил к себе опасного соседа: на отчуждённой земле стали элеваторы, мельницы, склады, задымались трубы, в тёмные осенние вечера загорелось электрическое освещение. Затем железнодорожная компания стала отчуждать эту землю третьим лицам, и опять на праве собственности... Первые попытки этого рода вызвали процесс, который община проиграла, и теперь под боком у бывшего Яицкого городка растёт целый посёлок, живущий своею особенною жизнью, и главное – растут интересы, которые, конечно, когда-нибудь потребуют и своего представительства. Вокзал и линия железной дороги – это вторжение «иногороднего» элемента в самое сердце казачьей общины...

Факт совершился. Казачий город выразил своё нерасположение тем, что отодвинул место для вокзала подальше. Но в последнее время он сам тянется к вокзалу своей северной частью... Паровой свисток, изгнанный с реки, раздаётся властно и невозбранно, растут склады, магазины, каменные дома... Старый исторический «городок» прижимается южною частью к Яику с его нетронутыми водами и учугом.

Это два полюса, два разных периода истории, Европа и Азия, прошедшее и будущее казачьей страны...

На самом рубеже между ними, как бы заступая дорогу надвигающейся Европе, на «Большой» городской улице стоит старый собор, почтенное серое здание с шатровыми крышами и облупившейся штукатуркой. Это тот самый собор, колокольня которого была когда-то взорвана пугачёвцами. До сих пор старожилы указывают груды камней и щебня, отмечающих место этого взрыва. Здесь же около собора находился небольшой «ретраншемент», в котором полковник Симанов с «верными» старшинской стороны казаками отсиживался от овладевших городом пугачёвцев.

Всё здесь носит характер глубокой, седой старины. Рассказывают, между прочим, что будто старый собор упорно «не принимает новой штукатурки» и уже несколько раз сбрасывал её с себя, как ничтожную шелуху. Простые казаки говорят об этом факте с глубоким убеждением и суеверной многозначительностью, офицеры с некоторым недоумением. Факт (объясняемый, быть может, особыми свойствами «войсковой» штукатурки) устанавливается многочисленными показаниями: старый собор упрямо отменяет новую оболочку и как бы подаёт пример консерватизма своим смиренным соседям...

Внутри этого собора, на правой стороне, невдалеке от входа, бросается в глаза грубая каменная гробница, в форме саркофага, покрытая частью облупившейся тёмною краской. Над этой загадочною гробницей носятся сбивчивые предания. Говорят, между прочим, будто один из священников Петропавловской церкви (находившейся вне ретраншемента, во власти пугачёвцев) отказался венчать Пугачёва с казачкой Устиньей Кузнецовой и за это был замучен. Казаки «верной стороны» похитили его тело и положили в эту гробницу. Кажется, это предание неверно: исторические источники нигде не упоминают об этой казни. Наоборот, после захвата Пугачёва яицкие священники подверглись суровым карам за излишнюю уступчивость требованиям «набеглого царя». По другой версии – под видом похорон попа полковник Симанов и осаждённые «старшинские» казаки скрыли в гробнице войсковые регалии, – атаманские насеки и грамоты царей войску, – опасаясь, чтобы всё это не попало в руки пугачёвцев, если бы они взяли «ретраншемент». Как бы то ни было, таинственная гробница, неведомо кем поставленная в углу старого казачьего собора, привлекает общее внимание. В войске издавна существует легенда о какой-то грамоте царя Михаила Фёдоровича, в силу которой казакам отдавалась река Яик от вершин и до моря, со всеми притоками. Эта заманчивая грамота, сгоревшая будто бы в большой пожар ещё в начале XVII столетия, служила предметом настойчивых розысков, и уже во времена Петра Великого зимовые яицкие станицы потратили немало денег, роаясь в столичных архивах. Но никаких следов грамоты не нашлось, значит, она не могла и попасть в гробницу. В войске, однако, существует упорное убеждение, что какие-то реликвии казачьего строя и, может быть, какие-то его «права» дремлют в гробнице, в недрах старого собора, не принимающего новой штукатурки².

Вокруг собора и за ним раскинулись «курежи»: убогие деревянные домишки, порой плетнёвые мазанки с плоскими крышами. Здесь уже и не пахнет городом. Казачата играют в уличной пыли и на мураве, мимо церкви бредёт старый-престарый казачище с посошком и бормочет что-то про себя. Вдали виднеются крутые, глинистые обрывы Урала, уже на другой, «бухарской» стороне. И под шум степного ветра, налетающего оттуда и крутящего вихрями летучую пыль, как-то даже забываешь, что стоишь на той же улице, в другом конце которой красуется триумфальная арка, европейские магазины, вокзал, элеваторы...

2 В интересах истории подымался даже вопрос о вскрытии гробницы, но дело это заглохло, кажется, в духовном ведомстве.

В куренях есть свои исторические достопримечательности. На углу Большой и Стремянной улиц показывают два скромных дома. Один из них, угловой, – деревянный, сложен, очевидно, очень давно, из крепкого лесу.

Брёвна отлично ещё сохранились, хотя один угол сильно врос в землю, отчего стены покосились, а тес на крыше весь оброс лишаями и истлел, кое-где превратившись в мочало. Другой, стоящий рядом, в глубь Стремянной улицы, тоже очень старый, сложен из кирпича с некоторыми претензиями на «архитектурные украшения». Он тоже весь облупился. Слепые окна отливают радужными побежалостями, крыльцо, выходящее во двор, весь заставленный кизяками, погнулось под бременем лет до такой степени, что могло бы возбудить любопытство архитектора самым фактом своего равновесия.

Местное предание гласит, что первый дом (деревянный) принадлежал казаку Петру Кузнецову, откуда Пугачёв взял себе невесту, Устинью Петровну, ставшую на короткое время «казачьей царицей». В каменном – жил будто бы сам Пугачёв во время наездов из Оренбурга...

Есть много оснований считать это предание верным. Местный старожил и литератор, Вяч. Петр. Бородин передавал мне, что несколько лет назад, при перекладке печи в каменном доме, печники нашли целую связку старинных бумаг, по-видимому, тщательно скрытых под печью. Очень может быть, что в связке этой находились интереснейшие материалы для истории Пугачёва, но, к сожалению, полицейский надзиратель, знавший об этом факте, рассказал о нём слишком поздно, и отыскать бумаг не удалось...

Эта находка отчасти подтверждает, что старое каменное здание играло какую-то особенную роль в историческом движении. По словам того же В. П. Бородина, каменный дом принадлежал Кузнецову, и в нём жила Устинья уже царицей, а Пугачёв останавливался у неё во время своих наездов в Уральск. Мне кажется, однако, что предание, связывающее оба соседние дома и называющее деревянный домик кузнецовским, вернее. Известно, во-первых, что Кузнецов был казак небогатый, а каменных домов в то время было немного... Во-вторых, г-н Дубровин («Пугачёв и пугачёвцы») говорит, что перед вторым отъездом в Оренбург Пугачёв перевёл свою новую жену в бородинский дом, лучшее здание в городе. Место этого дома указывают теперь различно: это или нынешний атаманский дом на Большой улице, или ещё один дом, давно уже перестроенный так, что от прежнего едва ли остались и стены.

Смутное предание и это точное указание истории легко примиряются, если принять во внимание, что Пугачёв приезжал в Уральск ещё

до своей женитьбы. Как известно, он дважды вёл подкопы под ретраншемент и сам постоянно руководил минными работами. Следы одной из этих мин и теперь ещё видны в куренях, по направлению от собора – на юго-запад. Очень возможно, что вначале Пугачёв сам жил в этом каменном доме, распорядясь осадой и подкопом, а Кузнецовы были в это время его ближайшими соседями.

Выдающийся уральский исследователь и знаток старины покойный Иоасаф Игнатьевич Железнов в первой половине прошлого столетия собрал много живых ещё преданий того времени, частью записанных со слов очевидцев и, во всяком случае, по свежим следам. Одна из рассказчиц, столетняя монахиня Анисья Невзорова, говорила Железнову (в 1858 г.) о знакомстве Пугачёва с будущей «царицей».

– Сидит это он, Пётр Фёдорович, под окном и смотрит на улицу, а Устинья Петровна на ту пору бежит через улицу, в одной фуфаячке да в кисейной рубашечке, рукава засучены по локоть, а руки в красной краске (она занималась рукодельем: шерсть красила да кушаки ткала), Тут он в неё и влюбился.

Этот рассказ современницы тоже указывает на близкое соседство обоих домов и подтверждает предание, витающее над этими полуразвалившимися зданиями на Стремянной: из окон этого каменного дома Пугачёв мог видеть красавицу Устю, пробежавшую «по-домашнему» через улицу. И это определило трагическую судьбу молодой казачки.

В старинных «делах», которые я имел случай читать в войсковом архиве, не раз упоминается о «называемом дворце» Пугачёва. Весьма вероятно, что и сватовство, и свадьба происходили ещё в этом скромном доме. Судя по историческим данным, Устинья шла за «набеглого царя» неохотно. Когда к ней приехали сваты, она спряталась в подполье.

– И что они, дьяволы, псовы дети, ко мне привязались? – говорила она.

Во второй раз к ней приехал уже сам Пугачёв, но и тут Устинья и её отец неохотно шли навстречу высокой чести.

После свадьбы и второго взрыва Пугачёв опять уехал в Оренбург, но прежде он образовал целый штат «придворных» около новой «царицы». В бумагах войскового архива в списках арестантов, содержащихся во время усмирения бунта при войсковой канцелярии, я встретил, между прочим, имена:

«Устиньи Пугачёвой», содержащейся «за выход в замужество за известного злодея, самозванца Пугачёва, и за принятие на себя высокой фамилии»;

Сестры её Марьи Кузнецовой – «по обязательству сродством с беззаконным самозванцем»;

Петра Кузнецова – «за отдачу дочери своей Устиньи Петровой за злодея Пугачёва»;

Семёна Шелудякова – «за бытие в самозванцевой партии и за езду от самозванцевой жены к злодею Пугачёву по почте под Оренбург с письмами»;

Устиньи Толкачёвой – «за бытие при самозванцевой жене за фрейлину»;

Старшинской жёнки Прасковьи Иванаевой – «за бытие у самозванцевой жены стряпухой»;

И, наконец, молодого казака-подростка – «за бытие при называемом дворце в пажих».

Брак этот не принёс счастья Пугачёву и погубил бедную молодую казачку, захваченную вихрем исторических событий. Свадьба происходила под гром неважных пушчонок из ретраншемента, в котором укрепился Симанов с «верными казаками».

В «куренях» пугачёвцы тоже построили свою «воровскую батарею». Командовал ею мрачный Карга. Шла постоянная перестрелка. Летали ядра, пули, киргизские стрелы, язвительные слова. На древка стрел и дротиков привязывались разные укорительные письма... Бунтовщики самым язвительным образом отзывались о царице Екатерине. Симановцы осыпали оскорблениями её невольную соперницу...

Сила Пугачёва была в наивной и глубокой народной вере, в обаянии измечтанного страдальца-царя, познавшего на себе гонение, несущего волю страдальцу-народу.

Женитьба при живой жене была яркой, бьющей в глаза неправдой. Увлечение Пугачёва было, должно быть, очень сильно, а оскорбить хороший казачий род незаконной связью он, по-видимому, боялся.

Роковая для Устиньи свадьба состоялась. Совесть искренних пугачёвцев была смущена. Покорное Пугачёву духовенство отказалось поминать новую «царицу» в ектеньях «до синодского указа»... Крыша кузнецовского дома была видна из ретраншемента. Ликование кощунственной свадьбы доносилось за стены укрепления, поддерживая не одну уже, быть может, колебавшуюся совесть «верной стороны». Если не симановские пушки, то полемические стрелы из ретраншемента приобрели после этого новую силу...

Как бы то ни было, – этот невзрачный, покосившийся дом видел в своих стенах своеобразный «придворный штат» фантастической царицы. Здесь толпились фрейлины – недавние подруги её по куреням – и пажи-казачата. Пугачёв, как известно, относился к Устинье с уважением и доверием. По всем данным, Устинья была скромная женщина, не вмешивавшаяся в дела и никому не сделавшая ни малейшего вреда в период своего сказочного царствования.

Впоследствии, по приказанию Панина, на Яик и в Оренбург были присланы особые вопросы пункты о поступках Пугачёва и пугачёвцев. Нет сомнения, что это расследование не оставило бы без внимания каких-нибудь смешных или предосудительных выходовк выскочки-царицы, если бы они были. Но их не было. Устинья в своём исключительном положении вела себя скромно, с каким-то непосредственным тактом, и даже в те времена бездушной формалистики, когда всякая вина была виновата, она была признана по сентенции невиновной...

По временам у неё являлись сомнения... Не раз по ночам молодая казачка плакала и приставала к загадочному человеку, неожиданно ставшему её мужем, с расспросами: кто он такой, действительно ли царь и по какому праву захватил её молодую жизнь в водоворот своей туманной и бурной карьеры? Указание на драму, начавшуюся в стенах этого дома, сохранилось в допросах Устиньи, приводимых г-м Дубровиным. Но, разумеется, подлый деревянный язык застеночных протоколов не мог сохранить трогательных оттенков трагедии женского сердца... Жалобы и слёзы юной казачки, смущённые ответы таинственного и мрачного человека, неожиданно вмешавшегося в её жизнь, – всё это теперь стало тайной старого дома. А так как и действительный Пугачёв далеко не похож на то «исчадие ада», каким, по старой привычке, изображала его история, то очень может быть, что в эти минуты, наедине с молодой женой, ему бывало труднее, чем на полях битв, на приступах или позднее при «расспросах» с пристрастием Павла Потёмкина...

Может быть, отчасти поэтому он не жилав долго в Яицком городке и, примчавшись из Берды с небольшими отрядами по зауральской стороне, скоро опять мчался обратно снежными степями, рискуя встретиться с разъездами противников или попасть в руки орды...

Печальна дальнейшая судьба бедной казачьей царицы. Пугачёв проиграл своё дело на Яике. Он умчался из-под Оренбурга, чтобы ещё раз пронестись ураганом по заводской и крепостной восточной России, а Симанов со старшинской партией вышли из ретраншемента, и началась расправа. Устинья со всем своим штатом попала из «называемого дворца» в тюрьму при войсковой канцелярии. Потом пошли этапы, кордегардии, тюрьмы, эшафоты. Существует очень правдоподобный рассказ, будто бы Екатерина пожелала лично видеть свою фантастическую соперницу. Свидание состоялось. Екатерина нашла, что Устинья далеко не так красива, как о ней говорили. После всего, что пришлось перенести бедной казачке, полуре-

бёнку, на пути от этого скромного деревянного домика в куренях до дворца Екатерины, отзыву этому можно, пожалуй, поверить...

Это свидание могло бы послужить благодарным сюжетом для интересной исторической картины. После него Устинья исчезает надолго в казематах Кексгольмской крепости. Более четверти века спустя (в 1803 г.) царственный внук Екатерины, мечтательный и гуманный Александр I, обходя эти казематы, встретил там, между прочим, и Устинью. На вопрос государя ему сообщили, что это вторая жена Пугачёва. Александр тотчас же приказал освободить её, но, конечно, это пришло уже слишком поздно...

Да, торжественная история имеет также свои задворки, совсем не торжественные и не красивые. Бедная Устя, скромная казачка из куреней, красивый мотылёк, захваченный бурей исторического движения, – и великая императрица... Кто их рассудит, и если кто рассудит, то какой тяжестью ляжет на чашку великих дел Екатерины несчастная судьба скромной казачки?

.....
В обоих исторических домах живут какие-то бедняги-татары. В то время, как я внимательно осматривал их и снимал фотографии, хозяев не было дома. Тусклые окна загадочно глядели на улицу. Двор, на котором некогда толпились казачьи старшины, полковники и «генералы», передразнивавшие графов и князей екатерининской свиты, зарос муравой и был покрыт кучами кизяка, запасённого на зиму бедной татаркой. Деревянное крыльцо, на котором, вероятно, саживал казачий царь, творивший свою расправу, уже совсем покосилось, и верёвка для грязного белья тянулась между колонками широкой террасы.

Пока я с моим спутником П. Я. Шелудяковым, потомком очень видного пугачёвца, ходили вокруг дома, заглядывая во двор, к вам стали собираться обитатели заинтересованных куреней, казаки и татары. Один из них сообщил с таинственной многозначительностью, что в каменном что-то «непросто»...

- Мотри, – непременно есть что-нибудь...
- Что же именно?..
- Да уж... Чего говорить-то...

Оказалось, по рассказам соседей, что живущая в бывшем «дворце» вдова-татарка слышит по временам под полом возню, шум, голоса и стоны. В смутном сознании куренных обывателей полуразвалившееся здание всё ещё хранит и бурные страсти, и невыплаканные слёзы его бывших обитателей.

Самое наше посещение создало в куренях новую легенду: обыватели заключили, что цель нашего осмотра – покупка «казною» пугачёвского дома как бывшего царского дворца. Может быть, в интересах истории это и следовало бы сделать, но... эти достопримечательности

куреней – памятники «опальные», о которых никто не позаботится, пока они, покорные времени, не сровняются с землей...

С этими мыслями в голове, с трогательным и грустным образом бедной Усти в воображении оставил я Стремянный переулок. «Дворец» стоял всё так же насупленный и молчаливый, в окне кузнецовского дома мелькнуло за стеклом детское личико. Степной ветер взмётывал белёдые листья тополей над старым руслом реки, а невдалеке, в своих крутых берегах, бурлил и метался дикий Яик...

ГЛАВА IV

ПОЕЗДКА ПО ВЕРХОВЫМ СТАНИЦАМ.

– НОЧЛЕГ В ТРЕКИНЫХ ХУТОРАХ. – «КОЧКИН ПИР». – ПОСЛЕДНИЕ ОТГОЛОСКИ КРАМОЛЫ. – ОБ «АНГЛИЧАНКЕ»

Я собрался в поездку по «верховым» станицам, т. е. кверху от Уральска, до Илека, где уже кончается область Уральского войска.

Для этого я купил себе лошадь. Это был заслуженный когда-то строевой конь, постепенно опускавшийся по ступенькам житейской карьеры и перед моей поездкой исполнявший скромную работу при молотилке на войсковой учебной ферме. Опытный глаз мог ещё различить сквозь худобу и опущенность прежние статьи хорошей казачьей лошади.

Добрые люди снабдили меня тоже изрядно послужившей на своём веку тележкой на погнувшихся дрогах, и, наконец, благоприятная судьба послала мне прекрасного спутника в лице Макара Егоровича Верушкина, илецкого казака, учителя с той же учебной фермы. Он ехал в Илек к родным.

На склоне июльского жаркого дня, снарядившись в путь, мы двинулись из садов через Чаган луговыми и степными дорогами. Вся совокупность нашей скромной экспедиции – и костистая лошадь, и скрипучая тележка, и наши фигуры в белых картузах, скоро покрывшихся летучей степной пылью, – ничем не нарушала привычной картины степной дороги, то лениво взбегавшей на увалы, то тянувшейся серою лентой между бахчами...

Солнце сильно склонилось к закату. Последние лучи играли ещё на верхушке триумфальной арки и церковных главах Уральска, когда, минуя «Баскачкину ростошь» и Солдатскую Старицу (старое русло Урала) и перерезав пыльный тракт, мы поднялись на широкий увал, и тележка покатила ровною степью... Перед нами была безграничная степь. Даль обволакивалась лёгкою предвечернею дымкой, и только вправо зелёная полоска лесной поросли отмечала вдали берега излучистого Урала...

Солнце совсем уже село, и тёплые сумерки лежали над степями, когда наша тележка въехала в улицы Трекиных хуторов, где мы наметили свой первый ночлег.

На улицах стояла тишина, свойственная этому неопределённому сумеречному часу. Кое-где на завалинках и брёвнах виднелись группы казаков, занятых разговорами. К одной из таких групп мы и привернули со своей тележкой.

– Доброго здоровья, – сказал мой спутник.

– Здравствуйте, – ответили казаки. – Кого надо?

– Где тут живёт ваш уполномоченный NN?

Я уже говорил о «съезде уполномоченных», заменяющем казачье земство. Население относится очень сочувственно к этому учреждению, и звание уполномоченного считается очень почётным званием. Один из моих уральских добрых знакомых, Н. А. Бородин, бывший петровец, учёный войсковой рыбовод, предвидя возможность недоверия станичников к иногороднему приезжему человеку, снабдил меня письмами к нескольким уполномоченным. В этих письмах, подписанных тремя интеллигентными казаками, бывшими председателями съездов, сообщалось о цели моей поездки, и уполномоченные приглашались оказать мне содействие по собиранию нужных сведений. Бумага эта осталась без действия, так как в это время почти все «уполномоченные», по большей части почтенные старики, были на багчах или в полях. Но всё же самая возможность ссылки на это письмо давала мне своего рода опорный пункт и служила началом разговора... На наш вопрос об уполномоченных один из казаков ответил:

– Он в городе. Да вам его зачем?

– Письмо у нас от Николая Андреевича Бородин. Переночевать бы.

– Так что же! Это и у меня можно, – сказал, подымаясь, высокий бородатый казак... – Мы Николая Андреевича тоже довольно знаем. – И он стал отворять плетнёвые ворота.

Мы, разумеется, охотно приняли приглашение и въехали во двор. Постройки в этой безлесной местности имеют особый характер. Отличительная черта – преобладание плетней и чрезвычайная экономия материала. Маленькие, чистенькие мазаночки с плоскими крышами придают своеобразный вид широким станичным улицам. Дворы тоже обносятся плетнями.

– Где хотите ночевать, – спросил у нас хозяин, – на дворе, а то в светёлке?

Он только что вышел, наклоняясь в дверях, из своей избы, куда ходил распорядиться насчёт самовара, и я искренне удивлялся, как могут такие большие люди помещаться в таких игрушечных жилищах. Ночлег в жаркой светёл-

ке нам не улыбался, и мы попросили устроить нас на дворе.

Вынесли самовар. Вечер был тихий и ласковый. Пламя свечи, поставленной на земле, стояло ровно, не колыхаясь, и освещало группу казаков, собравшихся из любопытства и сидевших на земле по-киргизски на корточках. Одного из них, седого старика с буйными седыми кудрями, выбивавшимися из-под слишком узкого форменного картуза, позвал хозяин, узнавший о цели моей поездки, – как человека, для меня интересного: дед его хорошо знал Пугачёва.

– Как же, как же... Хорошо знал, – заговорил старик, довольный вниманием, и, оглянувшись на слушателей, прибавил с благодушной улыбкой:

– Вместе сурков вылавливали в степи...

– Как это? – спросил я с недоумением.

– А так, очень просто. Найдут сурчину... ямку, значит. Пьют воду – сурок и выскочит. Он его сейчас придавит к земле подожком...

– Да зачем ему было сурков давить?

– То-то вот, подумай ты. Бывало, тоже и дедушка спрашивает его: зачем, говорит, это вам, ваше превосходительство?.. А он и говорит... – Старик делает свирепое лицо и таращит глаза. – Этак же, говорит, ваших отцов, старых казаков... вс-сех передавлю...

– Эх, – не то рассказывает, – говорят слушатели.

– Спутал.

– Это он о другом. О Волконском это...

Старик сконфуженно оглядывается... Он действительно спутал. У Иоасафа Игнатъевича Железнова, уральского бытописателя и историка, есть колоритный рассказ старого казака о князе Волконском, оренбургском губернаторе в начале XIX века. Дело тогда шло о введении в казачьем войске «чередовой» службы. Казаки противились: они видели в этом первый шаг к регулярщине... Началось сильное брожение. Казаки отказались послать требуемый начальством полк в Грузию. В это-то время, чтобы ознакомиться с причинами и характером движения, из Оренбурга приехал князь Волконский. Сначала он «принял на себя суворовские замашки», притворился простачком, ходил по домам и толковал с бабами об их житье-бытье, а с ребятами выходил потешиться в поле, выливать земляных тушканчиков... Эта генеральская «блажь» не обманула, однако, казаков, и войско смотрело на него с прежней чуткой подозрительностью. Действительно, месяца через два Волконский вернулся с несколькими батальонами солдат и с отрядом башкир. Казаки встретили его с хлебом-солью, но он хлеба-соли не принял, пока казаки не примут от него то, что он привёз.

– От добра, батюшка, не откажемся, – ответили казаки, догадываясь, что дело идёт о «штате», – а что не по нас, не обессудь, кормилец, – совесть претит...

– А это что? – спросил Волконский, указывая на башкир и солдат.

– Не знаем, батюшка. Должно быть, детки твои, – сказали казаки. – И игрушки в руках у них славные. Не бесчестно и взрослым поиграть. У нас, кормилец, есть такие же. На вид немудрые, а в деле добрые. Только не обессудь – мы их дома оставили. Думали, не понадобятся.

Перед генералом был «русский бунт», с хлебом-солью и пассивным упорством. Волконский пригрозил всех расстрелять. – «Стреляй, есть когда не жаль царского пороха». – И казаки стояли на месте.

Волконский расквартировал войска в городе и велел разойтись по домам. Казаки не пошли, и около трёх суток стояли на морозе «за башней». Неизвестно, что вышло бы из этого бунта «стоянием», но генерал прекратил его.

Он выехал «за башню» и велел разойтись. Казаки не двинулись. Волконский приказал схватить и выпороть зачинщиков. Их схватили, растянули на земле, но остальные бунтовщики кинулись к ним, скидали на ходу штаны и покрывали зачинщиков своими телами:

– Их бить, так и нас бей...

По команде солдаты и башкиры кинулись бить всех не разбирая. Били усердно. После побоища осталась куча избитых и изувеченных тел, но никто не оказал сопротивления. Потом жёны приезжали на санях (дело было в ноябре), сваливали на них мужей, как колоды, и увозили в город.

Между городом и садами на небольшом холмике и теперь стоят ещё два креста. Предание приурочивает к этому месту описанное событие. Отрядом командовал майор Кочкин, и самое событие живёт в народе под именем «Кочкина пира».

Старик, рассказавший о сурках вместо Пугачёва, сконфуженно моргал глазами... Слушатели смеялись.

– Стар дедушка, немудрено и забыть, – заступился я.

– Какое стар, – насмешливо заметил один из казаков. – До сих пор «наёмку» плотит.

«Наёмка» – старый войсковой обычай, из-за которого тоже было много замешательств. Не желающие служить вне области нанимали за себя охотников. Впоследствии это выродилось в налог, который остающиеся платят в войсковую казну вместо службы натурой (после обязательного срока). Списки ведутся безобразно, и на этой почве много злоупотреблений. Жертва одной из таких «ошибок» была перед нами. Это был старик с совершенно седыми густы-

ми кудрями и тусклыми, когда-то голубыми глазами. На нём был смешной серый пиджак и форменные штаны с лампасами. Глаза глядели с тупой покорностью, но на лице застыло выражение застарелой обиды.

Судьба его – типичная судьба многих бедняков, сынов вольной, неделёной степи. Он одинок, потому что за службой не успел жениться; беден, потому что за службой не мог пользоваться дарами вольной степи и вольной реки. И вдобавок теперь, в конце седьмого десятка, когда он уже двигается с трудом, он всё ещё вынужден откупаться от этой обездолившей его службы.

Насмешки над беднягой стихли. В нашем кружке водворилось молчание.

– Как же это вышло? – спросил я. – Почему вы, дедушка, не жаловались?..

– Как не жалился!.. Подавал в правление сколько раз... Да что?..

– Ты бы, дед, к студенту какому ходил, – серьёзно посоветовал кто-то...

Это упоминание о «студенте» на казачьем дворе меня заинтересовало. Оказалось, что под «студентами» говоривший разумел группу интеллигентных казаков, окончивших высшие учебные заведения и вернувшихся на родину. Один из них, Н. А. Бородин, бывший петровец, обратил на себя внимание в качестве учёного техника по войсковому рыболовству. Другой, Ив. Ив. Шанаев, был войсковым агрономом, и ещё раньше провёл целую земельную реформу в родном Илеке. Третий служил мировым судьёй. Деятельность этой группы образованной молодёжи быстро выделила её на общем фоне казачьей бюрократии, и часто старые казаки голосовали заодно с ними в съездах уполномоченных. Исконные казачьи обычаи протягивали руку молодой оппозиции...

Становилось поздно. Казачка принесла свежее сена и постелила на дворе под стенкой избы. Свечка всё ещё горела ровным пламенем, хотя в ней не было надобности. Луна стояла в зените и заглядывала в наш дворик. Казаки разошлись, но человека три, в том числе и хозяин, продолжали беседовать около потухшего самовара.

Упоминание о Кочкином пире дало направление разговору. Последняя вспышка борьбы «с регулярством» была ещё у многих на памяти. В 1874 году генерал Крыжановский перед какой-то новой частичной реформой вздумал вперёд заручиться покорностью казаков и потребовал, чтобы казаки дали подписку: мы, дескать, такие-то, обязуемся повиноваться верховной власти. Ничего больше. Но эта нелепая беспредметная подписка взбудоражила всё войско. К чему? Что значит? На какой предмет?.. Сразу встала старая подозрительность и пассивная крамола...

– Призвал меня генерал Бизянов, – рассказывал мне старый заслуженный казак, – и говорит: – Слушай, Пахомов³. Ты, я знаю, верный слуга, вся грудь у тебя в заслугах. – Рад, говорю, стараться, ваше превосходительство. – Ты, говорит, Богу и великому государю повинешься? – Винуюсь, говорю. Богу, великому государю всем войском, во всякое время. – Давай подписку. – Никак не могу, ваше превосходительство. Подписаться нам невозможно.

– Почему же? – спросил я.

Он посмотрел на меня лукаво и многозначительно.

– Подписаться?.. Лёгкое ли дело? За эдакие подписки знаешь что бывает? «Обязуюсь повиноваться верховной власти!» А они что-нибудь против государя... Тогда как? Тоже обязуюсь повиноваться?

– Да ведь верховная власть это и есть государь.

– Государь император – особо. А верховная власть – высшее начальство... Нет... Знаем мы... Учены...

Таково это степное верноподданство. Оно решительно отделяет царя от реальной власти, идеализирует его, но вместе превращает в отвлечённость. И затем противится реальной власти во имя этой мифической силы...

На этот раз опасный призрак был вызван без всякой реальной надобности. Генерал-губернатор Крыжановский придал истории характер отказа от повиновения государю и раздул её в целый бунт. И опять повторились сцены «Кочкина пира». Непокорных казаков высылали к Аму-Дарье, на Аральское море. Гнали этих «уходцев» двумя путями. Одних через Уральский мост у города Уральска, киргизской степью, других через верховые станицы с переправой у Илека. Каждый раз, как изгнанников перегоняли на «киргизскую» сторону, – происходили раздирающие сцены. Казаки сбивались в кучу, обнявшись, «ревели в голос» и не хотели уходить с родной земли. Их били нагайками. Старики и молодые держались вместе, а оторванные от кучи – опять ползли по земле к своим... Теперь большинство «уходцев» уже вернулись на родину...

– Отличные казаки! – говорил мне один офицер. – Но подписки и теперь ни за что не дали бы...

Значительная часть, однако, самые непримиримые, и теперь остаются в изгнании. Особенно много «уходцев» из Свистуна.

– Мимо нашего посёлка и гнали их на Гниловскую станицу, – рассказывал теперь наш хозяин. – Мы с братом в ту пору в полевых казаках служили, а в дому дед жил, лет девяноста. Так он что же сделал, послушайте... Одедся, по-

сошок взял в руки и пошёл себе за уходцами. «Куда, мол, дедушка, бредёшь?» – спрашивают шабры. – «А куда людей гонят, туда и я». Прибежали к нам, сказывают: вот какое дело, дед у вас за уходцами ушёл... Брат скочил на лошадь, догнал в Кирсанове... А уж дедушка наш под караулом идёт! – «Что такое? Как можете старика гнать? Ему девяносто лет». Насилу уже отняли, да и сам ещё старый туда же, упирается: «Куда старое войско, туда, дескать, и я... Помру, говорит, со старым войском»... Ну, взял его брат на руки, как ребёнка малого, посадил в телегу, айда назад. Во всю дорогу заливался, плакал... Я, говорит, за старым войском...

– Да, дела!.. Как ещё большего худа не вышло!

– Растревожили войско с «подпиской» этой... А ведь наше войско какое...

– Известно: войско сурьёзное.

Лёжа на сене, я начинаю дремать. В промежутках, раскрывая глаза, вижу силуэты бородатых людей, сидящих в кружок. В центре – говорун хозяин оживлённо размахивает руками. Обрывки долетающих до сознания разговоров становятся всё фантастичнее... Речь идёт о политике, о китайской войне, об «англичанке», о Скобелеве. Скобелев вовсе не умер, неправда!.. Вообще на Урале знаменитые люди бессмертны... Не умер в своё время Пётр III, не казнили Пугачёва и Чикю, Елизавета Петровна после своей смерти очутилась неведомыми судьбами в пещере на Уральском сырту, император Николай I тоже «ходил» и являлся казакам...

Что касается Скобелева, то он был приговорён к расстрелу: обидел «англичанку»...

– Стал Скобелев на Балканах против Царя-града, только руку протянуть... А она, англичанка, загородила дорогу, не пускает... Немец смеётся: даром что Скобелев на Балканах... Англичанка юбкой потрясёт, он и уберётся... Скобелев услышал и осердился. – Ах она, говорит, такая-сякая... Давай её сюда, я её... Ну, и загнул...

– По-русски!

– Да, по-нашему... Она, конечно, обиделась...

– Всё-таки, как бы ни было, королева...

– Само собой... Не то что королева – императрица! Ну, нашему царю из-за Скобелева не воевать стать. И скрыли: будто расстрелян за это, за самое... А подойдёт война, он тут...

– Хитра англичанка страсть!.. Шла раз со своими флотами к нашей приморской крепости. Идёт морем, а самое не видать – все флоты под водой, взять нечем. Однако нашёлся тут солдатик один, хитрее её... Посмотрите, говорит, господа адмиралы, в подозрную трубку. Не увидите ли чего на море? Посмотрели – видно: гусёк по морю плывёт. Устрелите, гово-

³ Фамилия изменена.

рит, гуська. Навели пушку, устрешили гуська... И вдруг, братцы, из-под воды пошли флоты выходить... Один за одним, один за одним – море укрыли... Ну, тут их, конечно, из пушек...

– А слышь, наши из Манжурии пишут – были в гостях у её...

– Ну?..

– Верно. Угощала. Господ офицеров особенно, ну и караул тоже... Вино, закуски, всё как следует... Хорошо угощала, нечего сказать.

Я слушаю, и в моей голове лениво ползут мысли... Что будет, когда королева Виктория умрёт?.. Как это событие отразится на политической терминологии нашего народа, привыкшего отождествлять английскую нацию с лукавой бабой, сильной женскою хитростью и коварством... И вдруг «англичанка» превратится с воцарением наследника в мужчину⁴.

– Поймай ты мне, говорит, шипа⁵... Я, говорит, завтра к тебе буду...

Это идёт разговор на более современную тему. «Студент», учёный рыбовод Бородин, по приязнелству попросил нашего хозяина поймать ему икряную самку шипа для каких-то опытов над живой икрой. Лукавый казак вздумал подшутить над учёным. Шипа поймал, но икру вынул, продержал сутки, потом опять положил на место. Самка шипа, несмотря на эту операцию, осталась жива. Я начинаю с интересом прислушиваться...

– Приехал... – «Поймал ли?» – говорит. – Как же, вот она. – «Икряная?» – Так точно. – «И жива?» – Жива... Взял он сейчас стекляночки, налил чего-то.

– Ну, и что же? – живо спрашивают слушатели...

– Поболтал икру, посмотрел и говорит: «Подлец ты, Митрий Михайлович, а ещё приятель считаешься. Икру вчера вынул...».

– Ишь ты... Значит, ловок...

– Д-да-а... не проведёшь...

Я успокаиваюсь насчёт репутации моего приятеля и окончательно засыпаю – под отдалённый лай станичных собак. Они то кидаются в степь, то гурьбой убегают от какого-то врага в станицу... На рассвете одна из них возвращается на двор и, увидев нас, решает познакомиться ближе с гостями. А так как я лежал у самого края, то, подойдя ко мне, она стала обнюхивать мой лоб и лицо...

Я приподнялся с похолодевшей подушки... Небо сильно посветлело, бледная луна скрывалась за крыши. Рядом со мной, раскинувшись, спал гигант хозяин и что-то бормотал во сне. Может быть, он брал со Скобелевым крепости, или ему грезились бурные времена в сурьёзном войске...

4 Моя поездка была ещё до смерти королевы Виктории.

5 Шип – мелкая порода осетра.

ГЛАВА V

ПЕСЧАНАЯ МЕТЕЛЬ. – ТРЕБУХИНСКИЙ ПОСЁЛОК. – СТАРЫЙ КАЗАК ХОХЛАЧЁВ.

– О ПУГАЧЁВЕ. – О КИРГИЗАХ И ИХ УСМИРЕНИИ: – УБИЕННЫЙ МАР И СТАРОЕ ПОЛЕ БИТВЫ

В дальнейший путь мы двинулись рано. Отдохнувшая лошадь бежала резво, но скоро пришлось ехать шагом.

Подымался лёгкий ветер и, оглянувшись на Трекины, я увидел посёлок точно сквозь метель. Это по степи нёсся тонкий, сыпучий переносный песок... Песком завалило дорогу, колёса уходили в него чуть не по ступицу и трудно ворочались с тяжёлым сухим шипением... Целые гряды больших песчаных бугров, голых или слегка поросших жёстким кияком, легли по степи, и верхушки их курились под лёгким ветром, точно огнедышащие горы...

Эти переносные пески представляют настоящую угрозу нашим юго-восточным степям... В тот год была на Урале образована комиссия для обсуждения мер борьбы с грозным явлением. Но пока что песок, как столбы снега в зимнюю метель, мчался по степи, курясь по всему степному простору...

Дорога прижалась к длинному узкому озеру, к самому берегу которого уже подступили огромные песчаные холмы... Наметённые бугры лежали, как застывшие волны. И всё это курилось, и свистела сухая поросль колючей «солянки», и тонкая пелена песку неслась дальше, ложась на зелёные камыши озера...

Мы миновали посад Гниловский. Когда-то, очевидно, он стоял над самой рекой, на красивой правильной излуине, образовавшей почти полный круг. Но впоследствии река изменила своё русло, прорыла прямой ход, и казачий посёлок стоит над обсохшим яром.

Вправо от дороги, красиво расположенный на увале, показался посёлок Дарьинский, потом Вшивка и Дьяковский посёлок. С последним связано предание о «дьяке», который в старину отговаривал походного казачьего атамана идти на Хиву. Атаман, взбешённый карканьем дьяка в самом начале похода, повесил его на бугре и пошёл дальше, но предсказание дьяка сбылось: и атаман, и весь казачий отряд погибли в знойных хивинских песках. Вообще ряд хивинских походов был чрезвычайно несчастлив для уральцев. Памятный зимний поход ген. Перовского завершил эти неудачи настоящей катастрофой, и на Урале установилось убеждение, что Хива город заклятый и взять её невозможно... Теперь, конечно, убеждение это уже разрушено, как и много других «заклятий».

В середине дня мы сделали привал в Рубежной на казачьем постоялом дворе, отмеченном, по местному обыкновению, клоком сена, мотавшимся на шесте над воротами. Здесь, под навесами, укрытый в густой тени, стоял тарантас проезжего торгового казака, и ещё один молодой казак, тоже проезжий, сидел, свесив грустно голову, на своей телеге, пока его лошадь жевала сено. Он был отпущен домой со службы по болезни, прожил год на родине и теперь ехал в Уральск, в комиссию, для нового освидетельствования... Он сильно загорел, но глаза у него были больные и грустные. Мне сразу вспомнился больной казак, которого я встретил в поезде. Так же грустно глядели его глаза и так же он говорил мне, что «служба казачья чижолая, нет чижеле, зато – земля вольна». Он этой землёй тоже не пользовался, потому что был из бедной семьи и не мог платить наёмку...

Задолго ещё до вечера приехали мы в Требухинский посёлок, расположенный близ устья хорошенькой степной речки Ембулатовки.

Два раза в смутные времена, после убийства генерала Траубенберга и затем во время пугачёвщины, генерал Фрейман, шедший из Оренбурга, переправлялся через Ембулатовку со своим регулярным «деташементом» и артиллерией. Оба раза казаки выбегали навстречу к Ембулатовке тоже с артиллерией и «учиняли здесь сражения», стараясь помешать переправе. Но правильная тактика немца опрокидывала сопротивление удалых яицких наездников. Рассматривая подробную карту Уральской области, я нашёл на ней выше Требухинского посёлка, близ реки, урочище, обозначенное названием «Убиенного мара». Мне пришло в голову, что, быть может, этим грустным именем народная память окрестила место битвы, и я хотел посетить его.

В Требухах оказался интересный человек, старый, 89-летний казак Ананий Иванович Хохлачёв. Я слышал о нём как о человеке любознательном, собравшем в своей старой памяти много преданий. Хозяйка постоялого двора, на котором мы остановились, оказалась крестницей Анания Ивановича и охотно вызвалась пригласить его к нам для беседы.

Через полчаса во двор явился рослый старик, с очень длинной седой бородой, в старинной формы стёганом халате и, несмотря на жаркий день, – в валеных сапогах. Глаза Анания Ивановича были старчески тусклы, голос несколько глух, но память ясная, речь связная и толковая. Он был из тех людей, с детства наделённых живой любознательностью, которые жадно прислушиваются к старинной песне, к преданиям и рассказам бывалых людей и стариков...

Он отказался выпить с нами чаю, – скромно и не объясняя причины (на Урале многие

не пьют чаю, считая это грехом), но охотно взял яблоко, которое, впрочем, так и держал всё время в руке (дело было ещё до яблочного Спаса). Но на вопросы отвечал охотно и даже с некоторой гордостью и удовольствием. Это было удовольствие человека, много узнавшего в свою уже закатывающуюся жизнь и готового передать другим кое-что из этого запаса. О Пугачёве он говорил, как о настоящем царе, приводил очень точно разные предания, называя лиц, от которых всё это слышал, и перечисляя степени их родства с самими участниками исторических событий. Заметив, что я записываю кое-что в свою книжку, он выпрямился и, положив руку на столик, сказал:

– Пиши: старый казак Ананий Иванов Хохлачёв говорил тебе: мы, старое войско, так признаём, что настоящий был царь, природный... Так и запиши!.. Правда это...

– А как же, Ананий Иванович, он был неграмотен? Указы сам не подписывал.

– Пустое, – ответил он с уверенностью. – Не толи что русскую, немецку грамоту знал... Вот как! – потому что в немецкой земле рождён... Как ему не знать! Царь природный.

От Пугачёва мы перешли к временам более близким. О своих соседях киргизах Ананий Иванович говорил с глубокой враждой и недоверием.

– Кыргыз – человек вредной, – говорил он. – Бывало, молодой я был... на покос и с покосу к посёлку идём, – что ты думаешь: все кареем, как на войне. Чуть отбился от карея, уж он на тебя насел. Заарканит, пригнётся к луке – айда в степь! Человека волоком тащит... Приволокёт живого в аул, – ладно, в сыр угонит, в Хиву, в Бухару продаст; а помер на аркане, – в степи бросит. Лежите, казачьи косточки... Ему что: убытку мало. Об нас они так понимают, что мы и не люди...

Ананий Иванович засмеялся и покачал своей седой головой...

– Ох-хо-хо!.. Не любили меня... Да, этак-ту вот... Бывало, едет кыргызин от меня. Другой навстречу. «Кем джюрген?» – Значит: отколь едешь? – «Капырнэм джюргем» – от проклятого, дескать, еду... – «Вы, говорю, подлые, зачем так говорите? Я не проклятый, я казак, православной веры человек»... Они наш род и теперь помнят, что их мой дедушка когда-то пушкой бил. И то люди мне говорят: не ходи ты, Ананий Иванович, на бухарску сторону: они на тебя старую кровь имеют...

– Да ведь теперь, говорят, они совсем замирились... Все, действительно, говорят, что «орда» теперь совсем смирна, а один купец в Уральске уверял, что он с деньгами и безоружный проезжал по всей киргизской степи. Нужно только подъехать к аулу и объявить себя гостем, иначе,

пожалуй, ночью могут угнать лошадь. Но грабежей и убийств из-за денег не слыхано, и купцы спят среди степи, нисколько не остерегаясь.

– Это верно, – подтвердил и Ананий Иванович, но тотчас же добавил упрямо: – А всё когда-нибудь змея укусит... Конечно, теперь по-добрели...

Он опять улыбнулся.

– Усмирили мы их... Помню я ещё Давид Мартемьяновича⁶... Вот усмирял кыргыз, ай-ай! Бывало, чуть что – берёт сотню казаков, айда в степь на аулы...

Он посмотрел на меня, и в старых глазах мелькнул огонёк.

– Так они чего делали, кыргызы-то... Видят – беда неминуемая, сами кто уж как может измогаются, а ребятишков соберут в какую ни есть самую последнюю кибитчёнку да кошмами заложат... Значит – к сторонке... Ну, казаки аул разобьют, кибитку арканами сволокут, ребятишки и вывалются, бывало, что тараканы...

– И что же?

– Да что: головёнками об котлы, а то на пики...

Старик говорил просто, всё улыбаясь тою же старческой улыбкой... Ветер слегка шевелил седую бороду и редкие волосы на обнажённой голове казачьего патриарха. Мне вспомнилась повесть И. И. Железнова, чрезвычайно популярная среди уральцев, настоящая казачья эпопея. В ней герой Урала, Василий Струняшев, тоже разбивает головы киргизских ребят о котлы. «Змею убивать, зубов не оставлять», – говорит он, и уральский писатель с умилением изображает своего свирепого героя...

– А что, Ананий Иванович, – вам известно об Убиенном маре?.. – спросил я.

– Это который?

– Да вот на Ембулатовке, верстах в семи от вашего посёлка.

– А, это громом убило зараз четырёх человек... Оттого и назвали. А то ещё есть Убиенный мар поближе, верстах, может, в полуторах... Тут мы, бывало, ребятишки, оружие выкапывали... Так это Фрейман генерал из Ленбурха шёл. Наши с ним сражение делали. Тут он, самое это место, и переправлялся...

Попрощавшись со стариком, мы запрягли свою отдохнувшую лошадь и отправились по левому берегу небольшой степной речки к указанному месту. Большой и широкий курган, каких много рассеяно по степи, вероятно, очень древнего, ещё, может быть, доисторического происхождения, лежал на заливному лугу, а недалеко тянулся невысокий увал. Два не-

больших возвышения, вроде могил, близ этого кургана, быть может, насыпаны над павшими в битве с Фрейманом... Последние косые лучи солнца золотили траву на этих могильниках, и степной ветер шептал что-то невнятное и печальное...

Через час мы ехали дальше по тёмной уже дороге. На юго-востоке подымалась луна, большая и бледная, а книзу от неё по небу лилась тихая гамма чудесных вечерних оттенков. Степь закутывалась мглою, ленивые увалы тянулись по ней, точно ужи, разлэгшиеся на отдых; где-то звенел, как птица, слепыш (маленький степной зверёк, – по уверению моего спутника), кое-где отсвечивали степные озёра, ильмени и ерики... Впереди нас, поскрипывая, ехали две телеги, одна запряжённая верблюдом, другая лошадью. На одной сидел казак, на другой молодая казачка, но теперь они оба уселись на передней телеге, и по временам до нас долетал невнятный разговор. На подъёмах силуэт верблюда рисовался в светлой полоске неба и казался чудовищно громадным...

Мы ехали молча. В памяти у меня всё стояло важное лицо старого казака и его эпически бесстрастный рассказ.

– «Старую кровь вспоминают»... «Головёнками об котлы... а то на пики...»

И при этом взгляд – настоящего праведника...

ГЛАВА VI

В ЯНВАРЦЕВЕ. – КАЗАЧКА-ПОЭТЕССА. – КАЗАК ГРИГОРИЙ ТЕРЕНТЬЕВИЧ ХОХЛОВ. – УРАЛЬСКИЕ «ИСКАТЕЛИ»

Январцевский посёлок Кирсановской станицы имеет вид большого села. В нём до 500 домов, церковь и две школы: одна войсковая (до 70 учеников), другая – церковно-приходская (45). В прежние времена Январцевский форпост (фарфос, как называют казаки) стоял несколько дальше, на ровном месте, над озером. В начале прошлого столетия он перенесён на высокий берег Урала, но теперь жители помышляют опять о старом пепелище. С бухарской стороны ветер замечает реку песком, и стеснённое течение рвёт обрывистый берег, снося огороды, дома, и уже приближается к церковной площади.

Было уже поздно, когда мы въехали на эту площадь и остановились против дома учителя, Александра Осиповича Токарева, знакомого моему спутнику. В доме огня не было. Пришлось стучать в окно, пока наконец не вспыхнул огонёк, а ещё через несколько минут открыли ворота...

Учителя не было дома, он отправился в луга. Дома остались старушка мать и сестра, которая

⁶ Давид Мартемьянович Бородин, сын известного старшины пугачёвских времён, Мартемьяна Бородина, был войсковым атаманом в первой половине прошлого столетия.

встретила нас очень приветливо и, по нашей просьбе, устроила нам постель из свежего сена на дворе, под телегой... Попросив любезную хозяйку ни о чём более не беспокоиться, мы не могли устоять от соблазна – искупаться в близком Урале. Для этого пришлось спуститься вниз по крутым, ещё свежим обрывам, над которыми, точно испуганные, склонились уже подрытые заборы и старые бани, готовые рухнуть с ближайшим половодьем... У меня осталось своеобразное воспоминание об этом вечернем купании под тёмными обрывами, в чёрной глубине сердитого и быстрого Урала.

Ночью я слышал, как открылись ворота... Въезжала телега, вбегали лошади, кто-то подходил к нам, с любопытством рассматривая пришельцев. Наутро оказалось, что это с лугов вернулся хозяин...

Это был ещё молодой человек, сильно загорелый от полевых работ, в пиджаке и казачьей фуражке. За утренним чаем он любезно старался сообщить мне всё, что может интересовать заезжего наблюдателя. Он рассказал, между прочим, что в Январцеве жила казачка-поэтесса М. И. Тушканова. В сборнике местных произведений, с большой любовью составленном Н. Г. Мякушиным, я уже встречал её произведения, ходившие по рукам и сохранившиеся, по-видимому, случайно. Особыми красотоми они, сказать правду, не блещут. В одном Тушканова жалуется, что её мучит «страсть стихотворения».

С пером на досуге
Горе я делю.
Бумаге, как другу,
Всё я говорю...

В столичных редакциях получают груды таких стихотворений. Убогая рифма, бедный размер, скудные образы... Всё это видно сразу, с первых строчек, и редактор с досадой откладывает в сторону тетрадку с наивным почерком неопытной руки...

Но здесь, в далёком казачьем посёлке, от этих наивных строк покойной поэтессы-казачки на меня пахнуло живым ощущением тихой, но глубокой драмы... Чем в самом деле отличается эта биография от тех трагедий непризнанных талантов, которые гибнут в глуши для того, чтобы получить позднее признание после смерти... То же одиночество, те же порывания к свету, та же тоска по неведомому... Маленькая случайность: у тех был талант, у этих его нет... Но за этим исключением – всё та же трагедия налицо...

Тушканову тоже «не признавала среда», и жизнь её тянулась горько. «Супруг уже стареет», – жалуется она наивно в одном стихотворении...

...Порой обижает.
Слишком горяченек,
Писать запрещает.
И нет мне веселья,
Лишь грущу всегда...

После её безвестной смерти осталось много рукописей. Семейные сожгли их все, как никуда не годный хлам. В данном случае, по-видимому, русская литература потеряла немного... Но разве та же судьба не постигла бы рукописи бедной казачки, если бы они даже были гениальны?..

В Январцеве же оказался и другой интересный человек. Я уже слышал ранее, что уральские казаки два раза уже предпринимали смелые отдалённые путешествия в поисках измечтанного воображением людей старой веры «Беловодского царства». Один из этих путешественников напечатал даже описание путешествия, и редакция местной газеты издала эти очерки отдельной брошюрой. К сожалению, они явно подверглись литературной обработке, и в этом виде лишились своей непосредственности и оригинальности. Теперь я узнал, что один из этих пилигримов (их было трое) живёт в Январцеве, и что он тоже записывал свои впечатления.

Ради этого мы отложили свой отъезд. Наш хозяин послал к Григорию Терентьевичу Хохлову приглашение прийти к нему, а мы в ожидании расположились в зелёной беседке, в саду учителя.

Ждать пришлось долго. Наконец кусты раздвинулись и в беседку вошёл казак средних лет с густо загорелым лицом и умными чёрными глазами. На нём был серый пиджак и казачья фуражка с малиновым околышем. Войдя, он окинул нас пытливым осторожным взглядом и, поклонившись, спросил сдержанно, с оттенком подозрительности:

– Что надо?

Хозяин объяснил, кто мы и что нам нужно. Лицо казака просветлело...

– Вот оно что... А я, признаться, думал на другой предмет... – И, повернувшись к хозяину, он продолжал:

– Прибегает ваш парнишка и говорит: «Ступай поскорее. Там какой-то из Питербурху приехал. Зовёт... чтобы ты пришёл»... Ну я и подумал: кому быть. Непременно это миссионер...

Лицо его опять стало холодно, взгляд подозрителен.

– А между прочим, вам, господа, тоже известно: частные беседы о вере не дозволены. Вот у меня тут (он порылся в карманах) и листок есть.

Он вынул печатный листок, которым, очевидно, вооружился на всякий случай, и, указывая подчёркнутое заглавие, сказал:

– Вот тут видите: о совращении православных в иноверие... Полагается ссылка в Сибирь на поселение... И бывали случаи...

В те годы как-то вдруг оживилось миссионерское усердие, а с ним, как это часто бывает, и некоторые неприятные последствия для противников господ миссионеров. Я засмеялся.

– Так ведь это, Григорий Терентьевич, за со-
вращение из православия... А мы не совратимся...

– Вы-то не совратитесь, да я-то, выходит, вас совращал. Ну, я и не пошёл. Как тут прибегает второй посланец. – «Иди, – дожидаются». – Ладно, думаю, – пойти пойду, ну только частно о вере беседовать не стану. Угодно – так назначайте собрание... И опять-то ещё сказать: пора рабочая...

– Да нет, Григорий Терентьевич, мы вовсе не за этим.

– Ну, когда так, то и мы будем говорить иначе. Погоди когда... я сбегаю домой, книжечку принесу, в коей я записывал...

Через несколько минут он вернулся и принёс небольшую карманную записную книжку. Переплёт был сильно потёрт: книжка видала виды. Раскрыв её, я увидел, что вся она вдоль и поперёк убористо исписана старинным полууставом, со словотитлами и сокращениями. Владелец бережно относился к ней, следя за нею глазами, как за дорогой, хрупкой вещью, попавшею в чужие руки.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что в лице Григория Терентьевича Хохлова и его двух товарищей-казаков современный старообрядческий Урал посылал в неведомые, а отчасти даже чудесные страны как бы экспедицию в поисках истинной веры. Депутаты добросовестно исполнили поручение. Они отправились в Константинополь, проехали Архипелагом, побывали в Малой Азии, Иерусалиме, проехали Суэцким каналом и Красным морем, обогнули Индостан и Индокитай, расспрашивали о русских церквях на островах, населённых дикарями, были в Китае, и в «Опоньском царстве» и, переходя от надежды к разочарованиям, не найдя нигде признаков «истинной веры» и «древлего благочестия», – вернулись после многих приключений через Сибирь на родину... В маленькую книжку свою Григорий Терентьевич заносил при этом славянскими буквами все факты и впечатления пути, втискивая их при помощи словотитл и сокращений на эти тесные страницы, и теперь, заглядывая в неё, он развёртывал перед мною любопытные эпизоды этой своеобразной экспедиции.

Около двух часов просидели мы в беседке январцевского учителя, слушая любопытные рассказы этого современного «землепроходца»... Мне удалось убедить Григория Терентьевича перевести полуславянский текст его книжки на общепотребительный язык и изложить его гражданскими письменами. Автор согласился и через некоторое время доставил

мне в Уральск чрезвычайно убористую рукопись. Как он сам выражался, – он постарался «упоместить» возможно больше текста на возможно меньшем пространстве, считая это почему-то важным. Он не позволял себе ни красных строк, ни особых глав, и был чрезвычайно скуп на знаки препинания. По привычке к старинному полууставному письму, – попадалось много сокращений с словотитлами. Рукопись имела очень своеобразный вид, и Григорий Терентьевич настаивал, чтобы я придал ей перед печатаньем известную обработку. Но, ознакомившись с нею, я убедился, что в сущности она написана очень хорошо. Поэтому, когда (впоследствии) мне пришлось передать её для издания в Географическом обществе, то я ограничился только разделением на главы, общепотребительной орфографией и известным количеством знаков препинания. В остальном повесть «о путешествии уральских казаков в Беловодское царство» оказалась написанной очень выразительно, местами почти литературно, и если порой в ней попадались оригинальные и не совсем привычные в литературном изложении обороты, то и это только способствовало сохранению колорита.

Надеюсь, читатель не посетует на меня за передачу здесь некоторых чёрточек этой казачьей одиссеи⁷.

ПУТЕШЕСТВИЕ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ В БЕЛОВОДСКОЕ ЦАРСТВО

Прежде, однако, несколько вступительных слов.

По своему религиозному настроению Урал глубоко консервативен. В одной статье местной газеты мне попалось перечисление толков, между которыми распределяется население большой казачьей станицы. Тут есть поморцы, или перекрещённые, признающие, что в господствующей церкви воцарился антихрист, и потому принимающие обращённых не иначе, как после второго крещения; федосеевцы, или чистенькие, отрицающие брак; дырники, молящиеся на восток и притом преимущественно под открытым небом; чтобы примирить это требование с условиями климата, они прорубают отверстие в восточной стене дома и молятся, глядя в него, на небо; есть признающие священство австрийцы, окружники, принявшие Белокриницкую иерархию, основанную греческим епископом Амвросием; беглопоповцы, смани-

⁷ Вышло в 1903 (если не ошибаюсь) году под заглавием: «Григорий Терентьевич Хохлов. – Путешествие уральских казаков в Беловодское царство». Изд. Импер. Географического О-ва, Петербург.

вающие священников у господствующей церкви. Есть и единоверцы, но особенно много так называемых никудышников, не признающих никаких компромиссов и потому не ходящих никуда, где молитвы совершают австрийские ли, единоверческие или беглые священники.

Несмотря, однако, на эти различия, вражду и споры, все эти толки объединены одной общей всем идеей. Все они признают существование некоторой формулы, состоящей из совокупности догматов и обрядов, в которой – и только в ней одной – спасение. Формула эта действует только до тех пор, пока в ней не изменена ни одна буква, ни одна иота или титло. Малейшее нарушение обращает её, наоборот, в орудие гибели, независимо от внутреннего чувства, которое человек влагает в эти внешние символы. Отчасти под влиянием такого настроения Никон вводил сурово и прямолинейно свои исправления, а Питирим проклинал и казнил двуперстников. Но старообрядческий мир с суровым упорством встал за старую веру. По мнению приверженцев древнего благочестия, иконовские новшества, наоборот, нарушили спасительную формулу и не только лишили её таинственной силы, но обратили в орудие антихриста.

Однако даже радикальнейшие из беспоповцев, никудышники, не отрицают священства в идее. Но в то время, как австрийцы, например, успокоились, «перемазав» для очищения от ереси безместного греческого епископа Амвросия, а беглопоповцы похищают благодать священства по частям у господствующей церкви, переманивая беглых священников, – никудышник не идёт на компромиссы и только тоскует об утерянной благодати, не находя её ни в одной из существующих церквей.

На этой почве возникла странная, почти волшебная сказка, которой, однако, долго верил, а отчасти и теперь ещё верит старообрядческий мир. История всего раскола проникнута этой поэтически заманчивой легендой. Где-то там, – «за далью непогоды», «за долами, за горами, за широкими морями» рисуется тёмному и мечтательному воображению блаженная страна, в которой промыслом Божиим и случайностями истории сохранилась и процветает во всей неприкосновенности полная и цельная формула благодати. Это настоящая сказочная страна всех веков и народов, окрашенная только старообрядческим настроением. В ней, насажденная апостолом Фомой, цветёт истинная вера, с церквами, епископами, патриархом и благочестивыми царями. Среди других, преимущественно ассирийских, там есть также и более 40 русских церквей. Ни татьбы, ни убийства, ни корысти царство это не знает, так как истинная вера порождает там и истинное благочестие.

Страна эта называется Камбайским царством или Беловодией. Проникнуть в неё очень трудно, однако смелые люди всё-таки проникали и составили несколько описаний. Из этих описаний или «маршрутов» (как по-военному называют их казаки), по словам Григория Терентьевича Хохлова, особенным распространением пользовался на Урале маршрут известного инока Марка (топозерской обители), который, будто бы лично посетив Беловодию и вернувшись в Россию, «подтверждал своё путешествие евангельским словом»⁸.

Было это ещё в XVIII столетии. С тех пор «маршрут» инока Марка ходил по рукам в рукописных списках и жадно читался по страницам, возбуждая в предприимчивых уральцах желание проникнуть в чудную страну. По словам Григория Терентьевича Хохлова, на съездах казаков-старообрядцев вопрос этот подымался много раз, но путешествие пугало своими трудностями и неопределённостью «маршрута». В 60-х годах истекшего века донской казак Дмитрий Петрович Шапошников, житель Новочеркасска, ассигновал на путешествие довольно значительную сумму, но с вызовом смельчаков. Дон почему-то обратился к Уралу. Уральцы согласились, и их выбор пал на казака Головского посёлка Варсонофия Барышникова с двумя товарищами. Барышников отправился в путь, побывал в Константинополе, Малой Азии, на Малабарском берегу и даже в Ост-Индии. Но до пределов Камбайского (Камбоджа?) и Опоньского (Японского) царства за какими-то препятствиями не доехал; таким образом, эта экспедиция не подтвердила, но и не опровергла сказания инока Марка. Заманчивая Беловодия по-прежнему осталась за далью морей, в таинственном и непроницаемом тумане.

Но вот через некоторое время на Урале пронёсся слух, что в Пермской губернии появился живой выходец из Беловодии в лице некоего Аркадия, именующего себя архиепископом Беловодского ставления и в свою очередь ставящего попов и епископов. В некоторых местах самые радикальные беспоповцы, отвергавшие белокриницкое и всякое иное священство, – приняли Аркадия с умилением и верой.

Я видел портрет этого странного «архиепископа», происхождение которого даже после нескольких случаев судимости нельзя установить вполне точно. По данным его биографии, это человек необыкновенно предприимчивый, способный, человек, как говорится, «с мечтой» и огромной энергией. В прежние, быть может, ещё недавние времена он мог бы, вероятно, увлечь многих, но теперь уже запоздал, и встретил на свете слишком много критики...

⁸ Об этом иноке Марке и его сказании писал П. И. Мельников.

Казачьи отряды к «архиепископу» депутацию, в которой принял участие тот же Барышников, уже раз путешествовавший в Беловодию; своими расспросами о «маршруте» недоверчивый казак поставил епископа в крайнее затруднение. Барышников вернулся с убеждением, что Аркадий – простой самозванец.

Это, однако, не остановило попыток Аркадия. Через некоторое время он всё-таки проник на Урал, посетив посёлок С., где успел убедить почётного казака С-на. Получив таким образом точку опоры, Аркадий поставил уральцам двух попов и архимандрита.

Однако, успехи его не шли дальше, и это чрезвычайно характерно для того двойственного состояния умов, в котором находится огромная часть нашего народа. С одной стороны, наивное невежество, доходящее до призвания «русских народов» в Беловодском царстве, с другой – осторожная критика и недоверие. Казаки прибавили к этому ещё готовность принять за самые тщательные не только богословские, но и географические изыскания.

Некоторые беседы казаков с самим архиепископом и его последователями чрезвычайно любопытны. Григорий Терентьевич Хохлов передаёт свой разговор с «архимандритом» Израилем, человеком простым, даже неграмотным, по-видимому, искренне поверившим Аркадию и принявшим от него своё звание. «Отец Израиль, – спросил у него Хохлов, – скажите, Бога ради, чем вы могли увериться в истинности архиепископского звания самого Аркадия, который возвёл вас в сан архимандрита?» Простодушный Израиль ответил на это целым рассказом из писания. По его словам, – некогда два старца были посланы от христиан на поклонение св. местам с тем, чтобы по возвращении они принесли с собой частичку святыни. Старцы посетили святые места и только на обратном пути вспомнили, что от святых мест ничего (вещественного) не взяли. Тогда, убоясь упрёков, они решили так: возьмём простую вещицу наподобие святыни и скажем братии: «принесохом от святых мест». По приходе старцы показали братии лже-святыню. И вот к ним повезли больных, слепых, хромых и разных калек, которые с верою и чистой совестью приступали к мнимой святыне и по своей вере получали исцеление. Продолжалось это до тех пор, пока старцы не признались явно в своём обмане. Только тогда от мнимой святыни больным «отрада прекратилась». – «Так вот и я, – закончил Израиль, – верю страшным клятвам Аркадия, что он принял сан архиепископа от патриарха Мелетия в Камбайском царстве Восточного Индокитайского полуострова. Когда он признаётся в своей несправедливости, – я откажусь от

него, а пока по чистой совести верю его евангельской клятве, – то и надеюсь получить душе спасение».

Это простодушное исповедание слепой веры, не рассуждающей и не сомневающейся, встретило, однако, в наши дни сильный отпор. Нашлись даже тексты из номоканона, предусмотревшие такое духовное самозванство: «Божие убо лицемерствующих, безбожных же сущих и противных Богу»...

Впоследствии мне пришлось познакомиться с двумя казаками Круглоозерной станицы, которые беседовали с самим Аркадием. Оба они беспоповцы, начётчики, знающие Священное Писание, люди умные, страстно преданные своей вере, готовые поверить в существование чудесной Беловодии, но в то же время чрезвычайно осторожные и подозрительные. В обоих этих посланцах Аркадий, очевидно, сразу почувствовал то пытлиное недоверие, которое доставило ему немало затруднений на Урале. Казаки явились к нему в Оханск (где он жил тогда под надзором полиции по решению суда) с просьбой ехать с ними и дать доказательства своего звания. Аркадий наотрез отказался.

– Нет, – сказал он, – меня уже раз возили такие же. Отняли на дороге семьдесят пять рублей денег и оставили нага и боса.

– Отче, – ответили казаки-начётчики, – аще ли на земли сокровища собираешь? Вспомни, как поступали апостолы.

Аркадий спохватился и поправился:

– Вы, пожалуй, и меня-то убьёте, – сказал он.

– Отче, – ответил опять посланец, – аще убиен будещи на пути проповедническом, – имаше венец мученический и внидещи в царствие небесное.

– Иди от меня, сатана! – закричал Аркадий.

– Вы, малoverы, мне не надобны. Ежели в Бога веришь, то и в меня верь, потому что я посланец Божий...

– Веруем, владыко, – тонко ответили казаки, ещё не знавшие вполне, как понимать этого человека. – Помогите нашему неверию.

– Верующий не испытует, но приемлет. Если подлинно уверуете, то и доказательств не надобно. Идите с миром, и да будет по вере вашей...

Эти два течения – безотчётной веры в «Беловодскую мечту» и недоверие к Аркадию – привели наконец казаков к решению послать новую депутацию в Камбайское царство. И вот в то самое время, как в центрах и на вершинах нашей культуры говорили о Нансене, о смелой попытке Андрэ проникнуть на воздушном шаре к Северному полюсу, – в далёких уральских станицах шли толки о Беловодском царстве и готовилась своя собственная религиозно-учёная экспедиция.

25 января 1898 года на съезде в Кирсановском посёлке избрана «депутация», в которую вошли по выбору: во 1-х, урядник Рубеженской станицы Вонифатий Данилович Максимычев, во 2-х, Онисим Варсонофьев Барышников (очевидно, сын прежнего путешественника, в лице которого на поиски Беловодии отправлялось уже второе поколение), и в 3-х – мой январцевский знакомый, Григорий Терентьевич Хохлов. На расходы ревнителями благочестия было собрано 2500 рублей, да жители города Уральска прибавили 100 рублей. Около половины февраля депутаты подали просьбу атаману о выдаче им заграничных паспортов (в чём помог – с благодарностью прибавляет автор записок – безвозмездным написанием прошения «действительный студент» Н. М. Логашкин). 22 мая они выехали из Уральска, а 30 мая сели на пароход, отходивший из Одессы в Константинополь.

С этого дня, собственно, и началось заграничное путешествие депутатов Урала в Беловодское царство, и среди международной толпы купцов, военных, учёных, туристов, дипломатов, разъезжающих по свету из любопытства или в поисках денег, славы и наслаждений, – замешались три выходца как бы из другого мира, искавших путей в сказочное Беловодское царство...

Я, разумеется, не намерен передавать все подробности этого интересного путешествия и ограничусь лишь краткими выдержками. Из Одессы наши казаки выехали вместе с отрядом, отправлявшимся на о. Крит. «Два хора духовой музыки, – пишет автор, – унывно играли, отъезжающие солдаты в печальном виде стояли на палубе». В Константинополе наших путников чуть не арестовали за то, что они пытались провезти с собой револьверы. Этот случай доставил им много затруднений, потребовал вмешательства русского консула и заставил впоследствии быть осторожнее. В дальнейшем путешествии казаки по-прежнему не расставались с оружием, но прятали его как-то так (воинский секрет!), что никакое «таможенство» не могло разыскать ни револьверов, ни патронов.

Пребыванием в Константинополе казаки воспользовались, между прочим, чтобы обратиться к патриарху с замечательной дипломатической нотой.

Всем, я думаю, более или менее известна история босно-сараевского митрополита Амвросия, который в 40-х годах по каким-то политическим причинам был отозван из своей епархии и проживал (без лишения сана) в Константинополе. В это время к нему явились послы австрийских старообрядцев, иноки Павел и Алимший, и вступили в переговоры на предмет перехода митрополита в старообрядчество. Для доказательства, что Амвросий «не лишён благодати», они потребовали, чтобы он отслужил публично литургию,

и после этого увезли его в Белую Криницу. Так у старообрядцев явился собственный епископ и основалась так называемая Белокриницкая, или австрийская иерархия.

Эпизод этот в своё время доставил и константинопольскому патриарху, и австрийскому правительству много дипломатических затруднений, а некоторые обстоятельства этого «похищения благодати» до сих пор прикрыты дипломатической тайной. Понятно, в какой степени весь старообрядческий мир – и приверженцы, и противники австрийской иерархии – заинтересован в выяснении прежде всего фактической истины...

И вот 2 июня 1898 года в канцелярию Константинопольского патриархата явились три уральских казака и на вопрос секретаря г-на Христо-папа Иоанну, что им нужно, ответили, не обинуясь, что они намерены почтительно предложить патриарху несколько важных вопросов.

– О чём же это замечательное дознание? – спросил, усмехнувшись, секретарь.

Казаки объяснили: они желают иметь прямой и точный ответ: точно ли Амвросий, бывший епископ босно-сараевский, был, как это утверждает российская синодальная церковь, лишён епископского сана, или же, как говорят его последователи, он был отозван из епархии по требованию турецкого правительства, но «благодать епископства» с него снята не была.

Христо-папа Иоанну очень любезно ответил смелым вопрошателям то, что обыкновенно отвечают во всех канцеляриях:

– Необходимо подать формальное прошение по сему предмету на бумаге.

Весь день 3-го июня казаки обдумывали и составляли это «прошение» или, скорее, «ноту» старообрядческого мира, обращённую к патриарху, а 4-го она уже поступила в патриархат. Гласила она так (передаю с точным сохранением правописания):

«Ваше Святейшество!

Нижеподписавшиеся представители старообрядцев уральского края в России, подвергая Вашему Святейшеству и Святейшему Синоду Патриаршему: На обсуждение нижеследующих шесть вопросов, мы имеем честь покорнейше просить Ваше Святейшество не отказать выдать письменно ответ на них.

Вопрос 1-й: По какой вине был отозван с кафедры митрополит Босносараевский Амвросий в 1840 году? Вопрос 2-й: Был ли произведен суд Амвросию от синодального начальства по отозванию с кафедры боснийской? Вопрос 3-й: Остался ли Амвросий при своём сани Митрополита после суда, ежели был над ним суд? Вопрос 4-й: Литургисал ли он в облачении архиерея на сопрестоле в какой-либо церкви по отозвании с кафедры после 1840 года? Вопрос 5-й: Какие

сведения имеются в патриархии о смерти Амвросия: умер ли он в соединении с православною греческою церковью или до конца оставался соединенным с старообрядцами в Австрии?

Вопрос 6-й (самый интересный): Какое значение имеет фраза в 5-м пункте данного из патриархии в 1876 г. старообрядцам ответа об Амвросии? Значит ли она, что Амвросий был под запрещением или что он жил в Константинополе без места?

Константинополь, 3 июня 1898 года. Вашего Святейшества покорнейшие слуги уральского войска казаки: Григорий Терентьев Хохлов, урядник Вонифатий Данилов Максимычев, Анисим Варсонофьев Барышников».

Ответ на эти вопросы, точное решение которых могло бы оказать огромное влияние на настроение значительной части старообрядческого мира, казаки просили послать через 4 месяца на Урал.

Нет надобности прибавлять, что ответа не последовало и до сих пор... Патриарх хранит «красноречивое молчание».

.....
На следующий день нашим казакам пришлось испытать довольно сильное ощущение, когда, по пути в русское консульство, они воспользовались услугами подземной железной дороги. Прежде всего, – пришлось спуститься в туннель.

«Вошли мы, – повествует Г. Т. Хохлов, – в здание, наподобие какой-то магазина: в середине небольшая комнатка, вокруг которой масса людей. Подошли мы поближе и усмотрели, что из этой комнаты человек в окно выдаёт билеты, а в саженях пяти, в полутёмном месте, стоят вагоны. Получившие билеты идут к вагонам. Мы также купили билеты и в числе народа пошли в вагоны. В вагонах пристроены по две лампы. Через пять минут дан был свисток, и вагоны резко двинулись вперёд под землю...

– Не во ад ли нас повезли, товарищи? – сказал Максимычев. – Везут под землю, да и паровика нет... Чем же двигаются вагоны?

– И я этому удивляюсь, – ответил автор. Однако минут через 5 завиделся свет и выехали мы подобно в такую же комнату (из которой отправились). Вагоны остановились, и мы сошли. – Бес, никак, эти вагоны таскает? – сказал я Максимычеву. Но Максимычев что-то смотрел вниз, под вагонами. – «Эй, смотри, чем действует», – закричал он. Оказалось, что он заметил привод, и таким образом сомнения относительно басурманской дороги рассеялись.

Затем, узнав, что в этот день султан производит смотр войскам, воины-путешественники не могли, конечно, удержаться от желания посмотреть это военное зрелище и чуть было опять не попали в неприятную историю. Про-

бравшись в передние ряды зрителей, они хотели проникнуть и в самый дворец. Жандарм, заметив этих странных и подозрительных иностранцев с очевидной военной выправкой, пробирающихся во дворец, хотел арестовать их, но казаки, по картинному выражению автора записок, «дали вилка и скрылись в густой толпе».

«Тут опять подошёл к ним турок и занялся разговором». Оказалось, что он был в Харькове с пленным Османом и узнал русских поговору и наружности. Завязался разговор о прошлой войне больше, по-видимому, жестами, и казаки очень выразительно старались напомнить туркам, кто был победителем. «Мы, – говорили казаки, – турка гонял! – и при сём показывали ему признак руками». Турок перевёл соотечественникам эти и без того понятные речи; в толпе стали смотреть на казаков «недобрыми взглядами», и, пожалуй, дело бы этим не ограничилось, если бы испуганный вожак (какой-то русско-турецкий бродяга) не увёл их в другое место.

– Этак вас убьют, – сказал он казакам, – да и мне с вами не уйти.

7-го июня казаки посетили церковь, называемую Балыклы, с которой связано предание о завоевании Константинополя. По этому преданию, царь Константин завтракал на этом месте, когда ему сообщили, что турки ворвались в город. Он не хотел верить этому известию, пока «обжаренные рыбы не соскочили со сковороды в воду». В церкви есть бассейн, к которому наши казаки подошли вместе с народом. «Я наклонился, – пишет автор, – и стал смотреть в родник. Увидел одну рыбу, величиной вершка 3-4». Те ли это рыбки, которые упали со сковороды несчастного царя, – он сказать не может. О тех передают, что «одна сторона у них белая, а другая ожаренная, тёмно-красная».

10-го июня путники выехали из Константинополя, а 11-го уже «туманно завиднелись скалистые горы Афона». Здесь автор мимоходом рассказывает о страшных «автоподах», имеющих «по 12 ног, долготой по 5 четвертей каждая и толщиной в человеческую руку». Когда человек купается, автопод подкрадывается к нему, хватая его за руки и ноги, и человек от автопода погибает в море. Избавиться от гибели можно только хладнокровием и самообладанием: необходимо схватить автопода за оба глаза...

При посещении в Салониках бывшей церкви Дмитрия Солунского (обращённой в мечеть), – какой-то «турецкий монах», показывавший церковь, возбудил было сильное подозрение казаков, попавших в тёмные и узкие переходы. Автор уже приготовил нож, чтобы при первых подозрительных признаках «всадить злодею в живот»... «Турецкий монах», вероятно, и не подозревал, как близок он был в эту минуту к порогу магометова рая. К счастью, освоив-

шись с темнотою, казаки увидели, что их привели не в басурманский разбойничий вертеп, а действительно к гробнице. Образ Дмитрия Солунского возбудил недоверие казаков своей славянской надписью. «Этому мы немало удивились, – пишет автор, – так как местность Салоники принадлежала раньше грекам, и письмо должно бы быть на греческом языке... Не два ли образа имеются в этой тёмной комнате: для русских поклонников с славянской надписью, а для греков – по-гречески»...

«Всемогущий Бог за грехи наши попустил обладать святыя места неверным народам, – прибавляет автор, – и как в этом месте признать святыню, – об этом предоставляю на обсуждение каждому читателю»...

В городе Лемносе, на о-ве Кипре казаки спросили у провожатого араба – нет ли здесь христианской церкви? Араб ответил, что есть, и повёл их туда, но на дороге им попался священник. Это был «человек высокого роста, средних лет, немного побелее араба... На плечах у него была надета чёрная куртка, панталоны высоко приподняты...». Но что всего более поразило искателей древнего благочестия – «в одной руке он держал кiset, а в другой трубку с длинным чубуком»... Казаки остановились, внимательно посмотрели на эту, без сомнения, довольно живописную фигуру, «и с тем пошли обратно на пароход, не заходя уже в церковь»...

К городу Ларнаку пароход подошёл в сильный ветер. «Море ужасно расколыхалось, пароход то подымался на хребет волн, то опускался вниз, как в пропасть». Однако, услышав, что здесь есть икона Богоматери, писанная, по преданию, евангелистом Лукою, – двое из них решили съехать на берег. На возражение третьего товарища – они «перекрестили себя крестным знаменем и сказали: пусть будет над нами воля Божия, пусть поглотят нас морские волны и вода послужит нам гробом... а не видавши древнего написания образ Богоматери с Предвечным, – не возвратимся».

Я пропускаю описание Иерусалима и его окрестностей. Здесь казаки с безотчётным благоговением осматривали все действительные и мнимые достопримечательности и святыни, не подозревая, какая сеть лжи и обмана раскинута теперь (и притом христианскими руками) над святой землёй. Они видели, между прочим, «подлинный дом» Милосердного Самарянина и «ту самую смоковницу», на которой сидел Закхей в день, когда его посетил Христос (по счастливой случайности, смоковница эта украшает сад современной гостиницы). Не видали только жены Лотовой, которой «в настоящее время уже нет на том месте, где она окаменела», так как... «её уже давным-давно увезли англичане»...

В Порт-Саиде наших путешественников встретила большая неприятность: капитан русского парохода «Херсон» (на котором, между прочим, ехали на восток соседи уральцев – оренбургские казаки) отказался принять их... Сильно нагруженный «Херсон» вскоре ушёл в море, а казакам предстояло пуститься в дальнейшее плавание на иностранном пароходе.

9 июля они сели на французский пароход, вызвав общее любопытство пассажиров. На вопросы с перечислением разных национальностей казаки отвечали одно слово «но», и, наконец, сказали «Моску» (так как, по словам автора, «европейцы русский народ называют Моску»). Французы стали жать им руки и принесли виноградного вина, желая, очевидно, закрепить франко-русский союз обильным угощением наших соотечественников. Но искатели веры не употребляли ни вина, ни кофе, ни чаю, и, таким образом, почвы для укрепления союза не оказалось.

В Суэцком канале внимание казаков было занято совершенно особенным обстоятельством. Едва ли кто-нибудь из пассажиров корабля, освещённого электричеством и далеко впереди себя кидавшего снопы электрического света, думал в эти минуты о том, что некогда в этих местах «Моисей-Боговидец перешёл по морю, яко по суху, с израильским народом». Думали об этом одни наши путники. Им говорили раньше: «когда поедете Красным морем, увидите фараонов. Вылазят из моря и кричат людям: «Скоро ли будет свету преставление?». Но они проехали Чёрное море из края в край и нигде водяных фараонов не видели. Только раз, – иронически прибавляет автор, – спугнули на берегу каких-то «фараонов»-купальщиков, которые убежали в пески. А в море всплывали косяками лишь «адельфины, бежавшие по обеим сторонам за пароходом»...

Индийский океан при выходе из Красного моря встретил их бурными волнами, которые издали казались скалами. «Пароход заиграл под нами, начал поваливаться с боку на бок, так что даже бортами черпал воду». Весёлые французы, которые раньше пели песни, теперь валялись на койках. Пятеро суток дул ветер, и рассказчик в течение всего времени не ел и не пил. Только здесь, в бурном океане, среди чужого языка, вдали от знакомых хоть понаслышке мест – наши путники оценили всё значение своего отважного предприятия...

Из всего, что я привёл выше, читатель также может оценить его. Без языка, с географическими сведениями, почерпнутыми из «маршрутов» мифического инока Марка и загадочного архиепископа Аркадия, с взглядами четых-миней и цветников, с мирозерцанием, допускающим существование живых наполовину ожа-

ренных рыб, путешествий во ад и появления фараонов, они плыли с неведомыми людьми, по неведомым морям, с чувствами, напоминающими если не Одиссея, то во всяком случае людей XV или XVI столетия... А впереди, за этими неведомыми морями, их манила чудесная, таинственная, загадочная и... чего доброго, даже не существующая Беловодия!..

Непосредственно за этими грозными валами океана, которые «показались им белыми скалами», начиналась область исследования. В писаниях «архиепископа», которые теперь должны были служить для них главной путеводной нитью, пределы Беловодского царства зачерчены необыкновенно широко и неопределённо: «Есть на востоке за северным, а к южной стране за Магелланским проливом, а к западной стране за южным или тихим морем славянобеловодское царство, земля патагонов (!), в котором живёт царь и патриарх. Вера у них греческого закона, православно ассирийского или попросту сказать сирского языка... Царь тамо христианский, в то время был Григорий Владимирович, а царицу звали Глафира Иосифовна. А патриарха звали Мелетий. Город, по их названию беловодскому, Трапезанчунсик, а по-русски перевести – значит Банкон (он же и Левек). А другой их же столичный город Гридабад... Ересеи и расколов, как в России, там нет, обману, грабежу, убийства и лжи нет же, но во всех – единое сердце и едина любовь»⁹.

Таковы были сведения о пределах и приметах искомого Беловодского (или Камбайского) царства... На ставленных грамотах, которые показывал Аркадий, – «смиранный патриарх Мелетий» именуется себя «Божиею милостию патриарх славянобеловодский, камбайский, японский, индостанский, индиянский, англоиндийский. Ост-индии, юст-индии и фест-индии, и африки, и америки, и земли хили, магелланские земли, и бразилии, и абасинии»...

20 июля путники прибыли к городу «Колумбе» (Коломбо на острове Цейлоне), который уже нередко упоминается в обманно-апокрифической литературе, выросшей на почве простодушной веры в Беловодию. 24 июля перед их глазами потянулся цветущий берег Малакки, и вскоре пароход пристал к Сингапуру. Здесь их очень удивили местные извозчики, которые, «не имея на себе ни рубах, ни штанов», – сами входят в оглобли и возят на себе людей. Один из таких «извозчиков» – на требование казаков доставить их в русское консульство, – долго возил их по городу, и наконец привёз к какому-то магазину и заявил «русска, русска».

⁹ Эту цитату беру из доставленных мне казаками же «Пермских губ. ведомостей», где напечатана автобиография «епископа» Аркадия (№ 253, 1899).

Из магазина, однако, показался хозяин, «человек лет 25, высокого роста, борода и усы выбритые, не имея на себе ни рубахи, ни штанов, как говорится, в чём мамынька родила». В магазине извозчик потребовал плату, которая казакам показалась слишком высокой. Григорий Терентьевич Хохлов «вскочил со стула и хотел его ударить врасплох, чтобы он вылетел из магазина». «Я, говорит, с тобой разделаюсь по-казачьи, будешь помнить, как грабить русского человека». К счастью, урядник Максимычев удержал его. «Далеко мы заехали, – сказал он, – и наших кулаков на всех здесь не хватит».

Наконец, после многих ещё недоразумений, казаки попали-таки в русское консульство. Здесь на дворе за столом они нашли трёх соотечественников, – двух мужчин и женщину, – с которыми вступили в разговор.

– Мы разыскиваем здесь на островах русский народ, – сказали казаки, – который вышел из России два года и более. Нет ли где на этих островах русского православного народа?

Им ответили, что ничего подобного здесь нет.

– Я в этой стране нахожусь уже семь лет, – прибавила женщина, – и не слыхала, чтобы здесь на островах проживали русские, кроме того, как и мы: где двое, где трое.

Узнав, что наши путники ищут целое царство, с церквями, патриархом и епископами, – собеседники их очень удивились. – «Если на каком острове есть один русский – и тот нам известен, – говорили они. – Не токмо быть здесь православным, но даже нет и верующих в распятого, кроме одного острова, на котором живут армяне».

Таким образом, одно из указаний маршрутов было решительно опровергнуто. Огорчённые казаки отправились на пароход. По дороге они купили арбуз, который очень обрадовал их, напомнив родные бахчи.

– Вот этот обошь нам знакомый, – сказал Максимычев.

Но и обошь обманул ожидания: попробовав арбуз, казаки «отплёвывались до трёх раз»...

– Теперь, – решили они, – остаётся доехать до Беловодии и Индокитайского полуострова, на которые местности указывает Аркадий... Поедем подальше, не нападём ли на след того, на что он указывает, – сказал Максимычев.

– Необходимо нужно, – ответили остальные. Огибая полуостров Малакку и направляясь к Сиаму, казаки грустно разговаривали о том, что по сличению многих уже виденных мест – указания Аркадия и «маршрутов», по-видимому, не сходятся с действительностью. На 28-е в ночь пароход достиг до Камбайских (то есть Камбоджских) протоков и целую ночь блуждал между островов реки Камбоджи. На утренней заре поднялись они к городу Сайгону, и здесь,

у входа в «Камбайское царство», надежда вдруг улыбнулась нашим искателям. На самом восходе солнца, над густым пушистым лесом понёсся навстречу пароходу звон церковного колокола.

– Слышите, – церковный звон, – сказал Барышников. – Уж не верны ли рассказы Аркадия?

Как только пароход подошёл к пристани, казаки спустились по сходням, поместились «на двух таких же бегунков», как в Сингапуре, и показали, чтоб везли их в направлении звона. Возчики привезли их на площадь и положили оглобли. Звон всё ещё раздавался, но возчики не понимали, что нужно казакам, которые среди окружавшей их полуголой толпы указывали руками в направлении колокольного звона и говорили только: «Дон, дон, дон!». В толпе смеялись, а извозчики настоятельно потребовали расчёта.

Между тем и руководящий звон стих. Казакам удалось всё-таки найти место, откуда он исходил, но оказалось, что это была французская церковь, осенённая четырёхконечным латинским крыжем... Не только признаков русского народа и церквей, но даже и русского консульства здесь не оказалось. Голые жители мало напоминали древле-благочестивых жителей счастливой Беловодии. Они не только курили табак, но ещё и жевали его, отчего улицы все оплётаны, «точно по ним пробежало какое-нибудь раненое животное». В пищу употребляют разную нечисть – в лавках висят на продажу копчёные кошки, собаки, крысы...

На базаре наших путников окружила толпа туземцев. «Вероятно, этот народ никогда не видал русского человека, поэтому они и дивились нашей обряде», – замечает Хохлов. Один любознательный парень осмелился до того, что «ощупал наши бороды и под бородами оглядел наши шеи... Не думал ли он, что под бородами на месте горла – нет ли у нас другого рта?».

Вернувшись на пристань, казаки узнали, что на одном с ними пароходе едет русский, г-н К., «прокурор морского ведомства». Он обрадовался землякам и охотно ответил на их вопросы. Страна, где они находились, по его словам, «называется в просторечии Восточно-Индо-Китайский полуостров, жители малайцы, буддийского исповедания». Название довольно точно совпадало с тем, которое упоминалось в маршрутах и грамотах Аркадия... Казаки чистосердечно рассказали г-ну К-скому, чего ищут, и когда он раскрыл перед ними карту и стал указывать «разные города и урочища», они просили найти город Левек.

Но такого города не оказалось...

Становилось уже довольно ясным, что Аркадий – просто самозванец, и в печальном разговоре с товарищами Григорий Терентьевич Хохлов вспомнил один случай из своего детства: однажды его отцу, тоже «никудышнику»,

не устававшему, однако, отыскивать чистые источники благодати, сказали во время зимнего лова (багренья), что из Петербурга вернулся казак-гвардеец, которому удалось видеть «настоящего священника». Отец рассказчика в тот же вечер разыскал гвардейца, и тот, сидя за столом с обильным угощением, рассказал казакам, как один петербургский купец пригласил его на тайное служение в своём доме. Он описывал разговоры свои с кротким пастырем, и когда дело дошло до самой торжественной (рождественской) службы, – «у покойного родителя потекли из глаз слёзы. Он приткнулся локтями на стол, ладонями закрыл глаза, но слёзы у него неудержимо текли, проникали между пальцев и капали на стол. Я сидел (говорит Хохлов), тоже слушал рассказ Изюмникова (так звали гвардейца), и меня также сердечно тронуло: покатались слёзы. Мне сделалось совестно, мальчишке, плакать, чтобы видели люди. Я вскочил со стула, выбежал в другую комнату, уткнулся лицом в кроватную постель и втихомолку поплакал. Потом обтёр кулаком глаза, поглядел в зеркало и, заметив, что лицо у меня отекло и глаза покраснели, подошёл к умывальнику, умыл лицо и только тогда вышел к старшим».

Нужно ли говорить, что рассказ Изюмникова впоследствии оказался праздным вымыслом, а сам рассказчик обманщиком...

«Считаю нужным, – прибавляет Хохлов к этому эпизоду, – обратиться ко всем поповцам: лущковцы, окружники, полуокружники, духовные и мирские, грамотные и неграмотные лица приняли за привычку говорить нам в укоризну: вы не имеете при себе священства от нерадения и бесстрашия вашего. Хотите жить своевольно и безнаказанно на всю жизнь. Не обличаете своих грехов священнику, к тому же подтверждаете, что можно спастись и без священника...»

«Однако, – спрашивает автор у этих обличителей, – что же тогда побудило моего отца пролить неудержно тёплые слёзы!.. Бесстрашие ли тронуло тринадцатилетнего мальчика убежать от людей в уединённое место, удариться на подушку вниз лицом и плакать?.. Или, скажут, и это нерадение, что, в случае, когда проникает туманный слух о том, что в такой удалённой стране народ имеет при себе священство, – тогда мы съезжаемся, обсуждаем и снаряжаем от себя депутацию. Одни щедро уболают деньгами, от пота и тяжких трудов добытыми, другие... разлучаясь со своими жёнами и детьми, решаются ехать в отдалённые и неизвестные страны... Придётся ли возвратиться и видеть своих домашних, или закроются глаза на море-окияне и послужат могилой волны, а гробом дно окияна?..» «Да, – говорит автор, – нужно судить, положи руку на сердце». И, положи руку на сердце, каждый искренний человек призна-

ет, что здесь мы имеем дело не с «нерадением и бесстрашием», а с искренней верой, слишком только легко поддающейся коварному обману со стороны эксплуатирующих на разные лады эту тёмную народную веру.

В дальнейшем пути один ещё раз улыбнулась нашим искателям надежда. 4-го августа, по выходе из Гонконга, они заметили, что цвет воды изменился: в морях вода синяя, но прозрачная. Тут же кругом на далёкое расстояние их окружали белые, непрозрачные волны. «Не эта ли самая местность называется Беловодией, – говорили казаки между собою, – так как вода здесь от прочих вод совсем отличная?» И они опять принялись расспрашивать о древле-православных народах и русских церквях. Но ответ был всё тот же. А вода белая оттого, что сюда докатывает свои мутные волны «великая река Кианга», несущаяся в океан из языческого Китая...

Они посетили ещё Китай и Японию, всюду допрашивая о народах, живущих на Японских, Сандвичевых и Аландских островах, видели китайцев-христиан (не брезгающих употреблять в пищу кошек, крыс и даже червей, – встретили окитаившихся казаков-албазинцев, взятых когда-то в плен и впоследствии обращённых миссионерами в католичество... Но надежда найти Беловодию у них давно уже исчезла. На возвратном пути (через Сибирь) они встретили под Владивостоком казачьего офицера Оренбургского войска. Он видел их, когда они приходили проситься на «Херсон» в Порт-Саиде, и догадался о цели их путешествия.

– Наверное, вы ищите истинную веру? – сказал он и, узнав о результатах поисков, прибавил, указывая на небо:

- Истинная вера осталась, видно, только там.
- По всему так, ваше высокоблагородие, – ответили казаки.

Экспедиция была, в сущности, кончена. Отсюда начинались уже чисто отечественные впечатления. Сойдя во Владивостоке на берег, казаки увидели под городом густо расставленные палатки и узнали, что это – переселенцы из донских и оренбургских казаков. Они вызвались охотниками на поселение в Уссурийский край, для чего получили по 600 рублей на обустройство. Но условия поселения были рассчитаны плохо, казаки истратились и оголодали. Не встретив внимания к своему положению, они самовольно бросили место поселения, прося о возвращении обратно. Мудрое местное начальство взглянуло на это, как на бунт. «Казаки, не имея средств пропитания, обносились до наготы и в летних худых палатках проживали (с семьями!) на возвышенном месте. Подкатила зима, затрещал мороз... а одежды нет, хоть ложись и умирай». На два самых тяжёлых зимних

месяца им отвели казармы, но затем... генерал Духовской распорядился выгнать их из казарм, и жителям Владивостока воспретили пускать их на квартиры даже с угрозой: «кто пустит хоть одного человека хоть на одну ночь переночевать, того подвергнут штрафу в 50 р.». Теперь подходила уже вторая зима и, когда наши путники посетили этот «бунтующий» голодом лагерь, – «казаки жили в ветхих палатках, иные даже под открытым небом с грудными детьми и 80-летними стариками».

Я не стану приводить дальнейшие подробности обратного пути. За этими первыми отечественными впечатлениями следовали другие, и сами путники постепенно из смелых искателей сказочного царства превращались в обыкновенных русских людей «нижнего чина». «Чернеевский пережат» на Амуре, где застрял пароход «Граф Игнатъев» с несколькими военными и штатскими генералами в числе пассажиров, – видел наших уральцев в совершенно новой роли. Однажды повар-китаец кинул в Амур икру из свежепойманного осетра. Один из казаков тотчас же кинулся в холодную воду и вытащил её, а другой сделал грохотку, просолил и быстро приготовил прекрасную икру к генеральскому завтраку. На следующий день, выйдя на палубу прогуляться, господа тотчас заметили услужливых уральцев и поклонились им. «Что значит икра!» – говорили казаки втихомолку. «Прочие пассажиры, – простодушно повествует об этом эпизоде Г. Т. Хохлов, – отпусные солдаты и со златых приисков народы удивлялись тому, что господа так приветливо с нами обращались. Мы ещё более стали следить за каждым их движением и старались к их услугам. Господа пойдут с ружьями на охоту стрелять птицу, и мы идём за ними. На каждый выстрел бежим, моментально сбросим с себя верхнюю одежду и рубаху, бросаемся в холодную воду и достанем застреленную птицу...»

Всё это, по-видимому, лукавые казаки делали в том соображении, что гг. генералов не оставят зимовать на пережете, а с господами выберутся и они... Оказалось, однако, что в конце концов прибежавший снизу путейский пароход взял только пять человек, кинув остальных на произвол судьбы...

Мне приходится забежать несколько вперёд.

Вернувшись из описываемой поездки по станциям, я застал на своей дачке в гостеприимных садах над Деркулом – небольшую посылку из Петербурга. В коробке петербургских конфет я нашёл записочку от своих добрых знакомых, в которой моему вниманию рекомендовались «податели» посылки, два уральских казака, посетившие столицу с совершенно особыми целями. К сожалению, эти «податели» не нашли меня, и посылку я получил уже из третьих рук.

Недели две спустя я поехал с Н. А. Бородиным в Круглоозерную низовую станицу, тот самый «Свистун», о котором говорилось выше. Вначале и здесь нас преследовала неудача, так как все знакомые Бородина оказались на багчах. Мы проехали станицу из конца в конец, безуспешно стучась в разные ворота. Большие и богатые избы с резными коньками остались позади, и теперь на нас глядели мазаные избушки с плоскими земляными крышами. Улица старозаветной станицы встречала нас равнодушно и замкнуто, предоставляя, очевидно, свободную дорогу в горячую степь, по которой в разных местах ветер гнал и крутил белые столбы пыли... Они как-то лениво подымались, лениво крутились над степью и изнеможённо ложились опять на жаркую землю...

Это унылое зрелище заставило меня идти напролом, чтобы всё-таки остаться и отдохнуть в станице, и я предложил своему спутнику повернуть к первой группе у первых ворот. Мой спутник отнёсся к этому плану с некоторым сомнением, но лошадей всё-таки повернул. Группа казаков молча смотрела на наше приближение.

– Доброго здоровья, – сказали мы, остановив лошадь. – Нельзя ли у вас отдохнуть и выпить чаю?

Один из казаков усмехнулся и ответил с иронией:

– Уходцы мы. Какие самовары у уходцев?

Уходцами зовут тех, частью уже возвращённых, участников «бунта» 1874 года, которые согласились лучше отправиться в ссылку, чем дать известную уже читателям «подписку» о повиновении. Из старозаветного Свистуна уходцев было особенно много, и это ещё более усилило моё желание побеседовать с казаками. Но разговор не клеился, пока один из них, пристально взглядевшись в меня, не спросил:

– А вы чьи будете?

– Дальний.

– Однако?.. Не петербургский ли?

– Да, петербургский.

– Так это не тебе ли был посылочек от Фёдора Дмитриевича, господина Батюшкова?

– Мне.

Лицо казака приветливо оживилось...

– А-ах ты господи... Отворяй живо ворота! Вот ведь сам Бог вас направил... Пожалуйте, дорогие гости, милости просим...

Оказалось, что счастливая судьба привела меня именно к дому одного из казаков, которые напрасно разыскивали меня в Уральске.

В лице этих казаков – Евстафия Мокеевича Кудрявцева и Фёдора Осиповича Сармина – я, как оказалось, встретил новых исследователей по делу о беловодском архиепископе. Только поиски их были направлены не на восточные моря-окияны, а на запад. Прежде всего они

отправились к самому «архиепископу», в Ханской город (Оханск), где он проживает после многих «судимостей», среди самой бедственной обстановки, без средств и без паствы, как затравленный старый волк. Казаки почтительно обратились к нему за разъяснением сомнений, и при этом у них произошёл разговор, который я уже приводил выше. «Мы начали его вопрошать, – писали депутаты после этого свидания, – и он с нами обходился тонко». Впоследствии, однако, разговор обострился, и на указание текста («ежели явится странствующий епископ, не имея грамоты от своего патриарха и своеяси паствы, таковому не имуть веры») – Аркадий отослал их в Пермский окружной суд, где хранится отобранная у него грамота. «И мы в Пермь отправились», – писали опять депутаты. Там показали им «ево ризу и антиминсы, и патрахиль, и пояса, и камилаву, и протчии приборы церковны... и ставленной грамоты ево копию. А самую ставленную грамоту не видели (она отослана в восточной иностранных дел анститут)».

Всё это не было ещё решающим. Депутаты отправились в Москву, побывали (под видом приверженцев Аркадия) в уездном городе Новгородской губернии, где познакомились с сестрой «епископа» (именующего себя, между прочим, князем Урусовым), разыскали и подлинную грамоту «на сирийском языке», которую кто-то снял им на кальку, и запасшись всем этим материалом, а также печатными сведениями об Антоне Пикульском, именующем себя Аркадием Беловодским, – отправились со всем этим в Петербург, в поисках учёных людей, которые могли бы разъяснить недоумения и перевести сирийскую грамоту.

В. К. Саблер указал им как на такого учёного, на профессора-санскритолога, академика С. Ф. Ольденбурга. Последний отнёсся с чрезвычайным вниманием к запросу казаков, рассмотрел печатные материалы, указал на нелепости географических терминов в Беловодских сказаниях, ставящих рядом Асумпсион, Парагвай, Гельветическую республику и т. д. и, наконец, разобрав копию грамоты, нашёл, что это собрание индусских и арабских начертаний, поставленных рядом без всякого смысла.

Депутаты вернулись в полном восторге от Петербурга, от С. Ф. Ольденбурга и других учёных, с которыми им приходилось встречаться. Отражением этой благодарности пришлось воспользоваться и мне в вышеописанном маленьком эпизоде. Но...

Осталось ещё одно маленькое сомнение, чреватое, быть может, новыми предприятиями старообрядческого Урала и новыми экспедициями... Рассказывая об Индии, Индо-Китае, Опоньском царстве и других странах Востока, об их жите-

лях и религии, Сергей Фёдорович Ольденбург показал казакам, между прочим, статуэтку, подаренную государю императору в Японии и находящуюся теперь в музее Академии наук. Это изображение Майтреи, который, по верованию буддистов, теперь находится на небе, но со временем сойдёт на землю, чтобы научить людей истинной вере. Вначале этот буддийский святой, по-видимому, не обратил на себя особенного внимания депутатов. Но впоследствии он всё чаще стал возникать в их памяти.

– Видите, – задумчиво говорили мне теперь гостеприимные хозяева, – в одной руке держит вроде кулганчика (сосуд), а другая изображает как бы двуперстное сложение. И потом – для чего японцы поднесли её православному царю?

Когда депутаты рассказали об этом своим единоверцам, старики стали упрекать их, что они не собрали точных сведений о местопре-

бывании этого Майтреи и о народах, имеющих такое перстосложение в Японском царстве. И теперь депутаты просили меня, когда буду в Петербурге, попросить у С. Ф. Ольденбурга эти сведения, а если можно, то и фотографический снимок со статуэтки.

– В случае чего... можно бы туда отправить людей, – говорили казаки.

Теперь это всё исполнено, и таким образом я со своей стороны вложил свою лепту в розыскания таинственной Беловодии. Во всяком случае мне кажется, что эта апелляция к науке составляет первый ещё эпизод этого рода во всей истории благочестивого Камбайско-Беловодского царства!..

В. Г. КОРОЛЕНКО

Продолжение следует

История

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА И ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.

В статье рассматривается научная оценка взаимоотношений казачества и властных структур Российской империи в XIX в.

Автор полагает, что изучение этой проблемы требует взвешенного подхода и детального историографического анализа.

Взаимоотношения казачьих сообществ и властных структур Российской империи складывались весьма непросто. В XIX в. подавляющая часть казаков входила в различные казачьи формирования иррегулярного типа (преимущественно поселенные войска). Кроме того, сохранялась часть казачьих вольниц (сообществ). Одновременно существовали регулярные и временные (преимущественно в военное время) казачьи формирования. К этому времени государственные органы уже накопили определённый практический опыт воздействия на казачьи структуры. Следует отметить, что далеко не всегда предпринимаемые властями усилия достигали поставленной цели и были в должной мере продуманны и эффективны. Однако во всех случаях те или иные регулирующие воздействия на казачество были продиктованы различными государственными интересами.

Имевшие место в XVIII–XIX вв. усилия властных структур можно представить в виде

следующих основных направлений и форм деятельности:

- привлечение казачьих сообществ к решению стоявших перед Россией военных задач (охрана рубежей, военные действия и др.) и их постепенное полное подчинение государственной власти;
- реорганизация исторически сложившихся казачьих сообществ в казачьи формирования преимущественно иррегулярного типа;
- совершенствование правового статуса казачьих формирований, установление и последующее реформирование порядка их комплектования, подготовки и службы казаков;
- реорганизация исторически сложившихся казачьих сообществ в регулярные части, поселенные части и военные поселения;
- учреждение новых и реорганизация существовавших казачьих формирований;
- зачисление в казаки различных формирований представителей различных сословий,

групп населения, национальностей и иностранных подданных;

– переселение казачьих формирований на новые территории;

– ликвидация исторически сложившихся казачьих сообществ (вольниц) и/или учреждений казачьих формирований;

– деятельность по возвращению в пределы Российской империи покинувших страну казачьих сообществ (вольниц).

Наиболее активно деятельность государства в отношении казачества стала исследоваться с 90-х гг. XX в. В Москве, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Ставрополе, Омске, Оренбурге, Челябинске, Санкт-Петербурге и др. городах, в т. ч. в Украине, защищено не менее 400 диссертационных исследований, посвящённых казачеству.

Более чем в 125 диссертациях авторы в той или иной степени уделяют внимание анализу влияния органов власти Российской империи на казачьи формирования и сообщества в XIX в.

Несмотря на значительное число исследований, посвящённых развитию казачьих формирований, в некоторых из них сохраняются отдельные неточности и ошибки в оценке и трактовке специфики служебной деятельности различных казачьих формирований.

Во-первых, в ряде исследований диссертанты непродуманно используют специальную терминологию и дают ошибочную трактовку некоторых событий. Например, Т. Ю. Платова утверждает, что «кавалерийские казачьи полки формировались на основе соединений, которые назывались сотнями», а также, что составленные из казаков боевые части артиллерии появляются со второй половины XIX в. В действительности казачья сотня является подразделением казачьих частей, а конноартиллерийские казачьи части уже в 1819 г. составляли 23 % общего числа конноартиллерийских рот Российской империи.

Подобные ошибки можно встретить и в других исследованиях. З. Х. Ибрагимова в своём исследовании утверждает, что «терское казачье сословие из привилегированного военного стало превращаться в гражданское, которому было предназначено стоять в авангарде проводимой Россией политики аннексии горских земель». В действительности же под аннексией понимается полный или частичный насильственный захват территории другого народа или государства.

Поэтому утверждение о ведущей роли в подобной акции гражданского населения звучит неубедительно.

Во-вторых, современные авторы недостаточно ознакомлены с советской историографией по вопросу о служебной деятельности

казаков. Например, Г. Е. Соболев утверждает, что «советский период историографии знаменуется полным отсутствием исследований, посвящённых военной службе казаков». На самом деле в указанный период были изданы работы, в которых значительное внимание было уделено именно организации воинской службы черноморского и кубанского казачества и других казачьих формирований.

В-третьих, некоторые авторы недостаточно изучили ранее защищённые диссертации по рассматриваемым ими вопросам. Например, Г. Е. Соболев полагает, что изучением вопросов военной службы казачества занимались только историки, за исключением единственного исследования М. С. Савченко «Правовое положение кубанского казачества в дореволюционной России (конец XVIII – начало XX в.)». В действительности же различные аспекты воинской службы кубанского казачества были предметом исследования и других диссертантов. Этот недостаток просматривается даже в докторских диссертациях. Например, С. М. Андреев в своей работе указал шесть авторефератов и две диссертации – вне поля его зрения остались исследования целого ряда отечественных учёных.

В-четвёртых, имеются случаи некритичного отношения диссертантов к различным публикациям по истории служебной деятельности казаков. Например, Г. Е. Соболев к числу наиболее значимых работ о военной службе казачества отнёс работу Б. А. Алмазова. Однако её содержание изобилует вольными авторскими утверждениями и трактовками различных исторических событий. В частности, Б. А. Алмазов описывает способ зачисления казаков в 6-ю гвардейскую батарею исключительно как проверку физической силы кандидатов и без ссылок на существовавшие в Российской империи соответствующие акты.

В итоге можно резюмировать, что проблема изучения взаимоотношения казачьих сообществ и властных структур Российской империи в XIX в. требует взвешенного подхода и детального историографического анализа. Это тем более важно, если принять во внимание тот факт, что в настоящее время казачество активно возрождается и, соответственно, возникает вопрос об эффективности взаимодействия современных казачьих сообществ и различных органов государственной власти Российской Федерации.

**СОКЛАКОВ Александр Юрьевич –
к. и. н., доцент;
заведующий кафедрой гуманитарных
и общенаучных дисциплин
Военного института Общевойсковой ака-
демии ВС РФ, г. Москва**

Из истории промышленной добычи золота в Сибири

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

О богатстве Сибири говорят давно и много, но в последнее время больше о нефти и газе.

А ведь есть ещё и драгоценные камни, металлы, лес, меха, реки, озёра и рыба в них... И всё это было открыто, завоёвано, освоено казаками-первопроходцами, в том числе и томичами. Как известно, практически во всех походах по Сибири и Дальнему Востоку, вплоть до берегов Америки, принимали участие и наши земляки – казаки.

Нужно отметить, что уникальное географическое положение г. Томска как столицы Томской губернии во времена освоения Западной Сибири способствовало тому, что он стал первым центром золотодобычи за Уралом. Первое золото из Томска поступило в Кунсткамеру Санкт-Петербурга в 1715 году. Сибирский губернатор М. П. Гагарин привёз императору Петру I десять золотых предметов, добытых из скифских сибирских курганов. Петру они так понравились, что он повелел «приискать» ещё. В следующем, 1716 году Гагарин отправил много предметов, составляющих ныне знаменитую коллекцию скифского золота, хранящуюся в Эрмитаже (250 предметов). Он собирал их по всей Сибири, в том числе и в Томске.

Первые в российском Зауралье промышленные разработки собственно золотых месторождений начались в 1828 году недалеко от Томска, на севере нынешней Кемеровской области (река Кия и её притоки). Известно, что практически одновременно (на два года раньше) были открыты богатые россыпи на Южном Урале (Миасс, 1826 г.). В Томске начало золотодобычи и её развитие связаны с именами томских купцов Ф. И. и А. Я. Поповых, открывших прииск в Кожекбетинском округе. Через два года компания купцов Рязанова, Казанцева и Баландина открыла богатую Кустундюльскую россыпь. Позже были открыты сотни богатых золотоносных россыпей. Так, в 1898 г. был найден двухпудовый самородок, второй по величине в России. Среди открывателей были томские купцы Ф. А. Горохов, И. Д. Асташев, Н. Е. Филимонов и др. И несмотря на то, что возле самого Томска значительные россыпи обнаружены не были, именно Томск стал центром золотопромышленности Сибири.

Особое отношение в России к самородкам, как и вообще к золоту (выражаясь современным языком – к золотовалютным резервам страны), являлось отзвуком восточных, азиатских государственных (имперских) традиций. О больших источниках золота, находящихся за Камнем, то есть за Уралом, европейцам было известно очень давно, со времён скифов и древних греков. Об этом писал ещё древнегреческий географ и историк Геродот в VI в. до н. э.

Успешным носителем и выразителем этих традиций был и известный сибирский воевода казачий атаман Ермак, который в конце XVI века активно участвовал в освоении Сибири. И он действительно посылал царю в Москву дань, собранную в виде пушнины и золота.

История общения сибирского казачества с золотом весьма характерна: из их сообщества вышли путешественники, открыватели новых стран и народов. То есть они были в основном романтиками, которых влекли неведомые дали. А вот больших золотопромышленников среди них не оказалось.

Прошли века... Впоследствии, кроме собственно воинских повинностей, на сибирских казаков были возложены почтовая и ямская службы, постройка и охрана дорог и крепостей, сопровождение торговых караванов и каторжан, сбор податей (дани), и, наконец, круглогодичная охрана частных золотых приисков и поисковых экспедиций, внутренних и зарубежных. Эти важнейшие обязанности сибирские, в том числе и томские казаки успешно выполняли вплоть до революции 1917 г.

Добыча золота всегда была окутана романтизмом первооткрывателей, искателей приключений, просто авантюристов, искавших лёгких путей обогащения. Мы решили немного осветить эту тему серьёзными знаниями о данном предмете профессионального томского геолога Ф. Б. Бакишта, кандидата геолого-минералогических наук, всю жизнь проработавшего с золотом.

Прим. редактора: Помещённый ниже текст взят из статьи Ф. Б. Бакишта Золотые кладовые муравьёв// Филателия, 2013. № 9, – С. 44–47, № 10 – С. 36–39, № 11 – С. 36–39 с сокращениями.

РАЗГАДКА «МУРАВЬИНОГО» ЗОЛОТА, ИЛИ ЗОЛОТЫЕ МУРАВЕЙНИКИ

Муравьи и золото? Какая между ними связь? Оказывается, самая тесная и непосредственная. Человечеству известно об этом с древнейших времён.

Вспомним древнегреческого энциклопедиста Геродота. Он оставил после себя обширные и по нынешним временам книги. В 450 году до нашей эры он закончил свою знаменитую многотомную «Историю». С тех пор он славится не только как автор свода всех географических сведений, которыми располагала тогда Эллада, но и как собиратель множества фантастических рассказов и легенд, вкрапленных в очень объёмный и достоверный фактографический материал. Его имя как «отца исторической науки» известно сегодня историкам всего мира. Сохранились и многочисленные его портреты, часть из которых воспроизведена на почтовых марках.

Одна из самых поразительных и привлекательных историй Геродота – это рассказ о муравьях-золотодобытчиках. Это сообщение подкупает своей правдоподобной простотой, но в то же время изумляет своей неповторимостью.

Геродот повествовал о сказочной горной стране, расположенной на севере Индии:

«Другие индийские племена, напротив, обитают вблизи области Пактики и её главного города Каспатира севернее прочих индийцев. По своему образу жизни они приближаются к бактрийцам. Это самое воинственное из индийских племён, и они уже умеют добывать золото. В их земле есть песчаная пустыня, и в песках её водятся муравьи величиной почти с собаку, но меньше лисицы. Несколько таких муравьёв, пойманных на охоте, есть у персидского царя. Муравьи эти роют себе норы под землёй и выбрасывают оттуда наружу песок, так же, как это делают и муравьи в Элладе, с которыми они очень схожи видом. Вырытый же ими песок – золотоносный, и за ним-то индийцы и отправляются в пустыню.

...индийцы отправляются за золотом с тем расчётом, чтобы попасть в самый сильный зной и похитить золото. Ведь муравьи от зноя прячутся под землёй... Когда индийцы придут на место с мешками, то наполнят их [золотым песком] и затем как можно скорее возвращаются домой ...»

А далее Геродот писал: «...Таким-то образом индийцы, по словам персов, добывают большую часть золота, а некоторое, гораздо меньшее количество выкапывают из земли».

Это сообщение Геродота уже тысячи лет вызывает интерес и неприкрытую иронию у многочисленных последующих авторов, начиная от древних римлян, живших на заре нашей эры, и кончая геологами конца XX века. Греческий историк передал будущим поколениям легенду, сюжет которой встречается в индийской, китайской и монгольской литературе, в ряде тибетских документов. Об этом писали десятки древнегреческих исследователей, в том числе и великий географ Страбон в 25 году нашей эры, и его современник, знаменитый римлянин Плиний, автор энциклопедической «Естественнонаучной истории в 37 книгах». Последние не верили этой истории, считая её вымышленной.

Сообщает об этой истории Аль-Бируни и другие знатоки азиатского золота.

Георг Агрикола в своей известнейшей книге [1] (с. 34 и др.) называл золотонесущих «сказочных муравьёв» плодом «вольных домыслов». «Нам кажется, – писал он, – что по схожести своей работы рудокопы были названы муравьями. Подобно муравьям, сооружающим кучу из крошечных собранных воедино палочек и других предметов, горняки собирали добытую породу, образуя холм». Далее он поведал, что этому рассказу как-то поверили «одуроченные легковёрные греки», попытавшиеся раскопать муравейники и надолго ставшие после этого предметом насмешек.

Позднее обращались к этой теме, как и к другим сообщениям Геродота, многие арабские, среднеазиатские и европейские писатели. Например, Иоганн Вольфганг Гёте в своём «Фаусте», в котором золоту уделено очень много строк, так опоэтизировал этот сюжет [6]:

Гриффы:

*Посмотрите! В дыры, в щели
Искры золота засели.
Муравьи, не проморгайте,
Этот клад отковыряйте!*

Хор муравьёв:

*Где кручу горную
Распёрло сдвигом,
Туда, проворные,
Пустьитесь мигом!
Семьёю бойкою
Тащи находки,
Пласты с прослойкою
И самородки!*

*С рассвета самого
До поздней ночи
Руду отламывай,
Горнорабочий!
В скале расколотой
Толпою дружной
Ищите золото!
Земли не нужно!*

Бедными муравьями командуют даже пигмеи:

*С резвою прытью
Место займите.
Натиск мгновенный
Силе замена.
Куйте в дни мира
Войску секиры.
Кузницы зданье
Стройте заране.
Род муравьиный,
Вройся в глубины!
Мало-помалу
Плавайте металлы.*

Но, тем не менее, и у муравьёв есть своё самосознание:

Муравьи:

*Как быть? Спасенья
Нет никакого.
Мы роем руды,
Из этой груды
Куются звенья
Нам на оковы.
До той минуты,
Как, взяв преграды,
Не сбросим пути,
Мириться надо.*

Заметим, что с угнетателями боролись не только сказочные муравьи. Действительно, время от времени в Древнем мире, в Испании, в Нубии, в Галлии происходили восстания горнорабочих, которых скапливалось на золотых рудниках десятки тысяч. Свободных людей среди них было мало. В древности это были в основном рабы, в средневековье и в наше время – заключённые, и во все времена – многочисленные военнопленные.

Продолжим разговор о муравьях.

Немецкий учёный А. Херрман в 1938 году писал, что «вся история с муравьями была чистой водой вымыслом» [по 8]. Но он всё же допускал, что обычные муравьи могли поднимать на поверхность золотоносный песок. По его мнению, потом муравьёв стали путать с барсами, обитавшими в этих местах. Херрман утверждал, что так называемое «золото муравьёв должно находиться к югу от истоков Инда, где-нибудь в Ладакхе, где всегда находили этот драгоценный металл».

В 1954 вышла книга «Занимательная геохимия». Её написал замечательный учёный и по-

пуляризатор геологической науки, «поэт камня», академик Александр Ферсман [9]. И он не обошёл вниманием эту историю:

«До сих пор нет настоящего объяснения этой легенды; наиболее вероятным является объяснение, которое говорит, что по-санскритски слово «муравей» и слово «зерно» (аллювиального золота) выражаются одними и теми же звуками. На этом сходстве слов – «частица золота» и «муравей», по-видимому, и основывается возникновение легенды».

Обратим ваше внимание на то, что академик Ферсман, как и его предшественники, не сомневался в том, что рассказ Геродота не более чем легенда.

Живо интересуют эта гипотеза и наших современников, в числе которых известный французский путешественник и этнограф Мишель Пессель. В 1980 году он предпринял экспедицию в самые верховья Инда, в Западные Гималаи, где в северной части штата Джамму и Кашмир проживает самобытный народ минаро. Историки полагают, что современные голубоглазые и белокурые минаро являются потомками дардов. Так называли в античное время население этой высокогорной страны, славившейся своей золотоносностью (об этом писал и Агрикола) и, судя по словам Геродота, «муравьями-золотоискателями».

В своей книге «Золото муравьёв» [8] М. Пессель признавался, что «сперва интересовался не столько золотом и сказочными муравьями, сколько действительным происхождением дрок-по» (по-тибетски «дрок-по» значит «скотоводы» или просто кочевники). Как пишет в предисловии к русскому изданию книги Песселя профессор-тибетолог Е. И. Кычанов, «автор отправляется в путешествие, чтобы обнаружить те реалии, которые могут скрываться за легендой о золоте муравьёв». Пессель допускал, и не без оснований, что легенда о муравьях-золотоискателях имеет африканские корни, а страну «золотых муравьёв» надо искать в Эфиопии.

Далее он вспоминает:

«Постепенно рассказ начал ассоциироваться с названием одного таинственного народа, собиравшего «золото муравьёв», – с дардийцами, или, иначе, дардами. Когда об этой истории прослышали римляне, знаменитый Плиний воскликнул: «Изобильно золото дардов!».

Во всяком случае, переходя из уст в уста, рассказ Геродота запомнился. Наверняка вспоминали его и солдаты Александра Македонского, сидя у костров во время похода в Индию. В течение веков она волновала авантюристов и исследователей, и всё-таки, несмотря на все старания, никто и никогда не находил ни золота, ни таинственных муравьёв. И в конце концов возобладало мнение, что речь идёт ещё об одной легенде, об античном мифе.

Завершив четырёхлетнюю охоту за «золотом муравьёв», М. Пессель пришёл к любопытному и, по его мнению, однозначному выводу:

«Нам удалось оправдать Геродота: на Земле и в самом деле есть страна муравьёв, а вернее, сурков-золотоискателей. Эта страна лежит на плато Дансра, в пяти километрах восточнее Морода, тремя километрами западнее Ганокса, и имеет координаты 34° 46' северной широты и 76° 15' восточной долготы. Оставляю другим право воспользоваться её золотом».

А ведь именно здесь, в верховьях Инда, в III в. до н. э. располагалась высокоразвитая цивилизация государства Мохенджо-Даро, которая владела очень сложными технологиями, в том числе и каменных дел.

Итак, через 2500 лет мы убеждаемся, что Геродот не так уж и заблуждался. Сурки, муравьи – в принципе, те и другие являются землероющими. Те и другие выносят на поверхность землю, извлечённую из-под почвенных слоёв. Очень любопытно, что литохимическое опробование норных выбросов сурков при поисках редкометалльных месторождений проводили в 70-х годах геологи в южной части Горного Алтая под руководством Ю. В. Никифорова. Они называли такой способ «суркосъёмкой».

Нельзя не понять оппонентов Геродота. Очень уж необычен для нас, современных европейцев, описанный им способ поиска и добычи золота.

Но, вообще, нуждается ли этот знаменитый эллин в оправдании? И стоило ли ехать Мишелю Песселю за поисками каких-то «реалий»

в далёкие заморские страны? Наверное, нет! Об этом вы узнаете, услышав рассказ ещё про одно путешествие, связанное с «золотом муравьёв».

БАКШТ Ф. Б.

кандидат геолого-минералогических наук

Продолжение следует.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агрикола Георг. О месторождениях и рудниках в старое и новое время. Пер. с нем. М.: Недра, 1972. 80 с.
2. Бажов П. П. Жабреев ходок/ Собр. соч. в 3-х томах. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1952.
3. Бакшт Ф. Б. Магнитные муравейники // Природа, № 7, 1990. С. 60–64.
4. Бакшт Ф. Б. Куча чудес. Муравейник глазами геолога. Томск: Печатная мануфактура. 2005. 144 с.
5. Бируни. Минералогия. Собрание сведений для познания драгоценностей. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 518 с.
6. Гёте И. В. Фауст. Пер. с нем. Б. Пастернака. М.: Гослитиздат, 1960. 620 с.
7. Геродот. История в девяти томах. Л.: Наука, 1972. С. 170–171.
8. Пессель М. Золото муравьёв. М.: Мысль, 1989. 190 с.
9. Плиний Старший. Естественная история. Книги XXXIII, XXXIV.
10. Ферсман А. Е. Занимательная геохимия. Химия Земли. Изд. 3-е. М.: Детгиз, 1954. С. 224.

История фамилий

ИСТОРИЯ ФАМИЛИЙ

Казачьи фамилии во многом повторяют судьбу русских фамилий. Однако самобытная культура и быт казачества внесли свои коррективы в образование фамилий, часть из которых мы больше нигде не встретим.

НЕОЧЕВИДНОЕ ТОЖДЕСТВО

Несмотря на некоторые утверждения, что казаки являются отдельным от русских народом, большинством учёных они признаны русским субэтносом. Об этом говорят и казачьи фамилии, которые во многом имеют идентичное с русскими фамилиями словообразование. Такими считаются фамилии, оканчивающиеся на: «-ов», «-ев», «-ин», которых в казачьей среде большинство. Но здесь не всё так однозначно. Фамилии с подобным окончанием более

древнего происхождения, чем великорусская народность, формирование которой началось в XIII веке.

Так, в списке договора Киевского князя Игоря с греками от 912 года встречаются прозвища Гудов, Вузлев, Утин. Изначально возникшие в Киевской Руси окончания на «-ов», «-ев», «-ин» к XVI веку получили большее хождение в среде великороссов, однако параллельно они распространились и на территорию Тмутараканского княжества, где позднее расселилось казачество.

Владимир Даль в очерке «Уральские казаки» писал: «...если хотите знать прозвание казака и хотите, чтобы он понял вопрос ваш, то спросите его: «Чей ты?». Казак непременно ответит: «Карпов, Донсков, Казаргин». При этом учёный добавил: «...во всех без изъятия прозваниях уральские казаки кладут ударение на -ов». Ещё одна особенность ряда казачьих фамилий – это тенденция к нагнетанию суффиксов, что, по мнению учёных, связано со стремлением писателей прийти к единому стереотипу окончаний на «-ов»: Бабкинов, Бородинов, Ильинов, Маминов, Харинов.

УКРАИНСКИЕ КОРНИ

Очень часто фамилии казаков отличаются от лежащих в их основе украинских фамилий на «-о» или «-ий» с добавлением суффикса «-ов»: Сулацкий – Сулацков, Кадацкий – Кадацков, Демченко – Демченков. Суффикс «-а» обычно менялся на «-ин»: Рында – Рындин, а «-ей» на «-еев»: Кочубей – Кочубеев. Однако нередко изменение суффикса, в частности «-о» на «-ов», происходило ещё в малороссийской среде. Так, из многих документов, устанавливающих вступление в ряды донского казачества в конце XVI – первой половине XVII века отдельных представителей украинского народа, именуемых в казачьих и московских документах «черкасами», фамилий с типично украинскими окончаниями почти не встречается.

Например, из двухсот с лишним фамилий списка «черкасов» от 1647 года нет и десятка с окончанием на «-ко» – встречаются преимущественно на «-ов», «-ев»: Купреянов, Талалаев. Сохранившиеся окончания казачьих фамилий на «-ий», «-ич», «-ек» указывают, что предки носителей таких фамилий были либо из Западной Украины, либо из Польши: Буковский, Левицкий, Кохановский, Венсович, Кундилек.

ТЮРКСКИЕ КОРНИ

Учёные имеют все основания предполагать, что у предков донских, кубанских и уральских казаков прозвища, имевшие тюркские корни, были так же распространены, как и прозвища со славянской основой. Сегодня в некоторых станицах фамилии неславянского происхождения являются преобладающими. Среди наиболее распространённых фамилий – Мержанов, Дурмасов, Катасонов, Коломанов, Болдырев. Если удастся определить регион изначального бытования фамилии, то, как правило, можно установить национальную принадлежность исконных носителей фамилии, что зачастую подкрепляется историческими документами. Так, Мержан – основоположник рода Мержановых – был арабом, бежавшим вместе с донскими казаками в 1640 году из турецкого плена.

После принятия христианства он присоединился к славному казачьему роду. Мисустов – фамилия черкесского княжеского рода, получившая распространение в среде казачества в середине XVIII столетия. Хорошо известная нам фамилия Менделеев происходит от калмыцкого слова «менделе» (здравствуй); Кунделековы, как установили документы, происходят от калмыцкого мурзы, принявшего христианство и ставшего казаком в первой половине XVIII века. В основе фамилии Галдаев – имя Галда, также с калмыцкими корнями. Это подтверждают антропологические черты многих носителей этой фамилии и семейные предания. Фамилия Туроверов имеет более сложное происхождение. Она состоит из двух слов: тюркского «тур» (неправильный) и славянского – «вера», что в буквальном смысле означает иноверца. Один из представителей семейства Туроверовых утверждает, что его род ведёт своё происхождение от перса.

ОСОБЫЙ АРЕАЛ

На Дону существует особый ареал русских фамилий, что подтверждается в первую очередь наличием ядерной группы фамилий, устойчиво бытующей в наиболее старых поселениях Подонья. Это распространённые в России фамилии, однако здесь они отличаются своей концентрацией в отдельных станицах. В семантике этих фамилий нашли отражение социально-исторические и географические особенности края, а также преобладание в них моделей, типичных для данного ареала. Среди примеров широкого распространения таких фамилий – Попов (80 станиц), Кузнецов (51), Калмыков (33), Чеботарёв (27), Ковалёв (26), Макаров (25), Фролов (24), Табунщиков (11 станиц).

ВМЕСТО ФАМИЛИИ – ОТЧЕСТВО

В делах Московского Посольского Приказа сохранились обширные списки казаков Зимовых станиц (посольств с Дона в Москву), в которых мы не встретим фамилий. Московский царь в грамотах обычно не называл фамилии донского атамана, а только его имя и отчество. Это считалось особым почётом. Впоследствии отчества превратились в фамилии, которые стали носить потомки донских атаманов – Ермака Тимофеева, Осипа Петрова, Наума Васильева.

ОТКУДА РОДОМ?

Несколько подгрупп фамилий казаков отражают названия мест, из которых пришли на Дон поселенцы. Например, фамилия Букановский говорит о том, что предок носящего эту фамилию был выходцем из станицы Букановской, расположенной сейчас на северо-западе Волгоградской области. Богучарсковы, Самарины, Калуженины – также «говорящие» фамилии, чаще всего их носили представители боярских и стрелецких сословий, вынужденных переехать на Дон.

ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ

В донских документах XVIII века можно было встретить много антропонимических прозвищ, которые позднее, сохраняя прежнюю структуру, стали обрастать суффиксами. Это особенно заметно в разновременных документах одних и тех же станиц. Так, в станице Голубинской прозвище Растяпа, которое

фиксировалось в 1745 году, в 1800 году переросло в фамилию Растяпин, а в станице Багавеской Сивоха (1752 год) превратился в Сивохина (1894 год).

ПРИРОДА И ремесло

Очень часто в основе казачьих фамилий лежало прозвище, связанное с промыслом, либо оно отражало флору и фауну данной местности. Среди донских казаков около 9 % носителей подобных фамилий. Например, фамилия Бугаев произошла от прозвища Бугай (бык), Витютнев – витютень (дикий голубь), такое же словообразование и у фамилий Бакланов, Дятлов, Раков, Щучкин. Более сотни донских фамилий отражают названия трав, деревьев, плодов и овощей. В их числе Вербичев, Rogozin, Шипшин (шипшина – шиповник). Немалую долю в фамилиях донских казаков составляют виды охотничьего промысла: Камышанов, Камышкин – от прозвищ охотников на водоплавающую дичь (фамилия была распространена в станице Верхнечирской) или Гулебщиков – от прозвища Гулебщик – охотник на крупную дичь (станция Елизаветинская).

ПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ

Особое место среди казаков занимают фамилии, которые связаны с памятными событиями. Фамилия Драницын (станция Дурновская) произошла от слова дранец: человек, которого драл медведь. Фамилия Купленов (станция Иловлинская) – от прозвища казака, которого когда-то выкупили из азовского плена. Но есть фамилии, которые свидетельствуют о том, что казак не участвовал в конкретном событии. Например, предок Недуванова (станция Старочеркасская) не принимал участия в каком-либо памятном дележе (дуване) военной добычи после набега на турок или татар. В целом казачьи фамилии при заметном родстве с типично русскими фамилиями имеют уникальную историю, которая отражает специфику и колорит жизни казачества. Свои судьбы у фамилий казаков-черноморцев, которые имеют больше сходства с украинскими фамилиями, преимущественно оканчивающимися на «-ий», «-ой», «-ый», «-а», «-ас». В основе их славянские и тюркские слова, позаимствованные у предков – чёрных клобуков, известных как черкасы.

<https://infozor.ru/kazach-i-familii-i-ih-osnovny-e-otlichiya-ot-russkih/>

История

КАКИМИ КАЗАКАМИ СТАЛИ СОЛДАТЫ НАПОЛЕОНА

После русской кампании осколки некогда великой армии Наполеона рассеялись по бескрайним просторам России. Часть солдат вернулась домой, но немало пожелали остаться в чужой стране навсегда.

КУДА ИСЧЕЗЛА АРМИЯ?

В 1869 году вышедший на пенсию французский инженер Шарль-Жозеф Минар со свойственной ему кропотливостью проделал уникальную работу: создал диаграмму, в которой отразил изменение численности наполеоновского войска в период русской кампании.

Согласно цифрам, из 422 тысяч перешедших Неман наполеоновских солдат обратно вернулись всего 10 тысяч.

Французский инженер не учёл ещё примерно 200 тысяч человек, которые пополнили армию Наполеона в ходе войны. По современным данным, из 600-тысячной Великой армии в обратном направлении границу России пересекло не более 50 тысяч человек. Подсчитано, что за полгода боёв погибло около 150 тысяч человек, но где же остальные 400 тысяч?

Количество попавших в плен наполеоновских солдат (французов, немцев, поляков, итальянцев) историк Владлен Сироткин оценивает в 200 тыс. человек – практически все, кто уцелел в негостеприимной России.

Многим из них не суждено было выжить – голод, эпидемии, морозы, массовые убийства. Всё же около 100 тысяч солдат и офицеров оставались в России два года спустя, из них порядка 60 тысяч (большинство французы) – приняли российское подданство.

После окончания войны король Франции Людовик XVIII просил Александра I как-нибудь воздействовать на застрявших в России соотечественников и заставить их вернуться на родину, но русское правительство заниматься этим не стало.

ФРАНЦУЗСКИЙ СЛЕД

Следы пребывания французов в России можно увидеть по всей стране. В Москве сегодня проживает около полутора десятков семей, чьи предки когда-то не пожелали возвращаться во Францию – Ауцы, Юнкеровы, Жандры, Бушенёвы. Но особое место здесь занимает Челябинская область. Почему? Об этом позднее.

В первой половине XIX столетия на окраине Самары существовал топоним «Французова Мельница». Это свидетельство того, что на когда-то работавшей мельнице трудились пленные французы.

А в современном Сыктывкаре (ранее Усть-Сысольск Вологодской губернии) есть пригород Париж. По преданию, его основание – также дело рук пленных французов.

Оставили свой след французы и в русском языке. Голодные и замерзающие наполеоновские солдаты, выпрашивая у русских крестьян кров и хлеб, нередко обращались к ним «cher ami» («милый друг»). А когда им была нужна лошадь, они произносили это слово на родном языке – «cheval». Так великий и могучий пополнился жаргонными словечками – «шаромыжник» и «шваль».

Известный русский экономист, сын смоленского помещика Юрий Арнольд оставил нам воспоминания, в которых поведал о наполеоновском солдате по фамилии Гражан, ставшим его воспитателем. Мальчик души не чаял в «дядьке», научившем его разводить костёр, ставить палатку, стрелять и барабанить. В 1818 году родители оправили сына в Московский дворянский пансион. Педагоги были в шоке. Не столько от свободного владения Юрием французским языком, сколько от жаргонных выражений, которыми «сыпал» подросток: «Жрать, засранцы!» или «Ползёт, как беременная вошь по дерьму», – так они звучат в переводе на русский.

ИЗ НАПОЛЕОНОВЦЕВ В КАЗАКИ

Наполеон, произнёсший знаменитую фразу «Дайте мне одних казаков, и я пройду с ними всю Европу», и подумать не мог, что в скором времени его солдаты вольются в это грозное воинство. Но адаптация происходила постепенно. Историки по крупицам собирают сведения и восстанавливают картину ассимиляции в России бывших наполеоновских солдат.

Например, профессор Сироткин в московских архивах наткнулся на след маленькой на-

полеоновской общины на Алтае. В документах говорится, как три солдата-француза – Венсан, Камбрэ и Луи – добровольно уехали в тайгу (Бийский уезд), где получили землю и были приписаны к крестьянам.

Историк Владимир Земцов обнаружил, что в Пермской и Оренбургской губерниях побывало не менее восьми тысяч пленных наполеоновцев, из них несколько десятков – имперские офицеры. Около тысячи умерло, а многие после заключения мира пожелали вернуться домой.

Принимали французов со всем гостеприимством. Одетых не по сезону обмундировали полушубками, суконными панталонами, сапогами и рукавицами; больных и раненых сразу отправляли в военные госпитали; голодных – откармливали. Некоторых пленных офицеров русские дворяне брали к себе на содержание.

Унтер-лейтенант Рюппель вспоминал, как жил в семье оренбургского помещика Племянникова, где, между прочим, познакомился с историком Николаем Карамзиным. А уфимские дворяне устраивали для пленных французских офицеров бесконечные ужины, танцы и охоты, оспаривая право пригласить их к себе первыми.

Следует заметить, что французы российское подданство принимали робко, словно выби-

рая между позорным возвращением на родину и полной неизвестностью.

Во всей Оренбургской губернии таких оказалось 40 человек – 12 из них пожелали вступить в казачье войско.

Архивы нам сохранили имена пяти смельчаков, которые в конце 1815 года подали прошение о вступлении в российское подданство: Антуан Берг, Шарль Жозеф Бушен, Жан Пьер Бинелон, Антуан Виклер, Эдуар Ланглуа. Позднее они были причислены к казачьему сословию Оренбургского войска.

К началу XX века в Оренбургском войске насчитывалось порядка двухсот казаков с французскими корнями.

А на Дону в конце XIX века краеведы нашли 49 потомков наполеоновских солдат, записавшихся в казаки. Обнаружить их было не так просто: к примеру, Жандр превратился в Жандро, а Бинелон в Белова.

НА ЗАЩИТУ НОВЫХ РУБЕЖЕЙ

Уездный городок Верхнеуральск (сейчас это Челябинская область) в начале XIX столетия был небольшим фортом, охранявшим юго-вос-

точные рубежи России от набегов казахских батыров. К 1836 году возникла необходимость укрепления этого плацдарма, для чего началось строительство Новой Линии: вскоре от Орска до станицы Березовской выросла цепь казахских поселений – редутов, четыре из которых получили французские имена: Фер-Шампенуаз, Арси, Париж и Бриенн. Среди прочих на Новую Линию были переселены все казаки-французы со своими семьями.

В ответ на наращивание численности казахских войск казахский султан Кенесары Касымов развернул масштабные боевые действия. Теперь убелённые сединами наполеоновские ветераны вновь вынуждены были возвращаться к подзабытому воинскому ремеслу, но теперь для защиты интересов уже нового отечества.

В числе добровольцев на Новой Линии оказался престарелый и обрусевший наполеоновский солдат Илья Кондратьевич Ауц, который переехал сюда из Бугульмы со всем многочисленным семейством, а также родившийся от француза и казачки оренбургский казак Иван Иванович Жандр. Последний в итоге дослужился до чина сотника и получил землю в станице Кизильской Верхнеуральского уезда.

В Оренбурге прижился ещё один колоритный француз – молодой офицер из древнего рыцарского рода Дезире д'Андевиль.

Какое-то время он занимался преподаванием французского языка. Когда в 1825 году в Оренбурге было учреждено Неплюевское ка-

зачье военное училище, д'Андевиль был принят в его штат и причислен к казачьему сословию на правах дворянина.

В 1826 у него родился сын – Виктор Дандевилль, который продолжил казачье дело отца. С 18 лет Виктор служил в войсковой конной артиллерии, отметился в походах на Арал и Каспий. За боевые отличия его назначают на пост наказного атамана Уральского казачьего войска. Впоследствии Виктор Дандевилль достигает новых высот – становится генералом от инфантерии и командиром армейского корпуса. Он, как когда-то его предки-крестоносцы, демонстрирует свою воинскую доблесть в сражениях с мусульманами – в Туркестане, Киргизии, Сербии и Болгарии.

Много пленных солдат Великой армии оказалось в землях Терского казачества. Это были почти исключительно поляки, которых по традиции называли французами.

В 1813 году около тысячи поляков было переправлено в Георгиевск – главный город Кавказской губернии. Теперь новоиспечённым казакам предстояло нести воинскую службу в одной из самых горячих точек российского порубежья. Какая-то часть казаков-поляков уцелела в пекле Кавказской войны, о чём могут свидетельствовать польские фамилии, до сих пор встречающиеся в станицах Северного Кавказа.

<https://cyrillitsa.ru/history/64385-kakimi-kazakami-stali-soldaty-napole.html>

Народы

ЧЕТЫРЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДА, КОТОРЫЕ ИСПОВЕДУЮТ ИСЛАМ

Не все славянские народы – христиане. Во время господства Османской империи на Балканах некоторые отошли от веры предков и приняли ислам. Это кардинально изменило их жизнь.

Балканы известны как «пороховая бочка Европы». Пёстрый этнический состав, южный темперамент, смешение турецких и славянских традиций – всё это оборачивалось острыми конфликтами и кровопролитными войнами. Могущественная Османская империя ещё в XIV–XV веках поставила коренное население перед выбором – платить непосильные налоги и страдать за веру предков или принять ислам. Так часть славян стала мусульманами. В первую очередь богами – болгарские еретики, и мест-

ная знать, не желавшая платить огромную дань захватчикам. В результате получился причудливый этнокультурный сплав, вокруг которого по сей день разгораются нешуточные споры.

БОСНЯКИ

Единственные исламизированные славяне, которым удалось выделить свой статус в виде отдельной национальности и обозначить соб-

ственный язык, который изначально считался диалектом сербохорватского (впрочем, этот тезис многие воспринимают в штыки).

На территории Боснии турецкое влияние было особенно сильным: это исторически связывают с тем, что на эти территории христианская культура распространилась позднее, чем на остальные южнославянские земли. Поэтому и сам процесс исламизации выглядел органичнее и не встретил бурного противостояния со стороны населения.

Босняки сейчас успешно сочетают светскость и религиозность, исламские и славянские традиции: как и у всех мусульман, у них не принято обходить молящихся спереди, есть стоя и на ходу, брать вещи и пищу левой рукой. Но в остальном они гораздо демократичнее других своих единоверцев: женщины обладают равными правами с мужчинами, могут носить свободную одежду и не закрывать лицо. Кроме того, в Боснии не возбраняется употребление алкоголя и курения.

Одним из самых известных босняков по праву считается культовый режиссёр Эмир Кустурица: правда, в 2005 году он, по собственному признанию, решил вернуться к вере предков и был крещён в православии.

ПОМАКИ

Принявшие ислам болгары (по другой, менее популярной версии – потомки тюрков). Они отличаются от всех остальных славян-мусульман тем, что говорят на болгарском языке не только с вкраплениями турецких слов, но с обилием старославянизмов. Свою исламизацию и отделение от православных соотечественников помаки восприняли отнюдь не воодушевлённо и долгое время сохраняли некоторые христианские традиции: например, ходили на Богоявление за святой водой и крестили хлеб при замешивании теста.

У местных женщин так и не прижилась чадра: вместо неё они носят косынки.

Сейчас обычаи помаков представляют собой пёстрый сплав язычества и ислама: в культуре порицаются употребление алкоголя и половые отношения до брака, обрезание мальчиков делается повсеместно, а свадьбы играют только между односельчанами.

При этом сама церемония включает в себя много неожиданных моментов: во-первых, все торжества проходят только зимой, во-вторых, лицо невесты плотно покрывается белой краской, дабы уберечь её от завистливых глаз, а затем разрисовывается яркими цветами, в основном розами, что одновременно показывает как любовь к родной стране (роза – символ Болгарии), так и отдаёт дань восточным традициям, где это растение также пользуется уважением.

ТОРБЕШИ

Торбеши – исламизированные в XV–XVIII македонцы, жители западной части страны, сохранившие в чистом виде свой язык (только изредка они говорят на смеси македонского и сербского). Никаких альтернативных версий их происхождения не существует; торбеши – стопроцентные славяне.

Сложность их существования кроется в неоднородном составе самой Македонии: турецкое влияние, неразрывная связь с Болгарией, присутствие огромной албанской общины.

Часть торбешей была ими ассимилирована, другая же и по сей день настаивает на уникальности своей национальной идентичности.

Кстати, их обряды очень схожи с помацки: например, на свадьбу лицо невесты также покрывают белыми красками, правда, сам макияж и костюмы менее пёстрые и кричащие, чем у болгар-мусульман: в них преобладают золотистые, серебристые и лазурные тона.

Горанцы – мусульманские жители южной части Косово и Метохии, говорящие на сербском или на диалекте болгарского языка. В мирные времена они славились своими кондитерскими лавочками, вкусной выпечкой и уютными маленькими кофейнями, но военная операция НАТО имела трагические последствия не только для сербов, но и местных славян-мусульман, многие из которых покинули родные места, в том числе из-за обострившихся отношений с албанцами. Большинство горанцев ныне проживает в Сербии.

ЧЕРНОГОРЦЫ–ПОТУРЕЧЕНЦЫ

Ещё одна славяно-мусульманская общность. Любопытно, что именно Черногория стала единственной страной на Балканах, лишь частично подчинившейся Османской империи. Несмотря на то, что и в этом регионе исламизация проводилась не менее интенсивно, чем в других, местное население неоднократно давало решительный отпор завоевателям. Так, в 1712 году в битве при Царев-Лазе 8 (по другим данным – 12) тысяч черногорцев под командованием митрополита Даниила сумели разбить 60-тысячную турецкую армию, отделавшись при этом минимальными потерями.

Сейчас местные славяне-мусульмане не столь многочисленны и не имеют каких-то ярких специфических обычаев, в отличие от тех же торбешей и помаков.

<https://cyrillitsa.ru/narody/70743-4-slavyanskikh-naroda-kotorye-ispoveduyut.html>

СКОЛЬКО КАЗАКОВ БЫЛО МУСУЛЬМАНАМИ

Принято считать, что казаками были исключительно православные христиане. Это не так. В среде казачества всегда было много представителей разных конфессий, в том числе мусульман. Существует даже версия, что первыми казаками стали именно мусульмане.

ТЮРКСКИЕ НАСЛЕДНИКИ

Распад Золотой Орды вызвал интенсивное брожение народов, которые кочевали с места на место в поисках наиболее надёжного пристанища. Среди них были и те, кого принято считать предтечей казачества – бродники, ногайцы, черкасы, торки.

В 1492 году крымский хан Менгли I Гирей сообщал Ивану III, что его войско, возвращавшееся из-под Киева с богатой добычей, было атаковано «ордынскими казаками». Об «ордынских» или «азовских» казаках повествуют многие летописи эпохи Ивана III. Например, в донесении послов пограничных воевод великому князю читаем: «Поле не чисто от азовских казаков». При этом татарские казаки, как русские и малороссийские, хоть и поступали на государственную службу, однако никакой власти над собой не желали.

О тюркском происхождении казачества могут свидетельствовать такие имена атаманов, как Кара Бука, Бакай-ага, Джарлы-ага, Бакай-ата. Было немало казаков с татарскими корнями и в отряде атамана Ермака – Окул (на тюркском означает «посажённый отец») или Корчига («ястреб-тетеревятник»). Напомним, что казак Мамай, имеющий явно тюркскую родословную, считался олицетворением запорожского казачества.

Однако многие тюрки после вступления в казаки принимали православие и брали русские имена. В архивах Уральского и Орен-

бургского войск есть сведения, что казаки при крещении указывали своё происхождение, например: «происхожу из рода кипчак», или тама, или алим, или «из рода ногайских мурз». Приток казаков из рода чингизидов (прямых потомков Чингисхана) и казахских племён наблюдался в XVI–XVIII вв. Наиболее грамотные из них повышали своё образование в учебных заведениях Москвы.

Академик Иван Миллер считал, что слово «казак» – это самоназвание группы тюркских племён, представителей которой называли киргиз-кайсаками. «Мы одного корня с киргиз-кайсаками, они состоят в родственной связи со всем казачьим миром», – указывал потомственный казак генерал Исаак Бакадоров.

Исследователь запорожского казачества Дмитрий Яворницкий в своих работах приводит имена первых казаков, встречающиеся в летописных источниках, – Аллаберды, Аличембей, Акмолла-ага, Бассанали, Чабан-ага. Их тюркская этимология не вызывает сомнения. Лингвист А. И. Назаров, проведя подробный анализ уральских казачьих фамилий, выявил, что по меньшей мере 300 из них имеют тюрко-мусульманское происхождение: к примеру, Абдрашитов, Вагапов, Исмаилов, Кенжебеков, Нигматуллин, Сеитов, Юсупов и многие другие. Казачий хорунжий Леонтий Мяснянов так писал об уральцах: «Были также полноправными казаками татары, калмыки, и были они великолепными казаками».

КАЗАКИ-ИНОВЕРЦЫ

Николай Горбунов, полковник Астраханского казачьего войска, обращает внимание на то, что среди казаков, помимо православных, были представители различных вероисповеданий: мусульмане, буддисты, католики, лютеране. Многие учёные при изучении феномена казачьей веротерпимости отмечают, что она была обусловлена желанием выжить в окружении ино-

верцев. Длительное совместное проживание непременно приводило к ассимиляции.

В 1840 году было разрешено служить в казаках и занимать командные должности представителям мусульманской аристократии. Политолог Сергей Маркедонов по этому поводу замечает: «Было бы неверно представлять, что переход в казаки непременно сопровождался отказом от ислама, веры предков».

Исследования, проводимые в 1862 году в среде уральских казаков, дали следующую картину: число русских, включая белорусов и украинцев, составляло 70 331 человек (85,8 %), башкир – 6 095 (7,4 %), татар – 4 168 (5,1 %), калмыков – 1 184 (1,4 %), остальных, преимущественно тюрков, – 220 (0,3 %). Таким образом, процент мусульман в Уральском войске в середине XIX века равнялся 12,8.

Добровольные переходы мусульман Северного Кавказа, Казахстана или Туркменистана в казачество, согласно источникам XIX века, были не таким редким явлением. К примеру, количество терских казаков станицы Луковской с 1856 по 1866 год увеличилось почти вдвое. А статистика 1875 года показала, что в Луковской, помимо русских, проживали 772 черкеса и 182 осетина.

Казачья служба выходцев с Северного Кавказа берёт начало с 1733 года, когда кабардинскому князю Эльмурзе Бековичу-Черкасскому было поручено зазывать горцев в казаки. Каждому поступившему на службу было обещано по 15 и более рублей годового жалования. До нас дошли имена кавказской знати, командовавшей казачьими отрядами, среди них Куденек Камбулатов и Сунчалей Янгличев.

Мусульмане проходили службу преимущественно в Горско-Моздокском и Кизляро-Гребенском полках Терского войска. Известно, что на апрель 1913 года в Терском казачьем войске служили 338 офицеров, из них русских было 256, остальные – представители кавказских народов, в первую очередь ингуши и осетины.

При Николае I из мусульман Кавказа и Крыма сформировали Кавказско-Горский и Крымско-Татарский эскадроны по образцу лейб-гвардейских казачьих частей. Они стали полноправной составляющей Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

В это же время по российскому образцу было создано Персидское казачье войско. Его численность в 1920 году превышала 8 тыс. человек, в том числе в него входили 122 российских офицера, преимущественно осетины. Они прекрасно владели персидским языком, родственным их родному осетинскому. Интересно, что в персидских казаках начинал службу офицер Реза-хан, который впоследствии стал предпоследним иранским шахом под именем Реза Пехлеви.

ПРИЖИЛИСЬ НЕ ВСЕ

Российские власти всегда старались отвечать на духовные запросы мусульман-казаков. Для них, к примеру, строились мечети. В соответствии с российским законодательством для создания одного прихода требовалось наличие не менее 200 мусульман мужского пола. По данным за 1853 год, казаки-магометане имели возможность посещать 114 мечетей, в которых служили 169 духовных лиц.

В последние дни царствования Николая I был подготовлен специальный документ «Правила устройства духовной жизни магометан казачьего сословия», законодательно регулировавший религиозный быт казаков-мусульман. Согласно данным «Правила», на февраль 1855 года в штате Донского, Черноморского, Кавказского, Уральского, Оренбургского, Сибирского казачьих войск и Тобольского конного казачьего полка состояли 18 599 мусульман. Следует признать, что властям было непросто контролировать уклад жизни воинов-мусульман. Особенно сложная ситуация сложилась в годы Крымской войны (1853–1856 гг.), где главным противником России была мусульманская Турция.

В 1860 году был зафиксирован случай, когда татары-казаки подали на имя наказного атамана Хомутова прошение отпустить их в Турцию. Хомутов внимательно отнёсся к прошению и велел войсковым старшинам провести своеобразный опрос, по результатам которого выяснилось, что одной из основных проблем для казаков-магометан была невозможность вступить в брак с женщинами-христианками, а при недостатке женщин их роду грозило истребление. Разрешение на эмиграцию было дано, однако далеко не все мусульмане решились оставить свои курени.

С ПРИЦЕЛОМ НА БУДУЩЕЕ

Казаки-мусульмане и сегодня довольно распространённое явление. Так, в Пермской области в 2004–2005 годах была сформирована первая в России мусульманская казачья сотня. Муфтий Пермской области Мухаммедгали Хузин тогда подписал соглашение с Прикамским отдельным казачьим округом.

«Мы хотим показать пример того, как можно служить Отечеству, не нарушая духовных традиций своих предков», – заявил муфтий. Ничто не может помешать казакам-мусульманам совершать намазы и готовить халяльную еду, а в период Рамадана держать пост. Они, как и прочие казаки, регулярно организуют летние подростковые лагеря и ведут воспитательно-патриотическую работу с под-

растающим поколением, помогают правоохранительным органам обеспечивать порядок, в частности, борются с распространением наркомании.

В декабре 2005 года Оренбургское городское казачье общество в канун своей 14-й годовщины пополнилось ещё одной организацией – хуторским казачьим обществом «Яицкое», главой которого был избран Наиль Якупов.

Особенностью «Яицкого» является то, что его состав включает равное количество казаков-христиан и мусульман.

В наши дни тенденция к возрождению мусульманского казачества наблюдается также на Северном Кавказе.

<https://cyrillitsa.ru/narody/69533-skolko-kazakov-bylo-musulmanami.html>

Сильные личности в истории России

ЕВРОПА МОЖЕТ ПОДОЖДАТЬ!

Александр III – император Всероссийский

Один знаменитый исторический эпизод случился более ста пятидесяти лет назад, когда русский император Александр III в своей загородной резиденции удил в свободное время рыбу. В этот момент к нему подбежал взволнованный адъютант и сообщил, что его поджидает французский посол, мол, очень спешит и требует немедленного рандеву. На что Александр III, не отрывая взгляда от поплавка, спокойно произнёс: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может и подождать!».

А вот и другой характерный эпизод. По наущению Англии, которая со страхом взидала на рост русского влияния в Туркестане, афган-

цы заняли русскую территорию по соседству с крепостью Кушка. Командир военного округа телеграфировал императору, испрашивая инструкции. «Выгнать и проучить как следует», – последовал лаконичный ответ из Гатчины, где находился в тот момент император. Афганцы и их британские инструкторы постыдно бежали, преследуемые несколько десятков вёрст нашими казаками. Британский посол получил предписание выразить Петербургу резкий протест и потребовать извинений.

– Мы этого не сделаем, – сказал Александр III и наградил генерала Комарова, начальника пограничного отряда, орденом Святого Георгия. – Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорию, – заявил Государь.

Доложивший ему об инциденте приближённый задрожал.

– Ваше Величество, это может вызвать вооружённое столкновение с Англией.

– Хотя бы и так, – ответил император.

С «туманного Альбиона» пришла новая угрожающая нота. В ответ на неё царь отдал приказ о мобилизации Балтийского флота. Это распоряжение было актом высшей храбрости, ибо британский военный флот превышал наши морские силы по крайней мере в пять раз. Прошло две недели. Лондон примолк, а затем предложил образовать комиссию для рассмотрения русско-афганского инцидента...

БЫЛ БЫ ГЕНЕРАЛОМ!

А вот ещё один характерный эпизод, связанный с императором. Раз на границе с Афганистаном казачий есаул со своим отрядом перехватил контрабандистов. Среди них оказались два офицера из Великобритании, на тот момент – наиболее вероятного противника России. За нарушение границы, вооружённое сопротивление и контрабанду, по традиции, контрабан-

дистов, не особенно церемонясь, расстреляли. А с англичанами, что было делать – непонятно, поэтому есаул приказал их по казачьему обычаю выпороть нагайками и отпустить.

Англичанам стоило бы промолчать в тряпочку, но те начали возмущаться насилием над честными офицерами-географами. Пошли рапорты, жалобы. Дошло вплоть до английского МИДа и королевы Виктории, которая послала русскому царю чуть ли не ультиматум, требуя наказать есаула и принести британской короне извинения.

На это Александр III приказал: «Извинений никому не приносить! Есаулу отправить телеграм-

му «Поздравляю полковником! Если бы повесил этих англичан, стал бы генералом. Александр». Текст телеграммы был опубликован в газетах...

Эти поступки Александра III, которого называли «Миротворцем», вошли в учебники истории. При этом императоре, могучем богатыре, который ломал пальцами пятак и мог завязать узлом кочергу, не было ни одной войны, напасть на Россию тогда никто не смел.

http://zlobodnevno.com/blog/43956066273/Nekotoryie-osobennosti-russkoy-progulki?utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1

История быта

КАЗАЧЬЯ БОРОДА

«Пострадайте за веру, а докажите начальству, что вы не ясачные татары, не пахатные солдаты, а вольные люди, славные яицкие казаки. Нам хотели обрить бороды, записать в легион, хотели нас сделать солдатами, да не могли: наша взяла; стойте же и вы: всех не перестреляют, всех не переказнят, сделают, и по-нашему»

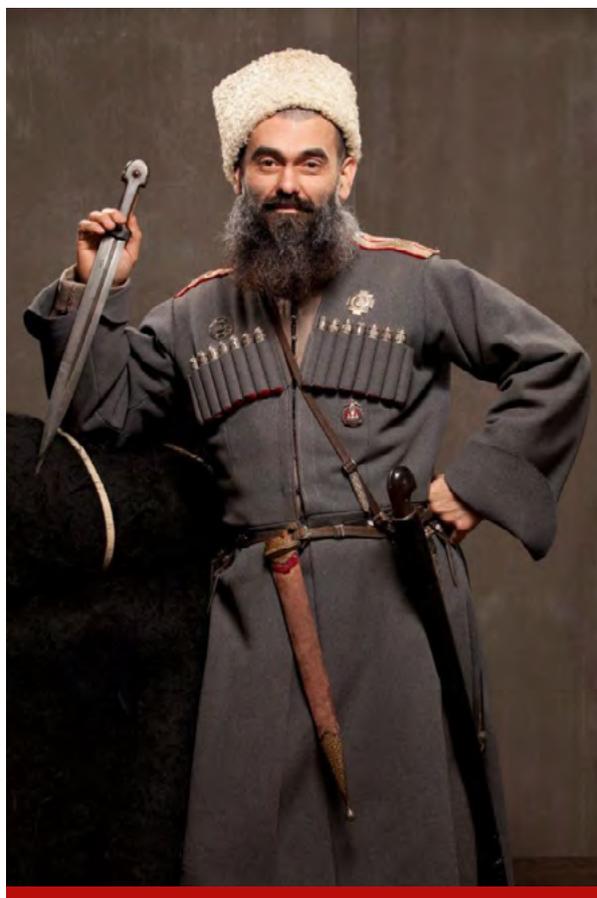
Казачья борода имеет свою историю. Борода у казаков-староверов была признаком приверженности «древнему благочестию», культурно-религиозным традициям и даже символом свободы.

Согласно святоотеческой традиции, борода есть безусловный признак мужчины, созданного по образу и подобию Божию. Дабы не идти против замысла Божиего, старообрядчество запрещает бритьё и пострижение бороды – «резало не должно касаться брады». Бритьё растительности на теле, как уподобление противоположному полу, считается у старообрядцев грехом и мерзостью.

Значение бороды хорошо понимал атаман Емельян Пугачёв, считая бороду казачьим правом наравне со «старой верой» и «вечной волей».

В 1771 году, когда разнеслась молва, что из казаков будут делать гусарские эскадроны и будут брить им бороды, произошёл мятеж яицких казаков. В 1773 году яицкими казаками был убит генерал Траубенберг, приказавший брить казакам бороды на главной площади. Войсковой атаман, пытавшийся успокоить разъярённых казаков, также был убит. Новым атаманом мятежных казаков был избран Емельян Пугачёв, который обещал жаловать всех, кто присоединится к нему, крестом, бородой, рекой, землёй, хлебом, свинцом, порохом и вечной волей.

В Яицком Войске был хорошо известен казак по имени Марушка, сосланный за участие в пугачёвщине в Нерчинские каторжные заводы. Этот казак не позволял прикасаться к своим волосам, которые, по арестантскому праву, у него должны были быть обриты как на голове, так и на подбородке. Он три раза ложился под кнут, но ни брить волос на голове, ни стричь бороды не позволил.

Казакі говорили «Чем одну бороду (брить), уж лучше всю буйну голову». В. И. Даль, живший пять лет в Оренбурге, также отмечал в повести об уральских казаках, что «казаку борода головы дороже».

Яицкий казак Ефим Павлов, отбывавший 30 лет на каторге в Сибири с выдранными ноздрями, с клеймами на лбу и щеках за то, что принимал участие в бунте Уральского Войска в 1804 году против введения положения о срочной службе, по возвращении с каторги говорил в назидание потомству: «Пострадайте за веру, а докажите начальству, что вы не ясачные татары, не пахотные солдаты, а вольные люди, славные яицкие казаки. Нам хотели обрить бороды, записать в легион, хотели нас сделать солдатами, да не могли: наша взяла; стойте же и вы: всех не перестреляют, всех не переказнят, сделают, и по-нашему» (В. Н. Витевский, «Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в конце XVIII и XIX в», 1878).

Ефим Павлов, вернувшись с каторги на Урал, вместе с 29 казаками подал прошение лично цесаревичу Александру Николаевичу. Казаки просили сделать атаманом природного казака, выбирать чиновников из своей среды; выказали недовольство иногородним атаманом В. О. Поткатиловым, жаловались на злоупотребления чиновников. За этот поступок престарелый Ефим Павлов был заключён в острог, где и помер в кандалах. Непокоримый борец за свободу. «Разина порода», как уральцев называли иногородние.

Уральские казаки, как самые консервативные в вопросах религии, дольше всех казаков сохраняли общинный уклад.

«Придерживаются до сих пор не столько старой веры, сколько старого церковного обряда и по привычке, да и потому, что вся коренная основа казачьего быта выродилась из древних порядков и зиждется на них. <...> Казаки, пожалуй, готовы и от войсковой суммы отказаться, лишь бы не рушили их коренных верований, связующих веру с общиной». (С. В. Максимов,

«Плавня (Очерк уральской казачьей общины)», «Исторический вестник», т. 12, 1883).

Ещё когда на Яике прознали, что Пётр I намеревается сделать из казаков солдат со «скобленными рылами», казаки даже думали бежать всем Войском в степи. Мужчины с бритыми лицами, по представлениям староверов, появляются в «последние времена». После жестоких «усмирений» волнений уральцы принуждены были переодеться в мундиры и сбривать бороды, находясь на службе в России. Уральские «мастерицы», ревнительницы и хранительницы «древнего благочестия», отчитывали молитвами вернувшихся из России казаков с бритыми усами и бородами.

Тесную связь старинного казачьего уклада и религиозной традиции заметил у казаков-некрасовцев Михаил Чайковский, командовавший некрасовцами в турецкой армии:

«В свою общину некрасовцы принимают только донцов, которые могут доказать своё чистое донское происхождение и приверженность старой вере. <...> Некрасовцы фанатично исполняют староверческие обряды, но духовенство не любят, и держать у себя не хотят, в отличие от староверов в Добрудже. Некрасовцы не задумываются о теологическом смысле догм, довольствуясь соблюдением внешних обрядов. <...> В церкви они делают поклоны и поют псалмы. У них не бывает месс и проповедей. Это всё говорит о том, что в глубине души некрасовцы не являются религиозными фанатиками, а только поверхностно соблюдают посты и обряды, чтобы сохранить войско в том состоянии, в котором их оставил Игнат Некраса. Некрасовцами руководит Вера во Христа и любовь к Отечеству.

Николай ДЬЯКОНОВ

<https://www.facebook.com/groups/492587621100911/permalink/730798073946530/>

http://kazak-center.ru/load/khronika_kazachestva/1/1/71-1-0-365

Архив

ГРАМОТА ОТ ЦАРЯ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА

31 августа 1584 года была написана в Москве грамота войску Донскому от царя Феодора Иоанновича.

«От Царя и Великого князя Феодора Иоанновича всея Руси, – писано в этой грамоте, – на Дон, Донским Атаманам и Казакам, старым и но-

вым, которые ныне на Дону, и которые зимуют близ Азова...» Далее в грамоте своей царь объявляет казакам, что от Москвы к азовскому паше послан для переговоров Борис Петрович Благово, и чтобы казаки помогли ему доехать до Азова, а сами с азовскими людьми «жили мирно

и задору никакого азовским людям не чинили», да мало того, чтобы позволили азовским людям ловить рыбу по Дону, рубить там дрова и вообще устраиваться на Дону. Кроме того, запрещалось казакам ходить и на крымцев, и требовалось, чтобы казаки жили с крымским ханом в мире. И за это царь Московский послал казакам своё жалованье: селитру для пороха и свинец. И на будущее время царь Московский обещал дарить казаков своим царским жалованьем.

Приказывал царь Московский ещё донским казакам составить список поимённо, кто и где атаман, и сколько с ним казаков, и список этот отдать тому же Благово, когда он поедет назад. И за это царь обещал к весне всем атаманам прислать ещё жалованье.

Этой грамотой кончалась первобытная вольная жизнь казаков. Не стало им свободы, не могли они больше по своей воле ходить «зипуна добывать», искать добычи. Из вольных людей они обращаются этой грамотой в войско царское, получающее за свою верную службу жалованье.

31 августа 1722 – начало Персидского похода Петра I с участием казачьих соединений.

31 августа 1803 г. Указом в связи с тем, что урядники донского казачества, нередко занимая офицерские должности, выполняли более ответственные обязанности, чем простые казаки, для них было установлено повышенное жалованье, а именно старшим 38 руб., а младшим 17 руб. в год. По общему правилу казачьи полки получали казённое довольствие лишь при отдалении из своих станиц далее ста вёрст. Согласно указу от 29 сентября 1802 г. довольствие это составляло: офицерам – жалованье с денщиным довольствием и рационами по окладам армейских гусарских полков, полковому писарю – жалованье 30 руб. в год и дача провианта, положенная писарю гусарского полка, казакам – жалованье 12 руб. в год и солдатская дача провианта; сверх того, писарю и казакам фураж на зимние месяцы (от 6 до 8 месяцев) на две лошади: на одну натурой, на другую деньгами, по местным казённым заготовительным ценам.

История

СУДЬБИЩЕНСКАЯ БИТВА – КРОВАВЫЙ БОЙ С КРЫМСКОЙ ОРДОЙ НА ДИКОМ ПОЛЕ

В этом сражении 7-тысячный русский отряд противостоял 60-тысячному войску хана Девлет I Гирея.

Государственные образования, появившиеся в результате распада Золотой Орды, всегда являлись источником бесконечных бед для Русского государства и её европейских соседей. Особую опасность представляло Крымское ханство, попавшее в 1475 году под власть Османской империи. В этом году были завоёваны генуэзские колонии на побережье полуострова и православное княжество Феодоро, последний осколок Византии, в Крыму началась жёсткая исламизация, а портовые города стали точками, из которых на невольничьи рынки мусульманских стран отправлялись корабли с живым товаром.

Основой экономики турецкого вассалитета стала работорговля, лишь за первую поло-

вину XVI века в пределы Русского государства было совершено 43 набега, а за вторую – 48 набегов крымских татар и ногайцев, угонявших в рабство славян. Аналогичные действия, но в меньших масштабах совершали на восточных и северо-восточных границах Русского царства в 1534–1545 годах казанские татары. Это стало одной из причин организации царём Иваном Грозным серии походов на Казань. Подчинение Казани Москве не устраивало крымского хана Девлет I Гирея, в 1552 году он попытался помешать экспедиции Ивана IV, но потерпел неудачу.

Присоединение Казанского ханства и усиление позиций России на Северном Кавказе – в этом же году русскому самодержцу присягнули терские, пятигорские и другие черкесские князья – вызвало беспокойство Девлет I Гирея. Весной 1555 года, как сообщает

Мемориал «Судбищенская битва» в Орловской области

Сергей Соловьёв, «по обычаю – в одну сторону лук натянуть, а в другую стрелять – хан распустил слух, что идёт на черкасов», направил в пределы Русского государства 60-тысячное войско, в составе которого кроме крымских татар находились турки.

Выполняя обязательства перед черкесами, Иван Грозный отправил из Белёва 13-тысячную армию под командованием воевод Ивана Шереметева и Льва Салтыкова. Большой полк двигался Муравским шляхом в сторону Перекопа и должен был заставить хана вернуться из похода.

Шереметев встретил войско противника 24 июня, осуществив ловкий манёвр, он зашёл в тыл ханской армии и захватил огромный обоз, в котором было 60 тысяч лошадей, 200 кабардинских скакунов и 180 верблюдов. Эта богатая добыча в сопровождении шести тысяч ратников была отправлена в Мценск, Шереметев остался с семитысячным войском. Хан, предполагая, что имеет дело с армией под командованием Ивана Грозного, в сражение ввязываться не стал и отступил в степь. Лишь на следующий день, узнав о малочисленности русского войска, он вступил с отрядом Шереметева в сражение у села Судбищи (ныне Новодеревеньковский район Орловской области).

Хан был уверен в быстрой победе, ведь он обладал почти десятикратным преимуществом в живой силе. Русские подготовились к встрече противника хорошо, многочисленные атаки противника продолжались 8 часов, но одолеть

хорошо укрепленный лагерь крымско-турецкое войско не смогло. Силы русских с каждым часом таяли, воеводы Алексей Басманов и Стефан Сидоров, собрав вокруг себя оставшихся ратников, укрылись «в буераке». Сюда же был перенесён серьёзно раненный Шереметев. Хан, убедившись в тщетности одолеть две тысячи храбрецов, начал отступление к Ливнам, в сторону своих улусов.

На следующий день к Туле приблизилось войско самого государя, который вышел из Москвы на помощь Шереметеву. Сюда, в Тулу, герои Судбищенской битвы воеводы Салтыков и Басманов переправили остатки русского войска и привезли раненого Шереметева. Иоанн IV с почётом встретил лежавшего на носилках боярина-воеводу и наградил всех участников сражения.

Судбищенское сражение, в котором погибло пять тысяч русских воинов, то есть большая часть войска, не только спасло Московское государство от страшного разгрома, но и явилось свидетельством удивительной стойкости и героизма русских. По своей значимости эта битва должна встать в один ряд с прославленными средневековыми сражениями русских – боем дружины Евпатия Коловрата и битвой на Куликовом поле.

В память о битве при Судбищах этому старинному селу было присвоено второе название – Сторожевое, а бесстрашный воевода Иван Шереметев получил почётное прозвание «ужас крымцев».

<https://rusplt.ru/wins/sudbischenskaya-bitva-krovavyy-34466.html>

СТАНИЦА БАКЛАНОВСКАЯ

- РОДИНА СЕМИ ГЕНЕРАЛОВ

Станицу Баклановскую можно смело переименовывать в станицу Генеральскую. Навряд ли ещё на земле найдётся место, где родились семь генералов.

В 1912 году станица разделилась на две: в правобережье – Генерал-Ефремовская, в левобережье – Баклановская. (В 70-х годах XIX века станица Новоцимлянская (Генерал-Ефремовская) называлась Гугнинской и находилась в 20–25 километрах от реки Дон.

Изначально станица Баклановская была известна под именем Гугнинского городка. Её основание относится к первой половине XVII столетия. Согласно преданию, на этом месте находился стан атамана Гугни, затем здесь возникает станица Гугнинская. А в 1878 году она была переименована в Баклановскую, в честь родившегося здесь в марте 1809 года героя-казака Якова Бакланова.

Яков Петрович – легенда кавказской войны. Он был командиром казачьего кавалерийского полка, Походным атаманом Войска Донского. Когда командир со своими донцами мчался по ущелью, горцы спешили в укрытия. Да и было чего бояться: двухметрового роста, рябой, усатый да носатый казачина был видом явно не ангел. В бараньем тулупе, в огромной косматой папахе, сбитой на самый затылок, с длинными, развевающимися по ветру бакенбардами – ко-

Я. П. Бакланов

нечно, опасались донского рубаку. От турок он получил прозвище Батман-Клыч – богатырь с полупудовым мечом. 10 февраля 1850 г. за отличие во время набега на Гайтемировские ворота произведён в полковники. Летом 1850 г. назначен командиром № 17 Донского казачьего полка.

17-й казачий полк стал именоваться полком генерал-лейтенанта Якова Петровича Бакланова. Через века он оставил завещание: «Покажи врагам, что думка твоя не о жизни, а о славе и чести Донского казачества».

В 1911 году прах Якова Петровича был торжественно перезахоронен в усыпальнице Вознесенского собора Новочеркаска, рядом с могилами других героев Дона – Матвея Платова, Василия Орлова-Денисова, Ивана Ефремова.

Ещё один уроженец станицы – Иван Ефремович Ефремов, генерал-лейтенант Донского казачьего Войска, герой Отечественной войны 1812 года. Он принял участие в сражении под Аустерлицем, за подвиги награждён орденом Св. Владимира 4-й степени. За Бородинское сражение удостоен Св. Анны 2-й степени с алмазными знаками. За подвиги от Малоярославца до Данцига Ефремов награждён орденом Св. Владимира 3-й степени и Золотой саблей с надписью «За храбрость», удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени. В войне с турками получил рану саблей в руку, награждён Золотой саблей с бриллиантами. Прах генерала был торжественно перевезён на вечное упокоение (вместе с останками графа Платова, графа Орлова-Денисова, генерала Бакланова) в усыпальницу войскового кафедрального собора в Новочеркасске.

Генерал-майор Г. П. Хохлачёв участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 г.г. В 1912 году был произведён в полковники, затем получил генеральский чин. Эмигрировал во Францию.

Генерал-майор П. М. Поляков командовал 6-й Донской отдельной казачьей сотней, с начала Мировой войны – командир 26-го Донского казачьего полка. В Гражданскую войну находился в рядах Донской армии. Весной 1920 года произведён в генерал-майоры. Умер в Болгарии.

Генерал-майор А. К. Мягков во время Первой Мировой войны занимал должность стар-

шего адъютанта штаба Войска Донского. С началом Гражданской войны вступил в ряды Донской армии. Занимал должность генерала для поручений при военном министерстве Войска Донского. Эмигрировал, погребён на кладбище Банье в Париже.

Генерал-майор М. А. Моисеев был награждён Георгиевским крестом с лавровой ветвью. С 1918 года – в Донской армии в составе 1-й Донской казачьей пластунской бригады. Под Новороссийском попал в плен, мобилизован в ряды Красной Армии и отправлен на польский фронт, откуда дезертировал и перешёл на сторону поляков. После окончания совет-

ско-польской войны уехал в Германию. Умер в Австралии.

Генерал-майор М. А. Фетисов в начале Первой мировой войны служил в 53-м Донском казачьем полку особого назначения. После февральской революции был избран делегатом на Общеказачий съезд в Петрограде. Крут Спасения Дона в награду за умелое руководство боевой операцией произвёл его в чин генерал-майора. В эмиграции жил в Турции, Болгарии, Югославии, Чехословакии, Франции, где и умер.

<https://zen.yandex.ru/media/id/5934381ad7d0a62756e9c824/stanica-baklanovskaia-rodina-semi-generalov-5b86574716027100aeb7328?from=feed>

История

ПОДВИГ УРЯДНИКА ДУБЕНЦОВА

Урядник Дубенцов с 16 казаками 2-й сотни 26 ДКП, был выслан в разъезд к д. Шахедзы. У самой деревни японцы встретили их учащённой стрельбой. Урядник рассыпал свой разъезд в лаву и бросился на японцев в атаку карьером. Японцы не выдержали и бросились наутёк, казаки за ними. Часть японцев попала в болото, и по ним казаки открыли огонь.

Урядник Дубенцов догнал японца, всадники сцепились, японец ударил его в лицо кулаком. Дубенцов ответным ударом в лицо свалил его с лошади. Соскочил с лошади и пленил его.

Эрдне Цереновъ нагнал японца и хватил его нагайкой поперёк головы. Тот свалился с лошади, схватился за винтовку, товарищи станичники, что были сзади, срубили его. Изрубили и перестреляли ещё 8 японцев. У нас потерь не было.

Источник: Фёдор Ростовцев «4-я Донская казачья дивизия в Русско-японскую войну» Киев, 1910 г.

<https://zen.yandex.ru/media/id/5934381ad7d0a62756e9c824/podvig-uriadnika-dubencova-5b8a26433d023700a98cf5ba?from=feed>

26-го полка вахмистръ Петръ Ивановичъ Дубенцовъ (стан. Николаевской, имѣеть всё четыре степени знаковъ отличія).

Народы

ТУРКИ: КТО ОНИ ТАКИЕ НА САМОМ ДЕЛЕ

Раньше на территории Турции жили совсем другие народы: армяне, греки, евреи, ассирийцы. Какой народ живёт на этой территории теперь?

СЕЛЬДЖУКИ

Согласно официальной науке, первые тюркоязычные народы появились в Малой Азии в шестом веке. Византийские правители здесь

селили болгар, арабы привлекали сюда тюркоязычных мусульман из Средней Азии, а для охраны окраин армянские цари селили аварцев. Однако племена эти стинули, растворившись в местном населении.

Настоящими предками турков стали сельджуки – тюркоязычные кочевые народы, обитавшие в Средней Азии и на Алтае (язык турков относят к алтайской языковой семье), которые сосредоточились вокруг племени огузов, чьи правители приняли ислам.

Это были туркмены, кыныки, авшары, кайы, караманы и другие народы. Сначала сельджуки укрепились в Средней Азии, покорили Хорезм и Иран. В 1055 году они захватили столицу Халифата Багдад и двинулись на запад. В их ряды вливались земледельцы из Ирана и Арабского Ирака.

Империя сельджуков росла, они вторглись в Среднюю Азию, покорили Армению и Грузию, заняли Сирию и Палестину, изрядно потеснив Византию. В середине XIII века империя, не пережив нашествия монголов, распалась. В 1227 году на территорию сельджуков переселилось племя кайы, которым правил Эрторгрул, чей сын Осман стал основателем турецкого государства, которое позже назвали Османской империей.

СМЕСЬ

Нашествие монголов вызвало новый поток переселенцев, и в XIII веке в Малую Азию пришли племена из Хорезма. И сегодня по Турции кочует древнее племя хорзум.

С XII века тюрки стали переходить на оседлость, смешиваясь с коренными народами, что положило начало исламизации и тюркизации населения. Одновременно с этим с северо-запада в Малую Азию мигрировали печенеги, румыны и восточные славяне.

Турецкий народ сформировался к концу века. Уже в 1327 году официальным языком в некоторых областях Турции был тюркский, а не персидский. Современная турецкая наука считает, что население Турции на 70 % состоит из потомков турков-сельджуков и на 30 % – из коренного населения.

ДРУГАЯ ВЕРСИЯ

Русская наука считала иначе. В энциклопедии Эфрона и Брокгауза указывалось, что предками турков были «урало-алтайские племена», но из-за массы переселенцев других национальностей они давно утратили аутентичность, и теперь турки – это потомки греков, болгар, сербов, албанцев и армян.

Оказалось, такая уверенность базируется на истории воинственных османов. Сначала они завоевали территории Византии, затем Балканы, Грецию, Египет. И отовсюду вывозили пленников и рабов.

Рабами расплачивались покорённые народы, детей и жён забирали за долги у славян. Турки женились на армянках, славянках, гречанках. И дети наследовали черты этих народов.

Был ещё один процесс, который привёл к «отуречиванию» греков и других народов, находившихся раньше под протекцией Византии. После того, как в 1204 году Константинополь был варварски разграблен крестоносцами, греки перестали считать латинян союзниками.

Многие предпочли остаться «под османами» и платить джизью — налог для неверных, вместо того, чтобы уезжать в Европу. Как раз в это время появились исламские проповедники, вещавшие о том, что различий между религиями немного, и уговаривавшие византийцев принять ислам.

ГЕНЕТИКА

Генетические исследования подтверждают – турки разнородны. Почти четверть анатолийских турок можно отнести к автохтонным народам, четверть – к кавказским племенам, 11 % имеют финикийскую галлогруппу (это потомки греков), у 4 % населения имеются восточно-славянские корни.

Антропологи считают, что среднестатистический турок – представитель европеоидной расы, а ведь турки-сельджуки не были европеоидами. Средняя Азия и сейчас населена монголоидными народами.

ЧТО ДУМАЮТ ТУРКИ

Этим вопросом заинтересовался турецкий этнограф Махтурк. Он поехал в Среднюю Азию и на Алтай, чтобы найти там родственные туркам национальности, отыскать общие сказания, одинаковые элементы в узорах и на одежде, общие ритуалы. Он забирался в глухие аулы и отдалённые стойбища, но ничего не нашёл.

Более того, его удивило, что антропологически люди в Средней Азии сильно отличаются от турок. И тогда у профессора возникла теория, что официальная история приукрашает реальность, и в XII веке тюркские племена начали свою миграцию из-за бескормицы. Они двинулись сначала на юго-восток, а затем в Иран и в Малую Азию.

Этнограф отметил, что чистокровные турки есть в Турции до сих пор, они сохранили монголоидную внешность и компактно проживают всего в нескольких районах страны.

Согласно статистике, в мире сейчас живёт 89 миллионов турок. 59 миллионов из них

живут на территории Турции, пять – в Сирии и в Ираке, и почти семь – в Европе.

Больше всего турок в Германии – четыре миллиона, в Болгарии проживает 800 000 турок, в Британии – полмиллиона. Миллион турок живёт в Нидерландах и в Австрии. В Бельгии – 200 000 турок, в Греции – 120 000, в Швейцарии – 100 000, в Македонии – 78 000, в Дании – 60 000, в Румынии – до 80 000, в Италии – 21 000. В США находится 500 000 турок. В России проживают всего 105 058 турок.

<https://cyrillitsa.ru/narody/69669-turki-kto-oni-takie-na-samom-dele.html>

История Гражданской войны

МАЙКОПСКАЯ АТАМАНША

Нина Фёдоровна Бузова – художник, мемуарист, участница Гражданской войны в России.

Родилась 11 февраля 1894 года в г. Вильно в семье полковника Императорской армии Ф. П. Клыкова. Окончила Мариинский институт с золотой медалью в 1911 г., а в 1912 г. – педагогические курсы при институте. В 1917 г. окончила историко-филологический факультет Московского университета, училась в Сорбонне, получила докторскую степень по психологии и психиатрии при Парижском университете, изучала византийское искусство при Лувре в Париже.

Незадолго до начала Первой мировой войны вышла замуж за полковника Петра Никитича Бузова.

С началом войны записалась сестрой милосердия в Виленский гарнизонный госпиталь. После революции уехала с детьми в Харьков. Однако её муж (к тому времени уже был генерал-майором) был мобилизован в РККА и воевал против белых на Северном фронте. Осенью 1919 года Бузов сумел бежать на юг в Добровольческую армию и соединился с семьёй.

«В ненастную декабрьскую погоду 1919 года мой муж, двое маленьких детей и я на бронепоезде «Мстислав Удалой» отступали от Харькова, с многочисленными остановками, починками разобранного пути, с боями и перестрелками с красными. На столбах, на семафорах раскачивались повешенные. Чья это была расправа и кто болтался на верёвках – имена их Господу известны...»

«Наших спутников беспощадно косил сыпняк, и «Мстислав Удалой» был больше похож на полевой лазарет, чем на бронепоезд. Наконец докатились мы до ст. Тихорецкой, освободились от мертвецов и сдали в госпиталь больных.»

24-го декабря днём мы были в Екатеринодаре. Приютил нас в маленькой комнатке, на Базарной улице, гостеприимный грек (Пётр Евстафиевич Путандифилидис). Мой муж саблей срубил в парке ёлочку, украсил её орденами (их было у него много: две бриллиантовые персидские звезды Льва и Солнца, золотая от Эмира Бухарского, Белый Орёл, Владимир 2-й степени с мечами и много, много медалей и младших наград; Георгиевский же крест он всегда носил на себе). Нашлась свечка у соседей (беженцев из Курска – Толмачёвых и Цеккерт). И так в последний раз мы отпраздновали Рождество на нашей Родине».

Из воспоминаний Н. Ф. Бузовой

В 1920 году Нина Фёдоровна из-за болезни детей осталась в Екатеринодаре, организовала белый партизанский отряд.

«В начале февраля 1920 года Красная армия подходила к Екатеринодару. Дул ледяной норд-ост. Добровольческая армия спешно отступала на Новороссийск. Беженцы и армейские части грузились на открытые платформы, других составов на жел. дороге не было. Дети были тяжело больны, невыносимо было их, в жару, везти в таких условиях, и пришлось моему мужу нас оставить и ехать одному.

Доброжелательные греки раздобыли мне греческий паспорт на имя Деспины Карванидис, с уверенностью, что спасут меня от красных. По пятам Добровольческой армии, с гиком, по улицам Екатеринодара мчалась красная кавалерия; к хвостам лошадей были привязаны офицерские погоны марковцев. Это был жуткий набег дикой орды...

Недолго мне удалось быть гречанкой: то ли прислуга, то ли соседи проболтались, и греки мои предупредили, что ночью будет облава, обыски, вылавливание и аресты белых, что лучше поскорее бежать в горы. Закопав ценности и бумаги глубоко в подвале (наверное, они до сих пор там лежат!), на мажаре с детьми и прислугой я уехала из Екатеринодара.

Первая остановка была в Царском Даре, отсюда переехала в Горячий Ключ, где уже встретила казаков и воинские части Добр. Армии, скрывающиеся от красных. С сожалением покинула этот чудесный уголок земного шара. Я узнала, что сосед – армянин Учунжъянц – является секретным сотрудником Особого Отдела в Екатеринодаре и послан в Горячий Ключ вылавливать «белых». (...)

Пришлось опять ночью уходить по направлению к ст. Кубанской с остановкой на табачном хуторе грека Паписа. Мать его, старая гречанка Хаджи-Мана, говорящая только по-турецки, была очень гостеприимна. И не только я с детьми, но и разъезды кубанцев отдыхали в табачных сушилках (сараях).

Здесь и началась моя партизанская эпопея. Беседы с осколками донских и кубанских частей убедили меня в полной их растерянности и отсутствии какой-либо организации и цели. Не было ответов на вопросы: Что дальше? Куда бежать? Ведь пощады не будет!

Получив с детства спортивную подготовку (стрельба, рубка, верховая езда) и в раннем замужестве некоторое военное образование), я стала объяснять окружающим меня действия партизанских отрядов, вспоминая когда-то прочитанную книгу ген. К. «Тактика партизанской войны». На хутор всё прибывали новые люди. С воодушевлением я ободряла, прося дружно сплотиться. Я была молода,

энергична, сильна волей и здоровьем, а моя джигитовка импонировала сильному полу.

Полетела по Кубани молва обо мне. Казаки стали приезжать в этот маленький хутор, что было небезопасно для наших гостеприимных греков, и я просила, чтобы они удалились в горы. Каково было моё удивление, когда делегация от казаков явилась ко мне и объявила, что они избрали меня атаманом нового партизанского отряда для борьбы против красных. У меня не было другого выхода, и я дала моё согласие.

В эту же ночь мы выступили в числе 200 всадников, решив держать путь на Теберду, двигаясь в Майкопском отделе; ночью поход, а днём, по обочинам шляха – тихо, в засаде. Красные части боялись лесных дорог; их боевые части, снаряжение и обозы шли по шляху (шоссе). Сколько раз приходилось сдерживать нетерпеливых наших стрелков, чтобы не бить и не нападать в голову колонны, а ждать, когда она дойдёт до середины. Тогда передняя часть красных, отрезав построения от тачанок, бросалась скакать вперёд, а задняя пускалась наутёк, оставляя нам тачанки с пулемётами, патронами, оружием, снаряжением и продовольствием. Население станиц Майкопского отдела испытывало лишения в самом необходимом, и наш отряд снабжал провиантом семьи станичников.

Отступающие части Добровольческой армии оставили за собой много трупов – и людей, и лошадей. Белкам и шакалам было раздолье, развелось их множество. Пададь привлекала мух и насекомых. И в это лето был страшный бич: не было человека, ни ребёнка, который не болел бы страшными нарывами после укусов злющих мух. Были у нас и раненые, и больные, но не было ни медикаментов, ни хирургических инструментов. Случайно в сумке нашлись маленькие ножницы, маникюрные принадлежности, а у казаков – острые ножи. Ракия (крепкая кукурузная водка), которая была у нас в большом количестве, служила дезинфекцией импровизированных инструментов и ран. Я удачно вскрывала нарывы, извлекала пули, лечила раны. Ракия употреблялась внутрь как анестезия, и снаружи как дезинфекционное средство. Чудесно все раненые и больные выздоравливали.

В лесу, на бивуаке, обыкновенно между дубами протягивали верёвки, покрывали коврами, получался шатёр; против него на дубу вешали икону Божией Матери. Во время короткого привала был ужин (мёд, сало, хлеб или лепёшки, что нам пекли казачки) и разбор манёвров. Иногда чинили и суд. Казаки сильно оборвались и нуждались в обмундировке; и большею частью надо было рядить суд за неправильное распре-

деление трофеев между казаками, доходившее иногда до крупных ссор, и решать судьбу попавших к нам в плен красных из карательных отрядов. Об этих моментах страшно вспоминать...

Я была тогда одна молодая женщина (25 лет). Меня окружало обожание, послушание и уважение. Я спала спокойно в моём шатре, зная, что мой сон охраняют несколько сот людей, которые сами не спят... Когда проезжали через станицы, меня окружали казачки, подносили ко мне детей, целовали руки и ноги в стремени. Это время было какое-то необъяснимое, массовое, стихийное чувство борьбы, обожание вождя, отождествление его с чем-то легендарным, мистическим, чудотворным...

При отступлении хозяин Екатеринодарского цирка бросил на произвол судьбы своих лошадей. Одна из них, очень спокойная кобыла, удобная для больших переходов, досталась мне. Можно было отдать ей поводья и спокойно ночами дремать в седле. Моих детей я перевозила через горы по ночам, привязав каждого обмотками к седлу, и оставляла их в станицах.

С тех пор прошло уже 52 года, и трудно вспомнить, в скольких перестрелках и боях участвовал наш партизанский отряд в продолжении одиннадцати месяцев. Летом не ощущались лишения: в лесу было много сладкого, сочного кизила, на полях – кукуруза, подсолнухи, такие высокие, что конного казака не видно было. На бахчах – кавуны, дыни. Ночи тёплые, снежные вершины Кавказского хребта были алыми при восходе солнца.

Осенью в горах стало холодно. Наутро бурки, которыми накрывались, становились ледяными, тугими от мороза. Выли волки, сидя в круг, глядя на луну. Огонь разводили только тогда, когда разведка доносила, что враг далеко. Искали хоть бы изредка какого-либо укрытия.

И вот за станицей Пшеховской, на табачном хуторе, в сушилке улеглись казаки на отдых, а я с детьми поместилась в маленькой каморке. Ночью вспыхнул пожар, мгновенно весь сарай был в огне. Я выбросила детей через окно, но оно было так мало, что я не пролезала. Пришлось закутаться в бурку и сквозь пламя бежать через всю сушилку. Скот, застигнутый пожаром, метался, а разъярённый бык норовил каждого посадить на рога.

В высохшем русле ручья, под корнями старого дерева я спрятала детей, а сама с вооружёнными казаками залегла в выгодной позиции. Красные долго стреляли. Потом утихли, но спозаранку стал трещать их пулемёт, на нас падали сломанные ветки деревьев. Мы решили молчать. Красные побоялись войти в чащу леса и, не имея ответа на свою стрельбу, удалились. Это было одним из кошмарных эпизодов в истории нашего отряда.

Он всё уплотнялся новыми силами. Меня это тревожило, так как я отлично сознавала, что численностью партизаны себя губят, оставляя после привала следы, по которым красные нас будут беспощадно преследовать. Узнали мы в это время, что и хутор грека Паписа сожжён, и все жители расстреляны.

Из воспоминаний Н. Ф. Буровой

В апреле 1921 года под Майкопом была тяжело ранена и захвачена в плен, сослана с детьми на Соловки. Однако она сумела бежать вместе с детьми через Польшу во Францию к мужу.

«Нам пришлось принять жестокий бой. Позиция наша была невыгодной: мы были в балке, противник был на высоте. Я была ранена пулемётной пулей в грудь навывлет, упала с лошади и пришла в сознание, лёжа на красноармейской тачанке, которая увозила меня в Екатеринодар. Без всякой медицинской помощи сбросили меня в глубокий, тёмный подвал Особого Отдела (бывшее помещение «Треугольника», № 33 по Садовой улице). Крысы отнеслись ко мне благосклонно. Я их кормила обедом – советской «шрапнелью», то есть супом из перловой крупы. Они стали совсем ручными. Были бесконечные допросы по ночам. пытками и истязаниями добывались от меня выдачи моих соратников. Я молчала.

Наконец военный трибунал 9-й Конной армии приговорил меня к высшей мере наказания. Шесть недель я провела в камере смертников. А 1-го мая, по амнистии, получила пожизненный лагерь в Соловках. После трёх лет заключения по разным тюрьмам и лагерям мне удалось бежать на свободу и найти детей.

Один немецкий военный, побывавший во время 2-й Мировой войны на Кавказе, слышал в станицах балладу о героине Нине, замученной и павшей за Белую Идею. Рассказали ему, что это была жена русского царского генерала Бузова, у которого прапрадед Иван Сусанин тоже погиб за идею и воспет в опере «Жизнь за Царя».

К сожалению, дословно этой песни-баллады я не знаю, дошла она до меня уже через два перевода – на немецкий, а потом на английский язык, – и начиналась словами:

*Have you heard of Nina Who rode through the land
With a hundred Cossacks Vowing battle till end?».*

Из воспоминаний Н. Ф. Буровой

Затем семья Буровых переехала в Америку. В течение 30 лет Нина Фёдоровна преподавала искусство, иконографию и язык, знакомила американцев с русской живописью за рубежом. Занималась портретной живописью, писала иконы в византийском стиле. Стала известным художником-преподавателем и ак-

тивно сотрудничала с белоэмигрантской пресой. После Второй мировой войны оказывала активную помощь в восстановлении Общества галлиполийцев в Париже. Член Конгресса русских американцев и Русской академической группы в США. Основала Общество русско-американских художников в Калифорнии. Тридцать лет состояла членом Республиканской партии. Сотрудничала в комитете по выборам президента США.

В 1990 году в Вашингтоне увидел свет сборник исторических очерков, принадлежащих перу Н. Ф. Буровой, объединённых под названием «Река Вре́мён». Название это взято из державинского стихотворения. Тематически очерки, включённые в сборник, ничем между собой не связаны, но, собранные вместе, они оказываются ярким отражением личности их автора: ведь каждая из затронутых тем по-настоящему интересовала и волновала Бурову. Открывает сборник очерк о двуглавом орле – гербе Российской империи. Есть в нём очерки о наших прославленных соотечественниках – Достоевском, Гоголе, Пушкине, Державине, Анне Ярославне – королеве Франции, генерале Корнилове; а есть и рассказы о таких экзотических иностранцах, как чёрная амазонка Анголы королева Зингха Банди или маршал де Линь, влюблённый одновременно в трёх королев: француженку Марию-Антуанетту, австриячку Марию-Терезию и русскую царицу Екатерину II. Есть автобиографические материалы – биография генерала Букова, мужа Нины Фёдоровны, рассказ о действиях майкопского отряда. Дополнением к биографии Буровой можно считать и очерк «Вашинг-

тонская хроника – Праздник авиации», в котором рассказывается о празднике, устроенном Смитсоновским институтом осенью 1985 года. На этом высоком собрании Нина Фёдоровна выступила с докладом о зарождении русской авиации. Ей было что сказать: она хорошо знала авиаконструктора Игрия Сикорского, в годы Первой мировой войны совершила полёт на его прославленном четырёхмоторном бомбардировщике Илья Муромец. Сегодня Нина Фёдоровна, пожалуй, единственный человек в мире, кто летал на этом ставшем легендой самолёте. Есть в «Реке Вре́мён» и немало калейдоскопически интересной информации о тайнах средневековых готических соборов, о чуть было не состоявшемся романе будущего русского царя Александра II и английской королевы Виктории, об эзотерических знаниях древних египтян, о дощечках Изенбека с текстом таинственной Велесовой книги и о многом-многом другом.

Десятилетиями сотрудничала в русской периодической печати, в газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Русская жизнь» (Сан-Франциско), «Русская мысль» (Париж) и в журнале «Часовой» (Брюссель), писала рецензии на книги.

В 1993 году в Вашингтоне была проведена выставка художественных работ Буровой, посвящённая столетию со дня её рождения. Эту выставку открывала сама Нина Фёдоровна.

Скончалась 15 декабря 1998 года в Вашингтоне.

Источники: pervopohodnik.ru/publ/3-1-0-28

kirsoft.com.ru/mir/KSNews_360.htm

ru.wikipedia.org/wiki/%C1%F3%F0%EE%E2%E0,%CD%E...

АТАМАН АНДРИАН КАРПОВИЧ ДЕНИСОВ 6-Й (1763–1841)

Денисовы на тихом Дону относились к старинному старшинскому роду. И их можно с полным на то основанием считать казачьей аристократией. Но добились они своего высокого общественного положения прежде всего ратными трудами и личной доблестью. В противном случае не ходить было им в старшинах и атаманах, не водить казачьи полки в походы и на войны, не одерживать победы во славу русского оружия...

Денисов 6-й родился в станице Пятиизбянской. Образование получил домашнее, основными науками для сына казачьего офицера, разумеется, были науки воинские. На военную службу в полк поступил двенадцатилетним казаком в 1776 году, начав её под началь-

ством своего дяди графа Фёдора Петровича Денисова.

Боевое крещение получил во время Польской кампании 1783 года. Перед этим (в 1780 году) Андриан Денисов выбился в казачьи офицеры, получив чин есаула. Командовал сотней, небольшими казачьими «партиями», решавшими вполне самостоятельные задачи.

Познания в воинском деле он демонстрировал немалые. К тому же умел и любил командовать людьми, в личной жизни излишеств не терпел, в походы ходил с удовольствием, считая их делом казацкого долга. Командиром полка стал в 23 года, в 1787 году, когда началась «Вторая екатерининская турецкая война». Она сразу же прославила его и без того славное имя.

На его счету было участие в деле на Кинбурнской косе и бой при Варнице. Участвовал с «примерной храбростью» также в сражении на реке Сальче, за что казачий полковник удостоился армейского чина премьер-майора (тогда чины казачьи ещё не были приравнены к армейским). Затем последовало участие в непродолжительной осаде Бендерской крепости и овладении Бендерами.

Слава же казачьего военачальника пришла к Андриану Денисову в 1790 году под Измаилом. В том приступе, который в мировой военной истории не имеет себе равных, он командовал пешим полком безлошадных донских казаков в штурмовой колонне бригадира В. П. Орлова.

В ходе жестокого и кровопролитного штурма его донцы, вооружённые укороченными пиками, сумели в отчаянном порыве взойти на крепостной вал. Денисов первым ворвался на один из измаильских бастионов, бесстрашно увлекая за собой подчинённых. Вражеская батарея была взята единым порывом.

За этот подвиг командир казачьего полка по представлению генерал-аншефа А. В. Суворова-Рымникого был как герой битвы за Измаил пожалован орденом Святого Георгия 4-й степени. В измаильском деле Денисов получил сильную контузию, но поля боя не покинул, сражаясь в первых рядах до победного конца.

«Вторая екатерининская турецкая война» 1787–1791 годов закончилась для Андриана Денисова участием в июньском «заключительном» полевым сражении при Мачине. В той битве султанская армия понесла последнее, разгромное поражение и потеряла способность к дальнейшему ведению войны. Тогда казачья конница окончательно добила османов.

Денисовские казаки у Мачина действовали столь удачно, что наградой их командиру стала золотая медаль (медальон) с портретом императрицы Екатерины II. Такая награда в екатерининскую эпоху почиталась не ниже орденской.

...Затем последовало участие в Польской кампании 1792 года. Полк Андриана Денисова входил в состав войск генерал-аншефа Каховского. Донцы в тех боях против польских конфедератов отличились в сражениях при селениях Мурафе, Валовке, Люборе, Зеленицах, Городнице. За два последних полковой командир удостоился ордена Святого Владимира 4-й степени.

За дело на Липовом поле, где был разбит большой отряд польских повстанцев, Денисов был награждён прусским королём боевым орденом «За воинские достоинства». Пруссия тогда была кровно заинтересована в полном разгроме восстания на сопредельной стороне, поскольку она вместе с Россией и Австрией участвовала в разделах Польши.

Новая Польская кампания 1794 года оказалась делом куда более серьёзным. 28 сентября при Мацיוвицах, командуя казачьими полками, Денисов совершенно разбил немалую числом польскую кавалерию, врезался с донцами в пехоту противника и преследовал бегущих поляков до тех пор, пока в плен не попал их главнокомандующий генерал Т. Костюшко.

После этого георгиевский кавалер Денисов участвовал в штурме укреплённого варшавского пригорода Праги и взятии самой столицы Польши. Участвуя в различных столкновениях с поляками, Андриан Денисов получил тогда три ранения: саблей в шею и в руку (в бою при Слониме), и пулей в руку.

Руководивший штурмом Праги генерал-фельдмаршал Суворов-Рымникий отметил казачьего военачальника в числе наиболее отличившихся командиров. Императрица Екатерина Великая пожаловала ему Золотое оружие — саблю с надписью «За храбрость».

В Персидском походе 1796 года генерал-аншефа Валериана Зубова денисовский полк участия не принимал, не будучи включён в состав экспедиционного корпуса. Сам же Денисов в поход отправился по своей воле, волонтёром, готовым командовать хоть отдельным полком, хоть казачьей сотней. На этом его ратная служба в екатерининскую эпоху завершилась...

С вступлением на престол Павла I для Российской империи началась длинная серия войн сперва против революционной, а потом и против наполеоновской Франции. Естественно, что казачество вновь выставило на поле брани свои полки.

Андриан Карпович становится деятельным участником Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова ещё до того, как великий полководец прибыл на театр военных действий.

В 1798 году Денисов как походный атаман во главе шести Донских казачьих полков по указу императора вошёл в состав авангарда русского корпуса, отправленного в Северную Италию, где союзники-австрийцы терпели от французов одно поражение за другим.

Итальянская земля тогда впервые увидела русских казаков. Священник из местечка Ламоне, поражённый видом донцов в походе, писал:

«Почти все русские всадники (донские казаки. – А. Ш.) были с длинными бородами. На голове у них была красная с голубым шапка, по два пистолета на груди и длинная пика».

В тех сражениях на полях Италии в 1799 году казаки покрыли себя неувядаемой славой. 13 апреля Денисов вместе с Грековым, ведя за собой донцов, стремительно ворвались («влетели») в крепость Бергамо, овладели городом и цитаделью. В плен попало больше сотни французов, а русскими трофеями стали 19 артиллерийских орудий, много военных запасов и ружей. Благодаря искусству начальников Бергамо был взят одними казаками, без поддержки пушечного огня и пехоты.

Затем последовали отличия в деле при Лекко (здесь донцы сражались спешными), в большом сражении на реке Адда. Там денисовские казаки, первыми переправившись на противоположный берег реки, фланговой атакой смяли французскую пехоту и выручили окружённых было неприятелем австрийцев. Теперь французам генерала Моро самим пришлось спешно отступать, чтобы не попасть в окружение.

За победу на берегах Адды Денисову жалуются орден Святой Анны 2-й степени, а его казакам – по рублю наградных. За сражение при

Маренго Андриан Карпович Денисов награждается Мальтийским крестом – орденом Святого Иоанна Иерусалимского. В том походе он стал и генерал-майором.

За сражение при городе Нови, где атаман находился рядом с Суворовым, он удостоился ордена Святой Анны снова 2-й степени, но с алмазами. Следует сказать, что полководец в тех двух походах – Итальянском и Швейцарском – об Андриане Карповиче отзывался неизменно тепло и уважительно.

В Швейцарский поход донские казаки выступили пешими, отдав коней (которые у них ещё оставались) для перевозки боевых припасов и раненых. Дело было даже не в том, что суворовские войска собирались совершить героический прорыв через заснеженные Альпы: союзники-австрийцы, обещавшие предоставить 1429 мулов для русского обоза, своих обязательств перед ними не выполнили.

По суворовским подсчётам, мулы в таком количестве должны были поднять четырёхдневный запас провианта, а также перевезти 25 горных орудий, взятых из арсеналов Пьемонта, с огневыми зарядами к ним. В итоге русские большую часть припасов несли по горам на своих плечах, а от столь необходимых в войне пушек пришлось отказаться.

Денисову и в марш-броске через швейцарские Альпы довелось отличиться лично. В бою при Мутентале он первым пробрался по левому неприятельскому флангу через горный хребет, покрытый лесом, неожиданно атаковал французов и безостановочно гнал их от Мутентала длительное расстояние. Наградой за совершённый подвиг стал орден Святой Анны высшей, 1-й степени.

...В 1801 году генерал-майор Денисов участвовал в походе Войска Донского в Индию (или, иначе, в походе к Оренбургу) под предводительством атамана М. И. Платова. Индийский поход, авантюрный по самому своему замыслу, прекратился в связи с убийством императора Павла I заговорщиками из числа екатерининских вельмож. Воцарившийся Александр I сразу отменил поход. Платов и Денисов увели полки, ещё раз переправившись через Волгу на Дон.

В 1805–1806 годах Андриан Карпович Денисов исполнял должность войскового наказного атамана.

Затем последовало добровольное участие в Русско-прусско-французской войне 1806–1807 годов, в которой Денисов командовал отдельным отрядом из трёх Донских казачьих полков. За лихую конную атаку в сражении при Гуттштадте он удостоивается ордена Святого Владимира 3-й степени. За кавалерийское дело при Гейльсберге – почётной Золотой сабли, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость».

Денисов также участвовал в трёх кампаниях в Русско-турецкой войне 1806–1812 годов. В рядах молдавской армии, действовавшей на дунайских берегах, командовал авангардным отрядом из шести Донских казачьих полков и четырёх эскадронов регулярной кавалерии. Отличился в сражениях при Бабадаге, Гирсове и особенно у Кюстенджи.

29 июля 1812 года он был назначен наказным атаманом Войска Донского. Сформировал для действующей армии 26 конных полков казачьего ополчения, всячески поощрял денежные пожертвования на войну, за что был награждён орденом

Святого Владимира 2-й степени. В высочайшем рескрипте императора Александра I говорилось:

«...Отличное усердие ваше к службе, благородное распоряжение, оказанное вами, по случаю нового наряда с Дона полков, для усиления действующих ныне против неприятеля армий Наших, и равномерное, благовременное и успешное приготовление оных, обращает на себя Наше внимание и милость».

Звание генерал-лейтенанта А. К. Денисов получил в 1813 году, став после смерти Платова в 1818 году на три года его преемником в должности войскового атамана. После чего был отрёшен от должности в ходе реформы управления Донским казачьим войском.

Денисов, один из самых прославленных в истории военных вождей донского казачества, умер в 1841 году. После себя он оставил мемуарные записки, которые печатались в «Русской старине» в течение 1874–1875 годов, и пользовались большой популярностью у читателей.

В августе 1904 года имя Андриана Карповича Денисова, как вечного шефа, было присвоено 7-му Донскому казачьему полку.

Похоронен Андриан Карпович на территории сельского храма Покрова Пресвятой Богородицы, в селе Анастасиевка Матвеево-Курганского района Ростовской области, построенного на его средства.

10 ноября 2013 года, в юбилейный год – 250-летия со дня рождения казачьего генерала Андриана Карповича Денисова – в Анастасиевке состоялось открытие и освящение памятника знаменитому донцу.

<http://fisechko.ru/100vel/kazakov/45.html>

КАК РУССКИЙ ЕВРЕЙ БОРИС ШТЕЙФОН СТАЛ НЕМЕЦКИМ ГЕНЕРАЛОМ ВЕРМАХТА

Согласно исследованиям профессора истории Брайана Ригга и профессора Йельского университета Поулоя Хаймана в немецкой армии воевало порядка 150 тысяч евреев. Наиболее известным из коллаборационистов, имеющих еврейское происхождение, был Борис Штейфон, умерший в звании генерал-лейтенанта вермахта.

СЫН ЕВРЕЯ И ВНУК ПРАВОСЛАВНОГО ДЬЯКОНА

В биографическом справочнике высших офицеров Добровольческой армии указано, что Борис Штейфон родился в Харькове, где его отец, крещёный еврей, трудился мастером в производственных цехах. Мать будущего генерала была русской и дочкой помощника

православного священника. В Российской империи еврейство определялось не кровью, а вероисповеданием, и после обучения в реальном училище Штейфон в чине прапорщика поступает на службу в Воронежский 124-й пехотный полк. Через год Бориса направляют на обучение в Чугуевское юнкерское училище, где его запомнили как нарушителя спокойствия, но прилежного ученика с блестящими оценками по всем предметам.

В 1902 году Штейфон оканчивает училище и в составе Воронежского полка попадает на войну с Японией. Во время боёв был контужен, а за смелые и умелые действия получает ордена святой Анны, Станислава и Владимира. В 1911 году заканчивает Императорскую Николаевскую военную академию, а во время Первой мировой войны находится на Кавказском фронте. За боевые заслуги Штейфон получает ряд высоких наград и Георгиевское оружие.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ЭМИГРАЦИЯ

Октябрьскую революцию Борис Александрович встречает в Харькове убеждённым монархистом-легитимистом. В родном городе он руководит офицерским подпольем, а после занятия Харькова украинскими войсками перебирается в Екатеринодар. Участвует в 1-м Кубанском походе, а после освобождения Харькова Добровольческой армией назначается командиром Белозерского пехотного полка, за месяц доведя численность солдат с 60 человек до четырёх тысяч.

После тяжёлого отступления, известного как Бредовский поход, и эвакуации белых сил из Крыма Штейфон в звании генерал-майора оказывается в Галлиполи. Зная об организаторских способностях Бориса Александровича, Врангель назначает его комендантом лагеря. Новым домом генерала становится Сербия. Живя в Белграде, Штейфон преподаёт, занимается историей военного искусства и получает звание профессора.

В 1934 году был убит король Александр I, покровительствующий русским эмигрантам. Местные коммунисты начали травлю бывших белогвардейцев, которую поддержали и простые сербы. В 1940 году Белград признал СССР, и русских стали увольнять с работы, а партизаны Тито по ночам начали повсеместные убийства белоэмигрантов.

ГЕНЕРАЛ ВЕРМАХТА

После оккупации Югославии вермахтом «Бюро по защите русской эмиграции» предложило немцам создать из русских отряд для защиты эмигрантов. Новое формирование возглавил генерал Скородумов, а начальником штаба стал Штейфон. После успехов немцев на Восточном фронте белоэмигранты предложили руководству вермахта создать из русских полноценное воинское соединение. В сентябре 1941 года Скородумов объявил мобилизацию эмигрантских сил для похода против большевиков. Немцев это не устроило, и гестапо арестовало генерала. Однако формирование Русской охранной группы продолжилось, и возглавил её Штейфон.

При назначении Бориса Александровича на должность был сделан запрос в Харьков на поиск документов относительно его вероисповедания. В архиве была обнаружена метрическая книга с записью, подтверждающей факт его крещения.

В 1942 году Русская охранная группа была подчинена вермахту и переименована в Русский охранный корпус, а в 1943 году крещёный еврей Штейфон получает звание немецкого генерал-лейтенанта. Через подразделение прошло 17 тысяч человек, из них 11 тысяч – эмигранты и их дети. Несмотря на постоянные просьбы направить корпус в Россию, немцы не выводили его с Балкан. Он использовался как карательное подразделение и для уничтожения местных партизан.

Главными противниками Русского корпуса были коммунистические партизаны Тито, и в меньшей мере сербские четники, с которыми часто поддерживался нейтралитет. Несколько раз подразделения Штейфона атаковали хорватских четников и албанских партизан, которые были союзниками Германии и Италии. К концу войны, узнав о зверствах нацистов в СССР, бойцы корпуса и немцев воспринимали как врагов.

С 1944 года корпус начинает вести боевые действия против армии СССР и её болгарских и румынских союзников. Весной 1945 года Штейфон руководит отступлением войск в Словению. Видный коллаборационист и деятель эмиграции Алесей Лампе в своих воспоминаниях написал, что 29 апреля 1945 года после смотра корпуса у Бориса Александровича случился приступ болезни печени. 30 апреля Штейфон умер от сердечной недостаточности.

Командование взял на себя полковник Рогожин, который вывел остатки подразделения в Австрию. Британцы не выдали солдат корпуса советской стороне, так как большая их часть никогда не была гражданами СССР.

Александр БРАЖНИК

<http://russian7.ru/post/kak-russkiy-evrey-boris-shteyfon-stal-n/>

Казачья слава

ПОДВИГ КУБАНСКОГО КАЗАКА ЛАВРИНЕНКО

14 октября 1914 года в станице Бесстрашной в семье кубанского казака родился выдающийся советский танкист, самый результативный танковый ас стран Антигитлеровской коалиции, Герой Советского Союза, гвардии старший лейтенант Дмитрий Фёдорович Лавриненко.

В 1934 году Дмитрий Лавриненко добровольцем пошёл в Красную Армию и был направлен в кавалерию, через год поступил в Ульяновское бронетанковое училище, которое окончил в мае 1938 года. Младший лейтенант Лавриненко принимал участие в походе в Западную Украину в 1939 году, а в июне 1940 года – в походе в Бессарабию.

Начало Великой Отечественной войны лейтенант Лавриненко встретил в должности командира взвода 15-й танковой дивизии, которая дислоцировалась в городе Станислав на территории Западной Украины.

В сентябре 1941 года прибыл во вновь формируемую 4-ю (с 11 ноября – 1-ю гвардейскую) танковую бригаду полковника Катукова, и с 4 октября уже воевал под городом Мценском.

6 октября во время боя в районе села Первый Воин танковая группа лейтенанта Лавриненко, состоявшая из четырёх танков «Т-34», решительно атаковала колонну немецких танков. Постоянно меняя огневые позиции, появляясь в различных местах, четыре тридцатьчетвёрки производили на немцев впечатление действий большой танковой группы. В этом бою экипажи танкистов уничтожили 15 танков противника, четыре из которых были на счету Лавриненко. К 11 октября на счету отважного танкиста было уже семь танков, противотанковое орудие и до двух взводов немецкой пехоты.

Вскоре отважный танкист провёл уникальный бой с танковой группой противника, прорвавшейся в наш тыл. Старший лейтенант Лавриненко скрытно вывел свой «Т-34» навстречу немецкой танковой колонне вблизи шоссе, идущего на Шишкино. Он поставил свой танк в засаду в чистом поле, используя тот факт, что танк был выкрашен белилами и на заснеженном поле был почти незаметен. Один танк Лавриненко фактически в упор расстрелял с фланга колонну из 18 танков, уничтожив шесть из них. Своими действиями позволил выйти войскам, оказавшимся под угрозой окружения.

19 ноября у деревни Гусенёво во встречном бою семью снарядами он уничтожил семь танков.

Свой последний бой отважный танкист провёл 18 декабря 1941 года на подступах к Волоколамску, у села Горюны. Атаковав прорвавшегося через наши позиции противника, он уничтожил свой 52-й немецкий танк, два противотанковых орудия и до полусотни немецких солдат.

В тот же день, уже после боя, старший лейтенант Дмитрий Фёдорович Лавриненко был сражён осколком мины.

За два с половиной месяца ожесточённых боёв герой-танкист принял участие в 28 схватках и уничтожил 52 гитлеровских танка. Он стал самым результативным танкистом в Красной Армии и стран Антигитлеровской коалиции в целом.

Маршал бронетанковых войск Михаил Ефимович Катукوف так отзывался о нём:

«Двадцать восемь кровопролитных боёв с противником было на его счету. Трижды горела машина Дмитрия Лавриненко, но отважный танкист из самых тяжёлых ситуаций выходил невредимым. Он уничтожил 52 фашистских танка. История минувшей войны не знает другого такого примера. Всего двадцать семь лет прожил замечательный танкист, сын кубанского казака-бедняка из станицы Бесстрашная. Да, станица оправдала своё название. Она дала Родине бесстрашных сыновей».

После войны военачальники маршал бронетанковых войск М. Е. Катукوف, генерал армии Д. Д. Лелюшенко, кубанские писатели Гарий Немченко, Пётр Придиус, Станислав Филиппов добивались награждения Лавриненко, однако долгое время Управление кадров Министерства обороны СССР отказывало им в этой просьбе.

Наконец Указом Президента СССР от 5 мая 1990 года за мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Лавриненко Дмитрию Фёдоровичу было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Родственникам героя были вручены орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ ВОДРУЖАЛИ ОДНИ, А НАГРАДИЛИ ДРУГИХ

Знаменитое фото группы Сорокина на фоне рейхстага. На переднем плане Григорий Булатов.

По устоявшейся легенде, знамя над Рейхстагом в 1945-м установили Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Однако с годами легенда стала давать трещину. И уже в панораме «Битва за Берлин. Подвиг знаменосцев» (сначала работала в Петербурге, потом уехала в Москву) знамя над рейхстагом водружает 19-летний Григорий Булатов из разведзвода лейтенанта Сорокина. Мы поговорили с сыном красноармейца Михаила Панчковского (Михаил Панчковский входил в группу Сорокина, вместе с Булатовым брал рейхстаг), и спросили у него, как случилось, что имя его отца оказалось вычеркнутым из списков героев.

– Вы разбирались, что на самом деле произошло 30 апреля 1945 года?

– Об этом достоверно мы, наверное, никогда так и не узнаем. Но картинка складывается такая. На острие удара были два полка – 674-й под командованием подполковника Алексея Плеходанова и 756-й полковника Зинченко. Конкретное задание штурмовать рейхстаг получили два батальона – майора Давыдова и майора Неустроева. У Неустроева из всего

батальона после захвата «дома Гимmlера» (так солдаты называли здание МВД Германии. – О. М.) осталось всего 75 человек, а батальон Давыдова был укомплектован нормально. Командир 150-й дивизии Шетиллов вызывает Плеходанова и говорит: «У Зинченко нет сил брать рейхстаг, ты будешь ему помогать». Но знамя-то изначально было передано Зинченко, в его полку оно и осталось. Плеходанов возвращается с совещания и говорит своим разведчикам: мы-то рейхстаг берём, но знамени у нас нет, а те, у кого оно есть, рейхстаг не берут. Что делать? Кто-то предложил сделать самодельный стяг. И вот, побегав по «дому Гимmlера», где-то в подвалах нашли перину...

– Красная перина! В Министерстве внутренних дел Германии?

– Ну да. Бойцы тут же её распотрошили, сшили знамя и с ним утром 30 апреля начали штурм после артподготовки. Между «домом Гимmlера» и рейхстагом на Королевской площади был военный госпиталь – маленький одноэтажный дом. Когда группа Сорокина побежала, она попала в это здание, где находились

два генерала медицинской службы, которые не оказали никакого сопротивления. Сержанту Лысенко было приказано препроводить их в штаб полка. И вот тут-то случилось то, что, возможно, и сыграло роковую роль во всей этой истории с водружением знамени.

Представьте себе картину. Плеходанов допрашивает двух генералов, заходит Зинченко: «Ну как, что?». Плеходанов возьми да и пошутит: «Да всё нормально, мои уже в рейхстаге, вон генералов допрашиваем». В мемуарах Плеходанов потом писал, что не может простить себе эту шутку.

А дальше – предположения. Скорее всего, Зинченко погнал докладывать комдиву Шатилову, что рейхстаг взят силами его полка 30 апреля в 14 часов 25 минут! Ведь кто первый доложит, тот и герой.

Дальше с корпуса – в армию – Жукову – Сталину. Через некоторое время оттуда приходит поздравительная телеграмма от Верховного главнокомандующего.

Ситуация: рейхстаг не взят. Но в телеграммах, шифровках уже поздравили. И генерал Шатилов приказывает Зинченко любой ценой водрузить флаг. Михаил Егоров и Мелитон Кантария служили в полку под командованием Зинченко. Если учесть подходящую национальность обоих, то понятно, почему именно они были выбраны как герои-знаменосцы.

– А где же Григорий Булатов и вообще вся группа Сорокина?

– Гриша был первым, кто добежал до рейхстага. Первая атака наших захлебнулась. У глубокого рва, пересекавшего площадь, залегли Булатов и лейтенант Рахимжан Кошкарбаев, выскочивший из «дома Гимmlера» с группой Сорокина. Там они пролежали до темноты. Потом началась артподготовка, с первыми же выстрелами они подбежали к рейхстагу. Согласно журналу боевых действий 150-й стрелковой дивизии, в 14 часов 25 минут 30 апреля 1945 года лейтенант Рахимжан Кошкарбаев и рядовой Григорий Булатов «по-пластунски подползли к центральной части здания и на лестнице главного входа поставили красный флаг». Да, это не крыша рейхстага, но они были первыми, кто добрался до его ступеней.

Вечерняя атака была уже успешной, начались бои во внутренних помещениях. Гриша опять же первым, теперь с помощью Виктора Проваторова, укрепил наш флаг на окне второго этажа. Но Сорокин скомандовал: «На крышу!». И приказ был выполнен.

Но здесь возникает ещё одна группа бойцов – лейтенанта Макова. Они тоже железобетонно уверены, что первыми водрузили знамя на крыше рейхстага. Маков эмоционально декла-

дывал: «Задание выполнено, знамя водрузили в 22 с чем-то там. В какое-то немецкое б... в корону или в голову воткнули». Получается, кто-то врёт? Но Сорокин и Маков – отважные люди, они не отсиживались в окопах.

– И где же правда?

– Я был в Берлине, пришёл к рейхстагу. И наконец понял, что могло быть. Скульптурных групп на крыше три. Они все могли оказаться у разных скульптур, к тому же купол не позволяет видеть, что происходит на другой стороне, плюс уже поздний вечер, темно. И группа Сорокина, и группа Макова могли быть уверены, что они первыми попали на крышу. И разница могла быть буквально в секунды... Но в каждой дивизии есть фронтовая газета. И сразу после взятия рейхстага была опубликована статья «Воин Родины», в которой подробно описывалось, как ставился первый флаг – Гришей Булатовым. Но об этой заметке быстро забыли, как и обо всех героях.

– А отец вам что рассказывал?

– Практически ничего. Он умер, когда мне было 20 лет, и мальчишкой меня мало интересовало боевое прошлое отца. Наши разговоры о войне ограничивались скудными вопросами-ответами: «Языка брал?». – «Брал». Ну и всё. Сегодня стыдно, конечно, но что поделаешь? Потом, батя по характеру был замкнутый и молчаливый, а что касается битвы за рейхстаг, то делиться воспоминаниями ему мешала обида. Лишь когда по телевизору показывали кадры кинохроники Романа Кармена, он всегда говорил: «Ну вот же наши ребята!». Я имена этих «ребят» – Булатов, Проваторов, Сорокин, Лысенко, Орешко, Брюховецкий, Габидуллин – запомнил с детства.

– Обида была на то, что героями сделали не их, а Егорова и Кантарию?

– Да не только. Ведь батя ничего за Берлин не получил. Вообще. Григорий Булатов и Семён Сорокин получили пусть не Героев Советского Союза, но ордена боевого Красного Знамени, Лысенко стал Героем Советского Союза, хотя и за другую заслугу. А Брюховецкий и мой отец были обойдены наградой вообще. Красноармеец Михаил Панчковский не получил даже самую распространённую медаль «За боевые заслуги». Долгие годы меня мучило оскорбительное для отца предположение: может, отец тогда сыграл труса? Но ведь обошли не только его. Да и обиды тогда у отца не было бы. Так что, думаю, сыграли свою роль два момента – какие-то личные мотивы и то, что отец мой был сыном врага народа.

– А кинохроника Романа Кармена настоящая?

– Мы все думаем, что Роман Кармен снял настоящую хронику, а ведь на деле это постановочные кадры, которые он сделал 2 мая, спустя несколько дней после реальных событий. Думаю, отцу не давало покоя, что он участвует в некотором роде в театре.

– И много этого «театра» тогда было?

– Достаточно. Знаменитая фотография, где Кантария с Егоровым с автоматами за плечами поднимались на крышу рейхстага, причём не с полковым флагом, а самодельным – тем самым, первым, Гриши Булатова, – была снята 2 мая. Не менее легендарная фотография, обошедшая весь мир, где три бойца водружают знамя на крыше, – тоже постановочная, её сделали, кажется, 4 или 5 мая. Кстати, с этой фотографией связан один казус. Во-первых, фотокорреспондент ТАСС Евгений Халдей использовал знамя, которое ему сшили в редакции. А во-вторых, помочь ему он попросил не реальных участников водружения знамени, а первых же попавшихся солдат: мол, не согласитесь попозировать для фотографии? Те согласились. Но главная закладка в другом – в том, что на руках одного из солдат две пары часов!

– Трофейные, что ли?

– Кто знает – может, трофей, может, наградные. Но, во всяком случае, начальству это не понравилось, и дальше одни часы на руке бойца Абдулхакима Исмаилова тщательно ретушировали... Исмаилов потом, когда Ельцин приказал представить всех участников памятной фотографии к званию Героя России, звание принять не постеснялся. А с другой стороны – Берлин штурмовал? Штурмовал! На крыше в итоге был? Был...

Вообще, споры, кто был первым, начались сразу же, летом 1945 года. А потом страсти накалились до такой степени, что году в 1965-м или 1967-м состоялся чуть ли не военный совет, куда было приглашено командование, историки. Все факты, казалось бы, были налицо. Ну и что? Посидели-посоветовались и решили: Егоров и Кантария. Почему? Да потому что решение партии не должно оспариваться. И, надо сказать, я их прекрасно понимаю: ну что они должны были сказать? Что мы 20 лет обманывали свой народ? Раз уж так сложилось, значит, сложилось...

– Но если Егоров и Кантария не водружали знамя Победы, как они столько лет справлялись с совестью?

– Совесть... Тогда всё решала не совесть, а партия и политотдел. Помню, как в Музее Вооружённых Сил подвели меня к стенду с двумя

абсолютно одинаковыми фотографиями, не считая «маленького» исключения – на одной нет Сталина. После окончания войны все командующие фронтами, их замы сфотографировались в честь Победы. А потом спохватились, что забыли главнокомандующего! Что делать? Пишут ходатайство о присвоении Сталину звания генералиссимуса, а потом: «Разрешите с вами сфотографироваться». Самое удивительное в этом, что они все сели в том же порядке, что и на первом снимке, даже, кажется, на те же стулья...

Но вернёмся к знаменосцам. Про Егорова ничего не скажу, а вот Кантария, знаю, всячески уклонялся от интервью, встреч. Кто-то из штаба корпуса вспоминал, как однажды, в семьдесят каком-то году, ехал в Берлин, и в поезде встретил Кантарию. Задал ему пару вопросов и, поняв, что тот всё время путает даты, порядок событий, имена, инструктировал его всю дорогу, чтобы в Берлине всё правильно рассказал.

– А те, кто мог правильно рассказать, пытались это делать? Ваш отец, например?

– Я знаю, что году в 65-м, кажется, он ездил в Москву – тогда ещё были живы командиры дивизий Шатилов, Зинченко, Неустроев, жив был Сорокин. Состоялась встреча, торжественные речи. Но опять же прославили Егорова и Кантарию, про остальных сказав: «Конечно, мы не можем перечислить имена всех героев, их было много». Приехал отец домой и сказал: «Больше я никуда не поеду».

– И все эти годы благоразумно молчал?

– Не благоразумно. Поначалу и он пытался выступать. Его пару раз звали выступить с трибуны маленького районного городка. Ну выступил, его рассказу удивились, и побыстрее убрали с трибуны. Но он не был лидером по натуре, поэтому просто замкнулся в себе. Остальные бойцы взвода Сорокина не могли смириться с несправедливостью и долгие годы безуспешно пытались рассказать правду. Самым активным был Гриша Булатов, за что и поплатился жестоко. Вначале ему инсценировали попытку изнасилования. Выйдя из тюрьмы, он вернулся к себе на родину, в городок Слободское в Кировской области. Потом ещё раз на него сфабриковали дело. Но он всё угомониться не мог, писал куда-то письма, рассказывал всем, как было на самом деле, но его воспринимали как местного алкаша, дали прозвище Гришка-Рейхстаг. Жена ушла, жизнь не сложилась. В конце концов он повесился.

На этом его история не закончилась. Спустя годы, когда открылись архивы, этим делом заинтересовался губернатор Кировской области Никита Белых: мол, давайте расставим точки над *i* в истории. И в конце концов он поверил

в то, что Гриша Булатов был первым знаменосцем. За счёт средств области установили памятник Григорию в родном Слободском. Затем там появился Центр патриотического воспитания имени Булатова.

– А так ли важно на самом деле, кто стал первым? И Матросов был не единственным, кто лёг на амбразуру.

– Да, наверное, сейчас уже не имеет такого значения, кто когда был первым. Но для мальчишек – моему отцу было 20 лет, а Грише Булатову и вовсе 19 – было важно, чтобы их подвиг

отметили. Конечно, отец был рад, что вернулся с войны живым-здоровым. Но страдало самолюбие. Если бы хоть какая-то награда, а то ведь и вовсе ничего! Полное забвение. Поэтому я очень благодарен тем ребятам, которые организовали эту выставку и подняли тему – а кто же был первым знаменосцем.

Ольга МАШКОВА

http://gorod-812.ru/kak-poluchilos-cto-znamyanad-reyhstagom-vodruzhaliodni-nagradilidrugih/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

Непридуманные истории

АНАЛИЗЫ ТРУПА И РАСТЕРЯННЫЕ ЛИЦА РОДСТВЕННИКОВ: ПОСЛЕ ВЕРДИКТА ВРАЧЕЙ ЖИТЬ ЗАХОТЕЛОСЬ ЕЩЁ БОЛЬШЕ...

Меня везли на кресле по коридорам областной больницы...

– Куда? – спросила одна медсестра другую.
– Может, не в отдельную, может, в общую? –

Я заволновалась.

– Почему же в общую, если есть возможность в отдельную?

Сёстры посмотрели на меня с таким искренним сочувствием, что я несказанно удивилась. Это потом я узнала, что в отдельную палату переводили умирающих, чтобы их не видели остальные.

– Врач сказала – в отдельную, – повторила медсестра.

Я успокоилась. А когда очутилась на кровати, ощутила полное умиротворение уже только от того, что никуда не надо идти, что я уже никому ничего не должна, и вся ответственность моя сошла на нет.

Я ощущала странную отстранённость от окружающего мира, и мне было абсолютно всё равно, что в нём происходит. Меня ничего и никто не интересовал. Я обрела право на отдых. И это было хорошо. Я осталась наедине с собой, со своей душой, со своей жизнью. Только Я и Я. Ушли проблемы, ушла суета и важные вопросы. Вся эта беготня за сиюминутным показалась настолько мелкой по сравнению с Вечностью, с Жизнью и Смертью, с тем неизведанным, что ждёт там, за небитием...

И тогда забурлила вокруг настоящая Жизнь! Оказывается, это так здорово: пение птиц по утрам, солнечный луч, ползущий по стене над кроватью, золотистые листья дерева, машущего

мне в окно, глубинно-синее осеннее небо, шумы просыпающегося города – сигналы машин, спешащее цоканье каблучков по асфальту, шуршащие падающих листьев... Господи, как замечательно Жизнь! И я только сейчас это поняла...

– Ну и пусть, – сказала я себе. – Но ведь поняла же. И у тебя есть ещё пара дней, чтобы насладиться ею и полюбить её всем сердцем.

Охватившее меня ощущение свободы и счастья требовало выхода, и я обратилась к Богу, ведь он был ко мне уже ближе всех.

– Господи! – радовалась я. – Спасибо тебе за то, что ты дал мне возможность понять, как прекрасна Жизнь, и полюбить её. Пусть перед смертью, но я узнала, как замечательно жить!

Меня заполняло состояние спокойного счастья, умиротворения, свободы и звенящей высоты одновременно. Мир звенел и переливался золотым светом божественной Любви. Я ощущала эти мощные волны её энергии.

Казалось, Любовь стала плотной и в то же время мягкой и прозрачной, как океанская волна. Она заполнила всё пространство вокруг, даже воздух стал тяжёлым и не сразу проходил в лёгкие, а втекал медленной, пульсирующей водой. Мне казалось, всё, что я видела, заполнялось этим золотым светом и энергией. Я Любила! И это было сливанием мощи органной музыки Баха и летящей ввысь мелодии скрипки.

Отдельная палата и диагноз «острый лейкоз четвёртой степени», а также признанное врачом необратимое состояние организма имели свои преимущества. К умирающим пускали всех и в любое время.

Родным предложили вызывать близких на похороны, и ко мне потянулась прощаться вереница скорбящих родственников. Я понимала их трудности: о чём говорить с умирающим человеком? Который, тем более, об этом знает. Мне было смешно смотреть на их растерянные лица.

Я радовалась: когда бы я ещё увидела их всех! А больше всего на свете мне хотелось поделиться любовью к Жизни – ну разве можно не быть от этого счастливым! Я веселила родных и друзей, как могла: рассказывала анекдоты, истории из жизни.

Все, слава богу, хохотали, и прощание проходило в атмосфере радости и довольства. Примерно на третий день мне надоело лежать, я начала гулять по палатам, сидеть у окна. За сим занятием и застала меня врач, сначала закатив истерику по поводу того, что мне нельзя вставать.

Я искренне удивилась:

– Это что-то изменит?

– Нет, – теперь растерялась врач. – Но вы не можете ходить.

– Почему?

– У вас анализы трупа. Вы и жить не можете, а вставать начали.

Прошёл отведённый мне максимум – четыре дня. Я не умирала, а с аппетитом лопала колбасу и бананы. Мне было хорошо. А врачу было плохо: она ничего не понимала. Анализы не менялись, кровь капала едва розоватого цвета, а я начала выходить в холл смотреть телевизор.

Врача было жалко. Любовь требовала радости окружающих.

– Доктор, а какими вы бы хотели видеть эти анализы?

– Ну, хотя бы такие: – Она быстро написала мне на листочке какие-то буквы и цифры. Я ничего не поняла, но внимательно прочитала. Врач посмотрела на меня, что-то пробормотала и ушла.

В девять утра она ворвалась ко мне в палату с криком:

– Как вы это делаете?!

– Что я делаю?

– Анализы! Они такие, как я вам написала.

– А-а! Откуда я знаю? Да и какая, на фиг, разница?

Лафа кончилась. Меня перевели в общую палату. Родственники уже попрощались и ходить перестали.

В палате находились ещё пять женщин. Они лежали, уткнувшись в стену, и мрачно, молча и активно, умирали. Я выдержала три часа. Моя Любовь начала задыхаться. Надо было что-то срочно делать. Выкатив из-под кровати арбуз, я затащила его на стол, нарезала и громко сообщила:

– Арбуз снимает тошноту после химиотерапии.

По палате поплыл запах свежего снега. К столу неуверенно подтянулись остальные.

– И правда снимает?

– Угу, – со знанием дела подтвердила я, подумав: «А хрен его знает».

Арбуз сочно захрустел.

– И правда, прошло, – сказала та, что лежала у окна и ходила на костылях.

– И у меня... И у меня... – радостно подтвердили остальные.

– Вот, – удовлетворённо закивала я в ответ. – Как-то случай у меня один был... А анекдот про это знаешь?

В два часа ночи в палату заглянула медсестра и возмутилась:

– Вы когда ржать перестанете? Вы же всему этажу спать не даёте!

Через три дня врач нерешительно попросила меня:

– А вы не могли бы перейти в другую палату?

– Зачем?

– В этой палате у всех улучшилось состояние. А в соседней много тяжёлых.

– Нет! – закричали мои соседки. – Не отпустим.

Не отпустили...

Только в нашу палату потянулись соседи – просто посидеть, поболтать, посмеяться. И я понимала, почему. Просто в нашей палате жила Любовь. Она окутывала каждого золотистой волной, и всем становилось уютно и спокойно.

Особенно мне нравилась девочка-башкирка лет шестнадцати в белом платочке, завязанном на затылке узелком. Торчащие в разные стороны концы платочка делали её похожей на зайчонка.

У неё был рак лимфоузлов, и мне казалось, что она не умеет улыбаться. А через неделю я увидела, какая у неё обаятельная и застенчивая улыбка. А когда она сказала, что лекарство начало действовать и она выздоравливает, мы устроили праздник, накрыв шикарный стол.

Венчали его бутылки с кумысом, от которого мы быстро забалдели, а потом перешли к танцам. Пришедший на шум дежурный врач ошалело смотрел на нас, после сказал:

– Я тридцать лет здесь работаю, но такое вижу первый раз.

Развернулся и ушёл.

Мы долго смеялись, вспоминая выражение его лица. Было хорошо.

Я читала книжки, писала стихи, смотрела в окно, общалась с соседками, гуляла по коридору и так любила всё, что видела: книгу, компот, соседку, машину во дворе за окном, старое дерево. Мне кололи витамины. Надо же было что-то колоть. Врач со мной почти не разговаривала, только странно косилась, проходя мимо, и через три недели тихо сказала:

– Гемоглобин у вас на 20 единиц выше нормы здорового человека. Не надо его больше повышать.

Казалось, она за что-то сердится на меня. По идее, получалось, что она дура и ошиблась с диагнозом, но быть этого никак не могло, и она это тоже знала.

А однажды она мне пожаловалась:

– Я не могу вам подтвердить диагноз. Ведь вы выздоравливаете, хотя вас никто не лечит.

А этого не может быть.

– А какой у меня диагноз?

– Я ещё не придумала, – тихо ответила она и ушла.

Когда меня выписывали, врач призналась:

– Так жалко, что вы уходите, у нас ещё много тяжёлых. Из вашей палаты выписались все. А по отделению смертность в этом месяце сократилась на 30 процентов.

Жизнь продолжалась. Только взгляд на неё становился другим. Казалось, что я начала смотреть на мир сверху, и потому изменился масштаб обзора происходящего. А смысл жизни оказался таким простым и доступным.

Надо просто научиться любить, и тогда твои возможности станут безграничными, а все желания сбудутся, если ты, конечно, будешь эти желания формировать с любовью. И никого не будешь обманывать, не станешь завидовать, обижаться и желать кому-то зла. Так всё просто и так всё сложно.

Ведь это правда, что Бог есть Любовь. Надо только успеть это вспомнить...

Автор: Людмила ЛАМОНОВА,
Интернет

Совсем немного политики

«Самое обидное, что в информационной войне всегда проигрывает тот, кто говорит правду. Он ограничен правдой, лжец может нести всё что угодно».

Роберт Шекли

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР - АРХИТЕКТОР НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Википедия: Американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международных отношений. Советник по национальной безопасности США и Государственный секретарь США.

(Выдержки из статьи)

Родился: 27 мая 1923 г. (95 лет), Фюрт, Бавария, Веймарская республика

Награды: Нобелевская премия мира

Цитата: «Даже у параноика есть враги».

...В силу гигантского многообразия хорошо обоснованных причин в глазах миллионов людей доктор Генри Киссинджер выглядит одной из самых зловещих личностей, которых ещё носит или когда-либо носила земля...

Киссинджер, без преувеличений, не лучше **Гитлера**, и надо быть очень близоруким, чтобы рисовать себе моральное превосходство Генри Киссинджера над Гитлером. Идеалы доктора Киссинджера абсолютно так же смертоносны, но применительно к другим демографическим категориям.

...Среди мнений, изложенных доктором Киссинджером, есть идея о том, что **пожилые**

являются бесполезными иждивенцами – вот каков «мир» Нобелевской премии, а ведь доктор Киссинджер уже стар, и по-прежнему переводит пищу...

...Подобно Джорджу Соросу, продавшему Великобританию за миллиарды, Генри Киссинджер предаст граждан США за идею Нового мирового порядка...

...Особенно же интересной мне показалась точка зрения еврея доктора Киссинджера на еврейский вопрос в советской тогда ещё России, выраженная им 1 марта 1973 года:

«...Эмиграция евреев из Советского Союза не относится к приоритетам американской внешней политики, и если евреев в СССР будут отправлять в газовые камеры, то это не проблемы США. Скорее, это общегуманитарные проблемы...».

...Генри Киссинджер и его политическая философия затронули не только Израиль, но и весь земной шар. Зачастую массовые убийства и подрывная деятельность против демократически избранных правительств становились обычным делом...

...И хотя Генри Киссинджер больше не является действующим членом нашего официального федерального правительства, старик Генри продолжает жить и есть вопреки собственному убеждению о том, что **пожилые – лишние едоки**. Его идея подрывных махинаций в интересах олигархии, продолжающая своё шествие по миру, покрыла его имя дур-

ной славой и превратила в синоним зла. Наш мир – место ненадёжное, а богатые всегда умели найти подход к введённым в заблуждение людям толпы.

Эксплуатация и диверсии на благо олигархии уже давно стоят на вооружении находящихся под влиянием Киссинджера Соединённых Штатов, но сегодня цикл завершил свой полный оборот, и теперь народ США пожинает уже свой урожай собственной слепоты, подвергаясь эксплуатации по тем самым рецептам, которые были выписаны пару десятков лет назад великим и ужасным доктором Генри Киссинджером.

Так что пусть гремит «гип-гип-ура» Генри Киссинджеру – мастеру лицемерия, автору чудовищной философии богатства и подрывной деятельности, а также обладателю «Президентской медали», высшей государственной награды Израиля.

<http://mixednews.ru/archives/27813>

ДОКТОР КИССИНДЖЕР ПРИГОВАРИВАЕТ РОССИЮ

Этот доктор разобрал по косточкам весь мир. Препарировал его историю. Отделил в ней систему мироустройства, выделил правила, по которым эта система функционировала. Начал с истоков, закончил завтрашним днём. Разобрал роль каждого царства-государства тогда и сейчас в этой системе, не забыв и Россию. Показал, как разные страны исполняли каждая свою партию в мировом оркестре, как каждая из них знает своё место и не прыгает на чужой шесток. Не перепрыгивает не потому, что не хочет или не может, а потому, что такова система. Прямо гений какой-то, не находите? Ладно, ладно, не гений мысли, а просто организации и грамотного языка, ну и живой ум, куда без этого. Не в минус, а по факту. Нельзя сказать, что его взгляд на прошлое отличался какой-то оригинальностью или он как-то по-другому оценивал роль и место того или иного государства в мировой истории, чем историки до него. Россию как представляли мировым жандармом, так и он её нарисовал такой же, только другими словами.

Про хитрого лиса Генри Альфреда Киссинджера в полной мере можно сказать «из грязи в князи». Он из семьи немецкого еврея-учите-

ля и домохозяйки, бежавших вместе с пятнадцатилетним сыном (Генри) из нацистской Германии. Эмигрант. Он стал не только одним из самых влиятельных людей Соединённых Штатов, но на сегодня и во всём мире. Хочешь не хочешь, а факт. Сегодня нет ни одного политика на планете, который осмелился бы не прислушаться к его мнению. Он прошёл путь от рабочего фабрики, изготавливавшей щётки для бритвы, на которой он работал по ночам, чтобы оплачивать учёбу, до самого влиятельного госсекретаря Штатов, а позже и серого кардинала мирового правительства. Да-да – мирового. Его типаж замечательно вписывается в конспирологическую картину мира. А начинал как простой разведчик. Потом – друг и советник клана Рокфеллеров, интеллектуал, аналитик, виртуозный дипломат, организатор высших подготовительных курсов для американской политической элиты. Даже сейчас, в свои 95 лет, в седле. Какой конспиролог пропустит такой типаж? Член Бильдербергского клуба, Комитета-300 и разных других сверхзагадочных международных организаций, человек, который размышляет о мировом порядке и может себе позволить назначать встречи любому политику в мире, будь то Трамп или Пу-

тин. Сорос отдыхает. Ни один романист или конспиролог не может не сделать его повелителем мировых политических элит.

Если же говорить объективно, то что он сделал? Всё его достижение в том, что он может убеждать другого поступать так, как он задумал. Согласитесь, это тоже не мало. Вот как о своём умении говорил сам Киссинджер.

«Решил я, к примеру, породнить мужика из Сибири с Рокфеллером. Прихожу к Рокфеллеру и говорю – слушайте, хотите стать зятем русского мужика? Он, конечно, в ужасе глаза пучит: «Ты что, с ума сошёл, мне такое предлагать!» – это Рокфеллер отвечает. А я ему: «Нет. Сами подумайте, ну и что, что мужик, ну и что, что из Сибири, зато у него счета в Швейцарском, Английском и кто знает в каких других банках». У Рокфеллера сразу глаза загораются. «А почему нет?» – уже более приветливо отвечает он. «Ок! – говорю, – сделаем». Иду в банк и говорю: «Хотите, вашим клиентом станет русский мужик из Сибири?». Они на меня удивлённо: «На кой нам он нужен?». А я им: «Так он зять Рокфеллера». Они сразу: «Да, да, да!». Еду в Сибирь к мужику и говорю: «Хочешь американскую жену?». «Да у меня свои, вон, целая деревня, что я там у неё не видел?» А я ему: «Она дочь Рокфеллера». «Когда свадьба?» – отвечает он. Ну и в завершение иду к дочке Рокфеллера и спрашиваю: «Хочешь замуж?» «За кого?» – вопросом на вопрос отвечает девушка. «Да за клиента Швейцарского банка». «Да вы что, белены объелись? Шагу ступить не могу, они мне и так проходу не дают». И тут финальное слово: «А если он русский мужик

из Сибири?». У неё глазки загораются. И уже обсуждаем день свадьбы».

Киссинджер по жизни много писал и пишет. В отличие от разных академических писак он пишет свои книги как методички к действию. И что особенно интересно: мировые политические элиты их берут к исполнению. Говоря о настоящем и будущем в своих работах, он прописал каждой стране, играющей заметную роль на мировых подмостках, вектор её движения. Давая характеристику того места в мире, которое они могут занять, если постараются. Итак, к России. Он, безусловно, отдаёт должное нашей стране. Её размерам, её вооружённым силам, глобальным амбициям, независимой политике. Но в первую очередь Киссинджер ругает за интересы своей страны – США. Именно с этой позиции он смотрит на Россию. Вот его взгляд.

«Соединённые Штаты минимизируют Китай и Россию, и последним гвоздём в их гробу будет Иран, который, конечно же, главная цель Израиля... Дали России время, чтобы оправиться от советизации, дали ложное чувство превосходства, всё это приведёт к гибели. Мы, как отличный стрелок, не нуждаемся в выборе оружия, подобно новичкам, и, когда они попытаются, мы сделаем «банг-банг».

А вы как считаете, зачем Киссинджер хочет сделать «банг-банг» с Россией?

Алиса АЛЕКСЕЕВА

http://info-kuhny.ru/blog/43485691401/Doktor-Kissindzher-prigovarivayet-Rossiyu?utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_7&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1

ОККУПАЦИЯ ПО-АМЕРИКАНСКИ. СТО ЛЕТ НАЗАД АРМИЯ США ВТОРГЛАСЬ В РОССИЮ

МОСКВА, 15 авг. – РИА «Новости», Андрей Коц. *Восьмитысячный экспедиционный корпус, поддержка Белого движения и самые серьёзные намерения – ровно 100 лет назад, 15 августа 1918 года, США и Советская Россия разорвали дипломатические отношения, после чего американцы высадились во Владивостоке. Это ознаменовало начало полномасштабной интервенции стран Антанты в Россию, сопровождавшейся зверствами и грабежами.*

О том, какую память оставили после себя военнослужащие США на Дальнем Востоке, – в материале РИА Новости.

Американские войска во время парада перед зданием штаба Чехословацкого легиона во Владивостоке. 1918 год

Американские войска на Дальнем Востоке. 1919 год

«НАЦИЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ»

Сразу после Октябрьской революции Советская Россия заключила с Германией перемирие на Восточном фронте и фактически вышла из войны. Страны Антанты восприняли это буквально в штыки. Под предлогом недопустимости захвата власти в бывшей империи «прогерманской партией» западные державы готовились к вторжению в Россию, уже объявляя Гражданской войной.

В декабре 1917-го США, Великобритания, Франция и их союзники провели конференцию, на которой было принято решение о разграничении зон интересов на территории бывшей Российской империи и установлении контактов с национально-демократическими правительствами.

Иными словами, «западные партнёры» планировали поделить крупнейшее государство на планете между собой, а помочь им в этом должны были представители Белого движения. Контакты с ними интервенты наладили ещё до вторжения.

Во французскую сферу влияния входили Украина, Бессарабия и Крым. Англия оставляла за собой право на «казачьи и кавказские области», Армению, Грузию и Курдистан. США, в первые годы советской власти сохранявшие нейтралитет, согласились в итоге помочь Великобритании и Франции в «освоении» российского Приморья. Американцы хотели убить двух зайцев – получить доступ к богатым ресурсам Дальнего Востока и помешать закрепиться там Японии, тоже имевшей виды на «шкуру не убитого медведя».

Возможное сопротивление русских в расчёт не брали. Сенатор-республиканец от штата Вашингтон Майлз Пойндекстер, призывая к интервенции, прямо говорил: «Россия стала просто географическим понятием, и ни чем более она никогда не будет. Её сила сплочения, организации и восстановления ушла навсегда. Нация не существует...». К вторжению призывал и посол США в России Дэвид Фрэнсис: «Я настаиваю на необходимости взять под свой контроль Владивосток, а Мурманск и Архангельск отдать Великобритании и Франции».

ОККУПАЦИЯ

Уже 3 августа 1918-го военное министерство США отдаёт приказ генералу Уильяму Грейвсу об отправке во Владивосток 27-го и 31-го пехотного полков, а также добровольцев из 13-го и 62-го полков. Всего в середине месяца американцы высадили на Дальнем Востоке около восьми тысяч военнослужащих. В экспедиционные силы входили также канадцы, итальянцы и англичане. Формально контингент должен был обеспечить безопасный проезд чехословацкого корпуса из глубин России. На самом деле преобладали более меркантильные устремления.

Интервенты защищали на территории России интересы своего капитала. Золотые прииски, лес, уголь – на всё это у них были планы. Убеждён: Гражданская война в стране была столь длительной и кровопролитной только из-за вмешательства иностранных держав. Если бы не белочехи и интервенты, она закончилась бы без большой крови уже в 1918-м. Руководители Белого движения обеспечивали американские, английские, французские, японские концессии, обещали выплатить царские долги. Фактически они предоставляли чужакам контроль над территорией.

Американские интервенты воспользовались «приглашением» в полной мере. Они вывозили с Дальнего Востока лес, пушнину, золото. Американские фирмы получили разрешение от правительства Колчака совершать торговые операции в обмен на кредиты «Сити бэнк» и «Гаранти траст». Только одна компания отправила из Владивостока в США 15,7 тысячи пудов шерсти, 20,5 тысячи овечьих шкур, 10,2 тысячи крупных сухих кож. Вывозилось всё, представлявшее хоть какую-нибудь ценность.

С местным населением, поддерживавшим красных партизан, не церемонились. В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока сохранились «Акты о замученных и расстрелянных крестьянах в Ольгинском уезде в 1918–1920 годах». Вот выдержка из этого документа: «Захватив крестьян И. Гоневчука, С. Горшкова, П. Опарина и З. Мурашко, американцы живьём закопали их за связь

с местными партизанами. А с женой партизана Е. Бойчука расправились следующим образом: искололи тело штыками и утопили в помойной яме. Крестьянина Бочкарёва до неузнаваемости изуродовали штыками и ножами: нос, губы, уши были отрезаны, челюсть выбита, лицо и глаза исколоты штыками, всё тело изрезано. У ст. Свягино таким же зверским способом был замучен партизан Н. Мясников, которому, по свидетельству очевидца, сперва отрубили уши, потом нос, руки, ноги, живым порубив на куски».

ДЕВЯТНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Историк Фёдор Нестеров в книге «Связь времён» писал: «Сторонников Советов всюду, куда доставал штык заокеанских «освободителей России», кололи, рубили, расстреливали партиями, вешали, топили в Амуре, увозили в пыточных «поездах смерти», морили голодом в концлагерях». По его словам, многие крестьяне, поначалу не поддержавшие советскую власть, в конечном счёте восстали против «гостей» и перешли на сторону партизан.

Спротивление оккупантам ширилось. Вошёл в историю бой у села Романовка под Владивостоком 25 июня 1919-го: большевистские части под командованием Якова Тряпицына атаковали позиции армии США и уничтожили более двадцати солдат противника.

После поражения колчаковских войск иностранная интервенция в России потеряла смысл. За 19 месяцев пребывания в стране американский контингент на Дальнем Востоке потерял убитыми почти 200 солдат и офицеров. Последний заокеанский военный служащий отправился домой 1 апреля 1920-го.

Стоит отметить, что даже после завершения Гражданской войны и признания СССР американцами и большинством европейских держав кровавую кампанию в России никто из западных политиков не осудил. Двучленное отношение к оккупации территорий суверенного государства исчерпывающе охарактеризовал Уинстон Черчилль в своём четырёхтомном труде «Мировой кризис»:

«Находились ли союзники в войне с Советской Россией? Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза; на русской земле они оставались в качестве завоевателей; они снабжали оружием врагов советского правительства; они блокировали его порты; они топили его военные суда. Они горячо стремились к падению советского правительства и строили планы этого падения. Но объявить ему войну – это стыд! Интервенция – позор! Они продолжали повторять, что для них совершенно безразлично, как русские разрешают свои внутренние дела. Они желали оставаться беспристрастными и наносили удар за ударом».

Американские интервенты везут платформы с погибшими во время боёв на Дальнем Востоке для дальнейшей транспортировки в США. 1920 год

<https://news.mail.ru/society/34419353/?frommail=1>

ПЕСНЯ «ЗА РЕКОЙ ЛЯОХЭ»

(1905) АВТОР НЕИЗВЕСТЕН

За рекой Ляохэ загорались огни,
Грозно пушки в ночи грохотали,
Сотни храбрых орлов
Из казачьих полков
На Инкоу в набег поскакали.
Пробирались там день и ночь казаки,
Одолели и горы, и степи.
Вдруг вдали, у реки,
Засверкали штыки,
Это были японские цепи.
И без страха отряд поскакал на врага,
На кровавую страшную битву,
И урядник из рук пику выронил вдруг –
Удалецкое сердце пробито.
Он упал под копыта в атаке лихой,
Кровью снег заливая горячей.
– Ты, конёк вороной,
Передай, дорогой,
Пусть не ждёт понапрасну казачка.
За рекой Ляохэ угасали огни.
Там Инкоу в ночи догорало,
Из набега назад
Возвратился отряд,
Только в нём казаков было мало...

<https://www.youtube.com/watch?v=6zvrVbSu7OY&feature=share>

24 декабря генерал-адъютант Мищенко получил приказание произвести набег в тыл японцам по направлению к городу Инкоо, откуда японцы получали продовольствие. В набег были назначены 21 сотня уральцев и забайкальцев, 11 сотен кавказских горцев, 19-й, 24-й и 26-й донские казачьи полки, Черниговские, Нежинские и Приморские драгуны, 4 сотни пограничной стражи, полусотня разведчиков, 4 конные охотничьи команды, 12 орудий забайкальских казачьих батарей, 6 конных орудий 20-й батареи и 4 пеших орудия. 27 декабря четырьмя колоннами – генерала Самсонова с драгунами, войскового старшины Свешникова с 1500 вьюков под охраной забайкальцев, генерал-майора Абрамова с уральцами, забайкальцами и конными охотниками стрелковых полков и генерал-майора Телешова с донцами, кавказцами и забайкальскими орудиями, – конный отряд перешёл линию наших постов и пошёл вдоль реки Ляохе, направляясь к Инкоо. 28 декабря донцы, широко раскинув лаву, выгнали японцев из деревни Калихе и продолжали двигаться

далее на юг. В этот же день донские сотни сделали набег на железную дорогу и разрушили на ней телеграф и шпалы на протяжении 250 саженьей. В то же время в разных местах казаки начали захватывать китайские арбы с продовольствием для японцев. Продовольствие это сжигали. Так, работая в тылу у японцев, конный отряд прошёл в три дня около 110 вёрст, и 30 декабря подошёл к станции Инкоо. Для взятия станции были назначены спешенные казаки от разных полков, в том числе пошло и две сотни донцов. Штурм был назначен ночью. Наша артиллерия зажгла склады фуража, бывшие подле Инкоо, и они пылали громадным костром, освещая местность на большом протяжении. Полковник Харанов, командовавший отрядом спешенных казаков, повёл их вдоль реки Ляохе. Казаки скользили на льду, часто падали, сбивались в кучи. Плохо обученные действиям в спешенном порядке, незнакомые с силою теперешнего огня, они скоро начали падать ранеными и убитыми. Как бабочки на огонь, они шли на пылающие склады по освещенным местам.

щённому месту, направляясь к окопам, занятым японской пехотой. Оставалось около 900 шагов до станции. С дружным криком «Ура!» побежали казаки на штурм. Пачечный огонь японцев слился в один общий треск и гул. Много казаков тут упало. Живые прилегли к земле, а одиночные смельчаки прокрались к самому полотну дороги и ко рвам возле построек, и били по японцам на выбор. Отдохнувши немного, казаки снова бросились к станции, но опять страшный огонь японцев заставил их остановиться. Стало ясно, что без громадных потерь овладеть станцией невозможно. Станция была окружена

волчьими ямами и проволочными заграждениями... Пришлось отступать. Там, сзади, в темноте ночи, у деревни Лиусигоу трубач играл сбор, и туда брели казаки, огорчённые и озлобленные постигшей их неудачей. Но противник, должно быть, тоже понёс немало, и немало был напуган. Он не преследовал. Казаки подбирали раненых и убитых и выносили их с поля битвы. Всего за этот кровавый ночной штурм мы потеряли убитыми четырёх офицеров и 57 казаков и драгун, ранеными 20 офицеров и 171 казака и драгуна, без вести пропало – вероятно, убитыми – 26 казаков.

Наши утраты

**7 ОКТЯБРЯ 2018 ГОДА УШЁЛ ИЗ ЖИЗНИ
ПОТОМСТВЕННЫЙ КАЗАК И ПИСАТЕЛЬ
НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КУРОЧКИН-КРЕВЕ**

**БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ
ОФИЦИАЛЬНАЯ**

КУРОЧКИН-КРЕВЕ Николай Владимирович родился 23 мая 1946 года в городе Благовещенске Амурской области.

Там же закончил среднюю школу № 4 имени М. Калинина в 1964 году, одновременно – Благовещенский коммунально-строительный техникум по специальности «промышленное и гражданское строительство». В 1971 году закончил Иркутский институт народного хозяйства по специальности «экономика труда». Неоднократно повышал квалификацию в Институте ПК работников

«Миннефтегазстрой», работая в нормативно-исследовательской станции «Сургутгазстрой» старшим техником, затем – старшим инженером, руководителем группы экономических исследований, начальником отдела труда и зарплаты трестов «Мегионгазстрой» и «Томскгазстрой» с 1972 по 1978 гг.

За это же время неоднократно бывал в длительных заграничных командировках по линии Генштаба Министерства обороны СССР: в Чили, Португалии, Китае, Египте, Южной Африке – Анголе, Мозамбике.

Писать начал в 30 лет, первая же книга «Жизнь спустя» вышла в Западно-Сибирском книжном издательстве и была особо отмечена столичной критикой. В 1983 году был удостоен звания лауреата Всесоюзного литературного конкурса за это произведение и принимал награду из рук последнего живого классика русской литературы Леонида Леонова. Официально числился среди лидеров так называемого «поколения тридцатилетних». Был участником Всесоюзных литературных семинаров в Москве, Исlochи (Белоруссия), Пицунде (Абхазия), Дубултах (Латвия), писательских конференций в Тюмени и Москве, III съезда писателей Сибири в Новосибирске. Кроме вышеназванного, были изданы такие романы, как «Смерть экзистенциалиста» – в Москве, в издательстве «Молодая гвардия» в 1984 году, сразу же ставший бестселлером, «Предел текучести» (Новосибирск, ЗСКИ, 1984 г.), «Уикенд на берегу Чёрного моря» (Хабаровск, 1989 г.), «Второе удовольствие» (Владивосток, 1990 г.), «Соседей не выбирают» – фантастика (Хабаровск, 1992 г.) «Федька

Зуек – пират Её Величества» – исторический роман («Интербук», 1995 г.), «Бизнес-тур» (Серия «Русский криминал», изд. «Мангазея», Новосибирск, 1998 г.), «Киллер для честного бизнеса» («Интербук», 1998 г.). Московское издательство «ВЕЧЕ» предложило открыть серию «Джентльмены удачи» историческими романами «Пират Её Величества» и «Морские псы Её Величества», которые вышли в 2011 и в 2012 годах.

Кроме того, научно-фантастические рассказы писателя рассеяны по более чем 17 коллективным сборникам от Санкт-Петербурга до Владивостока. Повестью «Юрис цивилис» открывался юбилейный сборник московского издательства «Художественная литература» – «Поколение» (М., 1987 г.).

С 1990 по 2010 год жил и работал в Новосибирске, в последнее время проживал на Кубани, на хуторе Чекон города-курорта Анапа. Ранение, полученное в заграничной командировке, «достало» инвалидностью, практически был прикован к постели, но до последнего работал над новыми романами.

Детская страница

ИСТОРИЯ РОССИИ В РАССКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ГЛАВА XI

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ. – ДОВМОНТ

Когда Ярослав Всеволодович поехал княжить во Владимир, то оставил в Новгороде князем сына своего Александра. Он ещё был очень молод, но магистр ливонских рыцарей, который с ним имел свидание, удивился его разуму и красоте и сказал: «Я прошёл много стран, знаю свет и государей, а видел Александра Новгородского с удивлением». Новгородцы часто нападали на финскую землю, которою тогда владели шведы, а финны – на новгородцев. Правитель Швеции Биргер пришёл с большим войском, чтобы завоевать Новгород, и послал сказать Александру: «Бейся со мной, если смеешь; я уже стою на твоей земле!». Дружина у Александра Ярославича была малая; он со слезами помолился в новгородской Софийской церкви, вышел к дружине и сказал: «Нас немного, а враг силён; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем!». Ярослав Всеволодович не успел прислать ему помощи, даже новгородские ратники не все собрались.

Александр пошёл к Неве. На ней в то время жили ижоряне. Их начальник Пелгуй был очень усердный христианин. Он рассказал Александру, что ночью близ устья Невы он ждал князя и молился, всё было тихо, вдруг он услышал шум,

выглянул и видит, что по морю плывёт лодка, гребцы покрыты мглюю, но в лодке два витязя в княжеских одеждах, а лица их сияют. Пелгуй стал всматриваться и увидел, что они совершенно похожи на святых благоверных князей Бориса и Глеба, как их пишут на иконах. Старший из них сказал другому: «Поможем нашему сроднику Александру!». Князь не велел Пелгую никому об этом сказывать и бросился на шведов; они смешались. Александр и его дружина выказали великую храбрость. Один новгородец с топором в руке ворвался в середину врагов, рубил их направо и налево, другой изрубил их лодки, третий гнал сына Биргерова до самой лодки, упал в воду с конём, но вышел и сразился со шведским воеводой. Несколько смельчаков бросились на целый полк. Сам Александр сразился с Биргером и ранил его в лицо. Шведы не выдержали и побежали. Множество их было убито, в том числе воевода и архиепископ, потому что их архиереи иногда сражались как рыцари. Новгородцев же было очень мало убито. Велика была радость в Новгороде и во всей Руси при вести об этой победе. Тогда было самое тяжёлое время татарского погрома; везде горе, беда, поражения. Поэтому все очень любили Алек-

сандра Ярославича за то, что он утешил их этой победой, а так как она была одержана на берегу Невы, то прозвали его Невским.

Ливонцы взяли город Изборск. В Пскове стали всем распоряжаться их друзья. А новгородцы в то время не стали слушаться Александра, и он уехал от них. Но когда рыцари напали на их землю, то они повинились перед князем и стали опять его звать к себе. Он приехал, собрал войско, выгнал из Пскова рыцарских друзей, отобрал у рыцарей русские города, которыми они завладели, победил их и вошёл в их землю. Тогда вели войну не так, как ныне: войско не получало ни жалованья, ни провианта, а всякий кормился тем, что сам промыслит. Русское войско и разошлось за съестными припасами, а рыцари собрались и напали на Александра Ярославича на самом Чудском озере. У них было большое войско, так что они наверняка надеялись победить; один из них даже похвалился взять самого Александра; но Невский побил их наголову, так что 400 рыцарей было убито да 50 взято в плен. А всех убитых было столько, что тела их лежали на семь вёрст.

Однако татарам покорялся и Александр Ярославич, да и нельзя было не покориться. Не такое было время, чтобы с ними воевать. Русь ослабела после татарского погрома, потому что большая часть русского народа была перебита, а у татар потери восполнялись новыми выходцами из степей. К тому же не вся Русская земля была заодно. Даже новгородцы не всегда слушались Александра Ярославича. Когда отец его умер, то Батый

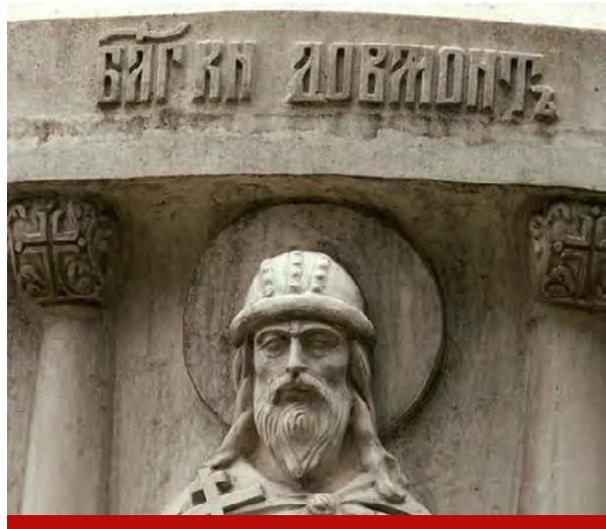
прислал сказать Александру: «Новгородский князь! Если хочешь владеть спокойно, приезжай ко мне!». Может быть, другой возгордился бы своими победами, не захотел бы поклониться татарам, но Александр хотел лучше вытерпеть унижение, чем погубить Русскую землю. Он с братом своим, Андреем, поехал в Сарай. Батый уже слышал о его победах, принял его очень ласково и после свидания с ним сказал, что точно он человек необыкновенный, что справедливо идёт о нём такая слава. Но этого мало; от Батыя наши князья должны были ехать к главному татарскому хану в степи. Страшная была эта дорога, приходилось иногда терпеть голод и холод, ехать по степи, где не было ни лесов, ни городов, ни селений, а кладбища да кости народов, которые жили там прежде, и странников.

Хан отдал Александру Ярославичу Южную Русь, а Андрею – Владимир. Вскоре после этого папа прислал к Александру своего посла, который сказал, что будто отец Александра, когда был в орде, обещал принять католическую веру, а потому и Александр должен сделать это. Но отец Александра этого не обещал, и потому Александр отвечал папе: «Мы знаем истинное учение церкви, а вашего не принимаем и знать не хотим». Брат Невского, Андрей, больше был занят развлечениями, чем делами, и прогневал татар; войско их напало на его землю; он убежал в Швецию, а Александр Ярославич во второй раз поехал в орду и уговорил хана отозвать из Руси татарское войско. Хан назначил его великим князем владимирским.

мирским. Александр оставил в Новгороде своего сына, а сам стал княжить во Владимире и употребил все силы, чтобы устроить русское государство и доставить счастье народу. Но ещё ему дважды пришлось съездить в орду. Батый умер, так Александр должен был поклониться новому хану. Сборщики податей так стали притеснять русских, что в Суздале, Владимире, Ростове и других городах народ бросился на них, некоторых убил, а других выгнал. Надо было ожидать, что за это придёт на Россию татарское войско, но Александр поехал в орду умилять хана. Так он спас Русь от нового разорения, но сам уже не вернулся во Владимир. Всю зиму и лето хан продержал его в орде; он очень ослабел здоровьем. На обратном пути, недалеко от Нижнего Новгорода, в Городце, болезнь его очень усилилась, он постригся, принял схиму и скончался. Митрополит Кирилл, когда получил об этом известие, то сказал: «Солнце наше закатилось!». Духовные, которые были при этом, сперва не поняли этих слов, но потом, когда митрополит прибавил: «Не стало Александра!», все пришли в ужас. Бояре, духовенство и народ все рыдали и говорили: «Погибаем!». Когда тело Александра привезли во Владимир, то, несмотря на страшный холод, народ вышел к нему навстречу до города Боголюбова; не было человека, который бы не плакал на его похоронах.

Этот митрополит Кирилл, который похоронил святого благоверного князя Александра, был очень умный, учёный и усердный пастырь. Он старался исправить духовенство и народ, узаконил, чтобы в священники избирали только достойных людей и чтобы архиереи ничего с них не брали за посвящение. Много он сделал добра и тем, что мирил князей, когда они ссорились между собою. Сперва ссорились за Новгород брат Невский с сыном его, Дмитрием; потом, когда Дмитрий сделался великим князем, брат его, Андрей, дважды приводил татар на Русскую землю, а они страшно её разграбили, кроме Твери, которую защитил храбрый князь Михаил Ярославич; во второй раз помогал Андрею татарский воевода Ногай, который не слушался хана Золотой орды, был его сильнее, породнился с греческим императором и владел в особой орде, названной по его имени ногайской. По смерти Дмитрия Александровича стал великим князем Андрей. Его все ненавидели.

В это время усилилось московское княжество. Там был Даниил Александрович, князь добрый, справедливый, умный, и даже татарам не всегда давался в обиду. Когда он воевал с рязанским князем, то убил в сражении много татар, а рязанского князя полонил. Сын Дмитрия Александровича завещал после своей смерти московскому князю город Переяславль, в то время очень крепкий и богатый.

Почти в одно время с Даниилом Александровичем умер и Довмонт, которого во святом крещении зовут Тимофеем. Он 33 года княжил в Пскове, судил народ право, не давал слабых в обиду, любил помогать бедным. Псковичи с ним не боялись никакого врага. Обыкновенно перед боем он говорил им: «Кто из вас стар, тот мне отец, кто молод, тот брат. Помните отечество и церковь Божию». Псков не был отечеством Довмонта, но он полюбил этот город, как отечество. Самая главная победа его над рыцарями была при Раковоре. Ещё незадолго перед смертью он услужил Пскову. Рыцари неожиданно напали на этот город, завладели предместьями. Рыцари не меньше татар свирепствовали в псковских предместьях, убивали и женщин, и младенцев. Довмонт ударил на них и победил их.

В это время новгородцы воевали со шведами. Множество шведов пришло в новгородскую землю; в семи верстах от нынешнего Петербурга они построили крепость, которую назвали Ландскроною. Это на их языке значит «венец земли». С помощью крепости они надеялись завладеть окрестною страной, но новгородцы взяли её и сровняли с землёй. Великий князь помог им в этом; только хорошего и сделал он для Русской земли. Когда он умер, то никто не пожалел о нём. Во время его войны с Дмитрием и княжения было ещё много других бед на Руси: засуха, голод, мор, страшные пожары. Он детей не оставил, и о великом княжестве стали спорить племянник его Юрий Данилович московский и Михаил тверской. Тверского князя прозвали отечестволюбцем, а он точно стоил этого прозвища, потому что всегда был готов положить свою голову за Русскую землю и всего больше заботился о счастье своих подданных. А Георгий походил на своего дядю Андрея.

А. О. ИШИМОВА
Продолжение следует.

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

Историко-информационный краеведческий журнал
Издание группы казаков Урала, Зауралья, Западной и Восточной Сибири
и Дальнего Востока

Все электронные версии журнала «Казачи за Камнем», книга В. Крюкова «Горький сахар»
и книга А. Толкачёва «Пасынки Родины» выставлены на сайте
единственного в России Музея НКВД.

**Адрес Музея: г. Томск, Мемориальный Музей «Следственная тюрьма НКВД»
nkvd.tomsk.ru**

Как найти наши издания на сайте.

Наберите электронный адрес Музея, найдите рубрику «Архив», затем «Библиотека музея»,
«Историко-художественные произведения», после чего нажмите на первую букву фамилии автора
или названия журнала.

Электронный адрес редакции: KazzaK1949@mail.ru

«Проект журнала «Казачи за Камнем» нуждается в стабильном финансировании, поэтому просим
всех казаков, заинтересованных в продолжении нашей работы, оказать посильную материальную
поддержку, отправив деньги на карту Сбербанка № 4276 6405 9884 4092

*Точка зрения авторов статей, опубликованных в журнале,
может не совпадать с мнением редакции.*

*Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.
С шестого номера журнал выходит только в электронном варианте*

